Московское Общество Народныхъ Университетовъ.

А. А. Кауфманъ.

Аграрный вопросъ въ Россіи.

Лекціи, читанныя въ Московскомъ народномъ университетѣ въ 1907 г.

I.

Земельныя отношенія и земельная политика.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ
Москва.—1908.

13938

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книжка представляетъ собой 1, 2 и 4 лекціи дважды читаннаго въ 1907 году въ Московскомъ Народномъ Университетѣ курса „Аграрный вопросъ въ Россіи", дающія въ совокупности характеристику земельныхъ отношеній и земельной политики пореформеннаго періода. Вторая часть курса, охватывающая 3, 5 и 6 лекціи и дающая теоретическое освѣщеніе нашего аграрнаго вопроса, въ настоящее время печатается.

По поводу объема и содержанія этого курса необходимо замѣтить слѣдующее: взявшись прочесть рядъ лекцій по насущнѣйшему вопросу современной русской жизни, авторъ всѣми силами старался сохранить за своимъ изложеніемъ спокойно-научный характеръ и всячески избѣгалъ „злободневности", а тѣмъ болѣе пропаганды или защиты идей какой бы то ни было изъ современныхъ политическихъ партій. Вотъ почему, между прочимъ, въ лекціи, посвященной „правительственнымъ мѣропріятіямъ", авторъ почти не касается *новѣйшихъ* узаконеній и мѣръ въ области земельнаго вопроса, а въ лекціи, посвященной „общественнымъ теченіямъ" (войдетъ во 2 часть), авторъ разсматриваетъ именно только *теченія* и совершенно не касается *политическихъ партій*, излагаетъ лишь принципіальные взгляды и вовсе не говоритъ о партійныхъ программахъ и платформахъ.

А. К.

Мартъ 1898 г.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Крестьянскіе надѣлы.

Значеніе аграрнаго вопроса.

Аграрный вопросъ въ Россіи—это все равно, что крестьянскій вопросъ,—значитъ, вопросъ, затрагивающій самымъ непосредственнымъ, насущнымъ и жизненнымъ образомъ интересы, приблизительно, пяти шестыхъ населенія нашей родины. Интересы этихъ пяти шестыхъ — это вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы всего русскаго сельскаго хозяйства: если, можетъ-быть, и нельзя сказать, что «*все* сельское хозяйство въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, за рѣдкими исключеніями, ведется по системѣ издѣльной или испольной» (Янсонъ), то во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что все владѣльческое хозяйство ведется крестьянскими руками и стоитъ въ тѣсной зависимости отъ условій землевладѣнія, хозяйства и благосостоянія крестьянъ. Интересы этихъ пяти шестыхъ — это въ то же время интересы всей нашей фабрично-заводской промышленности, а значитъ, и нашего рабочаго класса: только обезпеченное крестьянство можетъ составить необходимый для нашей промышленности широкій рынокъ, безъ котораго

промышленность не можетъ стать на твердую широкую почву. Интересы этихъ пяти шестыхъ — это, въ концѣ-концовъ, интересы всего народа и государства, ибо отъ того рѣшенія, какое получитъ современный аграрный кризисъ, зависитъ все будущее Россіи; отъ рѣшенія аграрнаго вопроса зависитъ и судьба нашей зарождающейся, въ тяжкихъ мукахъ, гражданской и политической свободы.

Въ чемъ же, спрашивается теперь, сущность нашего аграрнаго кризиса? Точно и правильно отвѣтить на этотъ вопросъ—задача сложная и трудная; отвѣтить на него въ двухъ словахъ и вовсе невозможно; разобраться въ этомъ вопросѣ—задача всего нашего курса. Но общепринятый, какъ извѣстно, отвѣтъ — что суть нашего аграрнаго вопроса — въ *малоземельи*, въ недостаточности земельнаго обезпеченія нашего крестьянства; если вы спросите самихъ крестьянъ, въ чемъ корень ихъ бѣдъ и злоключеній, отвѣтъ будетъ всегда одинъ: мало стало земли, стало тѣсно, не къ чему приложить рукъ, нечѣмъ пропитаться. А если это такъ, то, значитъ, корни нашего аграрнаго вопроса—во «всей исторіи послѣдняго сорокалѣтія, точкой отправленія которой служитъ реформа 1861 года. Съ нею, главнымъ образомъ, связано то хорошее, что есть въ позе-мельномъ устройствѣ нашего крестьянскаго населенія, и то дурное, съ чѣмъ приходится теперь считаться» (Мануиловъ). То дурное—но и то хорошее!—условія освобожденія крестьянъ, дѣйствительно, во многомъ не отвѣчали интересамъ кре-

Условія крестьянской реформы, какъ корень малоземелья.

стьянства и всей страны, но они въ общемъ были далеко выгоднѣе, чѣмъ условія освобожденія бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ западноевропейскихъ странахъ. «Если значительная часть (замѣтьте теперь же—значительная часть, а отнюдь *не все* крестьянство!) страдаетъ теперь отъ недостатка надѣльной земли, то они обязаны этимъ прежде всего тѣмъ элементамъ помѣщичьяго класса, которые сумѣли своимъ вліяніемъ исказить основную идею положеній 19 февраля» (онъ же). Поэтому и «установить правильный взглядъ на задачи, подлежащія разрѣшенію въ области земельныхъ отношеній, возможно лишь въ связи съ обзоромъ нѣкоторыхъ сторонъ реформы 19 февраля» и условій поземельнаго устройства какъ бывшихъ крѣпостныхъ, такъ и другихъ разрядовъ крестьянъ.

Причины паденія крѣпостного права.

Крѣпостное право, окончательно окрѣпшее и получившее законченную форму въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, дожило до середины XIX столѣтія. Правительство еще съ начала этого столѣтія, даже еще съ конца XVIII вѣка, начинало задумывать о необходимости его уничтоженія,—но дѣло не шло дальше учрежденія различныхъ секретныхъ комитетовъ и кое-какихъ частныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью облегченіе положенія крѣпостныхъ. Соображенія и обстоятельства, заставлявшія правительство задумываться надъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, были очень разнообразны, и на выясненіи ихъ мы должны, въ краткихъ словахъ, остановиться.

Нечего уже говорить объ идеяхъ гуманности, человѣколюбія, о требованіяхъ религіи и нравственности. Теперь для всякаго ясно, и всегда было ясно для многихъ, что человѣкъ не можетъ быть рабомъ человѣка. Эти идеи, конечно, имѣли значеніе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, но это значеніе было невелико. Эти идеи выражались въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, задолго до 1861 года отпускавшихъ своихъ крестьянъ на волю, и въ политикѣ отдѣльныхъ представителей высшей бюрократіи. Эти идеи яркимъ пламенемъ горѣли въ умахъ лучшихъ представителей русской общественной мысли, начиная отъ Радищева, продолжая Петрашевскимъ и кончая Чернышевскимъ. Но литература и общественная мысль не могли въ тѣ времена оказать прямого вліянія на намѣренія и рѣшенія правительства. Крестьянскимъ вопросомъ много занималась передовая журналистика 50-хъ годовъ, несмотря на всѣ цензурныя и полицейскія препятствія; «но самостоятельной творческой роли въ развитіи и направленіи крестьянскаго вопроса журналистика 50-хъ годовъ имѣть не могла» (Корниловъ); статьи Чернышевскаго «имѣли огромное вліяніе на молодежь, на интеллигенцію вообще, но не на представителей помѣстнаго дворянства и не на членовъ редакціонныхъ комиссій» (онъ же), вырабатывавшихъ основанія крестьянской реформы, до высшихъ же правительственныхъ сферъ эти статьи едва ли и доходили.

Дѣло тутъ было не столько въ идеяхъ, сколько *во всей совокупности условій,* настоятельно требовавшихъ освобожденія крестьянъ.

Требованія сельскаго хозяйства.

До извѣстной степени освобожденіе крестьянъ, вообще переходъ отъ крѣпостного на свободный трудъ, требовалось измѣнившимися условіями сельскохозяйственнаго производства. «Крѣпостное право,—писалъ еще въ 1833 году извѣстный дѣятель эпохи Николая I, Мордвиновъ,—падетъ само собой, когда Россія поднимется въ своемъ экономическомъ развитіи, когда населеніе станетъ соотвѣтствовать пространству земли, когда повысится цѣна земледѣльческихъ продуктовъ, появятся денежные капиталы, и въ результатѣ хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ станетъ выгоднѣе хозяйства съ помощью барщины». Уже въ 1845 году тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій полагалъ, что это время наступило: «Время и новыя отношенія,—писалъ онъ,—измѣнили взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право»; они «уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы»; опыты въ рядѣ губерній,—говорилъ далѣе Перовскій,—показали, что «тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ ненаселенной земли при наемномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противъ помѣщика», хозяйствовавшаго крѣпостнымъ трудомъ.

Однако, и это условіе могло имѣть лишь ограниченное значеніе. Вольнонаемный трудъ въ серединѣ XIX вѣка еще «вовсе не имѣлъ широкаго распространенія» (Семевскій). Въ большихъ размѣрахъ пользовались наемнымъ трудомъ только въ новороссійскихъ степяхъ, въ правобережной Украйнѣ, гдѣ уже въ то время велось свеклоса-

харное хозяйство; даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Тамбовская или Рязанская, вольнонаемный трудъ примѣнялся только въ немногихъ имѣніяхъ; въ значительной части страны примѣненіе вольнонаемнаго труда вовсе не встрѣчалось, и помѣщики не только не желали замѣны крѣпостного труда вольнонаемнымъ, но, напротивъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не видѣли возможности вести хозяйства, основаннаго на свободномъ трудѣ. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, вольнонаемный трудъ въ тѣ времена былъ уже выгоднѣе крѣпостного, то, конечно, помѣщики, не дожидаясь манифеста 19 февраля, стали бы отпускать своихъ крестьянъ на волю безъ земли; и если бы условія сельскохозяйственнаго производства въ то время дѣйствительно уже не мирились съ крѣпостнымъ трудомъ и настоятельно требовали труда вольнонаемнаго, то освобожденіе крестьянъ на такихъ притомъ выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ должно было бы повести къ немедленному расцвѣту помѣщичьяго хозяйства. Мы знаемъ, что этого не случилось и не могло случиться: господствовавшіе въ серединѣ XIX вѣка способы обработки земли были такъ просты, что успѣшное веденіе хозяйства было вполнѣ возможно и при крѣпостномъ трудѣ; у помѣщиковъ не было ни необходимыхъ знаній, чтобы завести въ своихъ имѣніяхъ лучшее хозяйство, ни необходимыхъ для этого капиталовъ; не было и оборотныхъ средствъ, чтобы нанимать свободныхъ рабочихъ. Помѣщики, для которыхъ освобожденіе крестьянъ, да еще освобожденіе съ землею, могло быть выгодно, составляли исключеніе,—исключеніе соста-

влялй и мѣстности, гдѣ переходъ къ вольному труду могъ вызвать подъемъ сельскохозяйственнаго производства.

Тѣмъ не менѣе, изслѣдователи крестьянскаго вопроса (Семевскій) отмѣчаютъ, что въ черноземной полосѣ крѣпостное право въ серединѣ XIX в. не представляло уже тѣхъ выгодъ для помѣщиковъ, какое оно имъ давало раньше, когда земля была нипочемъ, а цѣну имѣлъ одинъ только крестьянскій трудъ; крѣпостной трудъ не представлялъ уже тѣхъ выгодъ, а между тѣмъ помѣщикамъ приходилось отвѣчать предъ правительствомъ за крестьянскія подати и продовольствовать крѣпостныхъ при неурожаяхъ; во многихъ губерніяхъ черноземной полосы населенныя земли, продававшіяся вмѣстѣ съ крестьянами, въ концѣ 50-хъ годовъ были не только не дороже, но даже дешевле ненаселенныхъ земель,—крѣпостной трудъ, значитъ, дѣйствительно потерялъ цѣну для помѣщиковъ. А между тѣмъ на очень многихъ помѣщикахъ лежали тяжелые долги—въ концѣ 50-хъ годовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ было заложено болѣе половины (54%) всѣхъ крѣпостныхъ душъ; такіе задолжавшіе помѣщики нерѣдко могли даже желать освобожденія крестьянъ, они охотно шли и на освобожденіе съ землею, потому что разсчитывали получить хорошій выкупъ и изъ полученныхъ денегъ расплатиться съ кредиторами.

Интересы государства.

Но больше всего требовали освобожденія крестьянъ интересы государства, и прежде всего чисто финансовые интересы,—интересы государственной

казны. Единственный въ то время крупный прямой налогъ—подушная подать—не давалъ государству значительныхъ доходовъ. Но пока существовало крѣпостное право, не могли давать достаточныхъ доходовъ и косвенные налоги: косвенные налоги могутъ давать много только тамъ, гдѣ населеніе зажиточно, гдѣ развиты торговля и промышленность; а между тѣмъ существованіе крѣпостного права, конечно, плохо отражалось на благосостояніи крестьянъ, значитъ, главной массы населенія, и тормозило развитіе промышленности и торговли: крѣпостное право привязывало крестьянъ къ землѣ, заставляло болѣе состоятельныхъ изъ нихъ скрывать свои средства, въ то же время оно позволяло помѣщикамъ удовлетворять большей части своихъ потребностей продуктами крѣпостного труда, не обращаясь къ услугамъ городской промышленности; такимъ образомъ, оно до послѣдней степени суживало спросъ на ея продукты какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны крестьянъ, а безъ такого спроса не могла, конечно, развиваться промышленность, не могла развиваться и торговля.

Но вредныя послѣдствія крѣпостного права захватывали гораздо шире, и съ особенною ясностью они обнаружились въ Крымскую войну; это именно—полная негодность всей правительственной системы и невозможность серьезнаго ея преобразованія, пока существовало крѣпостное право. Страна нуждалась въ самоуправленіи; но какое было возможно самоуправленіе, когда главная масса населенія находилась въ рабствѣ у незначительнаго меньшинства? Пока существовало это рабство, строгая

опека правительственной власти была даже необходима, потому что она хоть сколько-нибудь защищала крѣпостныхъ отъ злоупотребленій помѣщичьею властью. А между тѣмъ правительственный механизмъ оказывался уже безсильнымъ удовлетворять все усложнявшимся потребностямъ общественной, экономической и культурной жизни страны.

Мало того: существованіе крѣпостного права ослабляло самую государственную власть, ослабляло самое государство, и это съ особенною наглядностью обнаружилось именно въ эпоху Крымской войны. «Чѣмъ бы ни болѣла земля — усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ ихъ одно другому,— всякій подобный недугъ, отнимая у правительства возможность располагать всѣми подвластными ему средствами и въ случаѣ опасности прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствовалъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ событій» (Корниловъ). Какой, въ самомъ дѣлѣ, былъ возможенъ подъемъ народной силы (а только такой подъемъ могъ дать Россіи побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ!), когда правительство *боялось* и — пока оно поддерживало крѣпостное право — *должно было* бояться этой силы. Среди крестьянъ, когда началась война, ходили слухи, что «Бонопартъ дастъ волю» отъ помѣщиковъ; манифестъ о созывѣ государственнаго ополченія вызвалъ всеобщее броженіе среди помѣщичьихъ крестьянъ, которые толпами записывались въ ополченіе, такъ какъ думали,

что всѣ, записавшіеся въ ополченцы, будутъ отпущены на волю; въ концѣ-концовъ, правительству, «вмѣсто того, чтобы опереться на воодушевленныя патріотическимъ чувствомъ народныя массы, пришлось высылать противъ нихъ воинскія команды», — подъемъ народнаго настроенія не только не далъ государству новыхъ силъ, но заставилъ отвлечь часть вооруженной силы отъ борьбы съ грознымъ внѣшнимъ врагомъ...

И въ то же время, благодаря постояннымъ крестьянскимъ волненіямъ, сопровождавшимся нерѣдко убійствами помѣщиковъ, поджогами и т. п., «постепенно усиливалось среди самихъ помѣщиковъ сознаніе опасности сохраненія прежняго порядка», — «крестьянскій терроръ сильно ослаблялъ для помѣщиковъ прелесть пользованія властью надъ «крещеною собственностью» (Семевскій), а въ правительственныхъ сферахъ все болѣе крѣпла мысль: отмѣнить крѣпостное право сверху, чтобы оно не было отмѣнено снизу; освободить крестьянъ велѣніемъ государственной власти, чтобы освобожденіе не наступило, какъ слѣдствіе революціоннаго террора.

Роль правительства и дворянства.

Всѣ историки и изслѣдователи крестьянскаго вопроса согласны въ томъ, что высшая государственная власть, въ лицѣ императора Александра II, искренно и горячо желала освобожденія крестьянъ, и притомъ освобожденія на возможно выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Будучи наслѣдникомъ престола, великій князь Александръ Николаевичъ былъ противникомъ освобожденія. Но

совокупность обстоятельствъ, частью изложенныхъ выше, въ особенности исходъ Крымской войны, убѣдили его въ томъ, что освобожденіе крестьянъ— государственная необходимость, и онъ сдѣлался искреннимъ и убѣжденнымъ поборникомъ освобожденія. Чрезвычайно характерно и поведеніе главнаго сотрудника Александра II въ дѣлѣ освобожденія — Я. И. Ростовцева: это былъ старый николаевскій солдатъ, мало понимавшій общія гуманныя идеи; онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно «крѣпостью, спокойствіемъ и безопасностью государства», и правильное пониманіе нуждъ и интересовъ государства подсказало ему правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ.

Въ средѣ помѣстнаго дворянства сознаніе неизбѣжности и государственной необходимости освобожденія крестьянъ было далеко не такъ ясно и твердо. Не мало было такихъ помѣщиковъ, которые до послѣдней минуты были рѣшительно противъ освобожденія. Большинство, правда, понимало неизбѣжность освобожденія крѣпостныхъ, но совершенно не понимало, что освобожденіе должно послѣдовать на благопріятныхъ для крестьянъ условіяхъ; въ громадномъ большинствѣ помѣстное дворянство руководствовалось однимъ стремленіемъ: оставить себѣ и получить съ правительства и съ крестьянъ какъ можно больше— все, что только возможно...

Невѣрно было бы, однако, думать, что помѣстное дворянство представляло собою въ то время нѣчто однообразное; напротивъ, интересы дворянства разныхъ мѣстностей были весьма разно-

образны. Въ средней черноземной полосѣ земля въ то время была уже дорога, а трудъ былъ дешевъ; крѣпостное право, значитъ, было уже невыгодно для помѣщиковъ — они, поэтому, ничего не имѣли противъ освобожденія; но земля при вольнонаемномъ хозяйствѣ или при арендѣ обѣщала хорошій доходъ, а потому дворянство средней черноземной полосы стремилось стать «монополистами цѣннаго товара—чернозема» (Корниловъ); оно стояло за безземельное освобожденіе, или въ крайнемъ случаѣ соглашалось дать крестьянамъ самый небольшой надѣлъ, чтобы привязать ихъ къ мѣсту и обезпечить себя рабочими руками. Такъ же, приблизительно, понимали свои интересы помѣщики юго-западныхъ губерній, гдѣ уже въ то время помѣщичье хозяйство носило капиталистическій характеръ, и земля обѣщала помѣщикамъ хорошіе доходы. Въ нечерноземной полосѣ земля, какъ извѣстно, малоплодородна и сама по себѣ, безъ людей, не имѣла почти никакой цѣны. Цѣнился здѣсь въ то время одинъ только трудъ: крестьянскіе оброки давали помѣщикамъ нечерноземной полосы большій доходъ, чѣмъ въ черноземной полосѣ давала крестьянская барщина, и потому населенныя имѣнія въ неплодородной черноземной полосѣ продавались дороже, чѣмъ на плодородномъ черноземѣ. Потеря крѣпостного права была, поэтому, явно убыточна для помѣщиковъ нечерноземной полосы; а разъ уже приходилось его терять, то, конечно, имъ не было никакого расчета стоять за безземельное освобожденіе — безъ крѣпостного труда малоплодородныя земли не имѣли для нихъ никакого

значенія. Ихъ расчетъ былъ, напротивъ, дать крестьянамъ хотя бы и большіе земельные надѣлы, чтобы этимъ привязать ихъ къ мѣсту, а главное — взять за землю возможно дороже; ихъ интересъ былъ притомъ выговорить себѣ не долголѣтній оброкъ, а единовременный выкупъ, чтобы получить въ свое распоряженіе капиталы, необходимые для веденія хозяйства на остальной землѣ. Въ степныхъ, новороссійскихъ и заволжскихъ, губерніяхъ земля была хотя и плодородна, но малодоходна, вслѣдствіе рѣдкости населенія: земля была дешева, а руки очень дороги, а то и вовсе ихъ нельзя было достать. Помѣщикамъ степныхъ губерній было, поэтому, выгодно, чтобы крестьяне получили свободу—свобода должна была обезпечить имъ притокъ рабочихъ рукъ изъ густонаселенныхъ и малоземельныхъ среднихъ губерній; имъ было выгодно, съ другой стороны, надѣлить крестьянъ землею, чтобы опять-таки привязать ихъ къ землѣ; но имъ было выгодно дать возможно малые надѣлы, чтобы у крестьянъ оставалось достаточно времени работать на помѣщичьей землѣ.

Тѣ интересы, которые приходилось отстаивать дворянству, были, такимъ образомъ, очень разнообразны; но во всякомъ случаѣ все дворянство, какъ классъ, отстаивало *свои, классовые* интересы, и только немногія единичныя личности изъ среды помѣстнаго класса возвышались надъ личными и классовыми интересами и являлись поборниками болѣе широкихъ, народныхъ и государственныхъ интересовъ.

А между тѣмъ въ то время помѣстное дворянство было единственнымъ вліятельнымъ обще-

ственнымъ классомъ, оно одно играло политическую роль. Оно имѣло огромныя связи при дворѣ и въ средѣ высшей бюрократіи; на сторонѣ его стояли многіе изъ великихъ князей и большинство министровъ; нѣкоторые изъ нихъ (Муравьевъ и Бутковъ) ѣздили даже въ провинцію, чтобы агитировать среди дворянъ. Искренними сторонниками освобожденія крестьянъ и поборниками ихъ интересовъ, кромѣ государя, были только: изъ среды, императорской фамиліи императрица Марія Александровна и особенно вел. кн. Константинъ Николаевичъ и вел. княгиня Елена Павловна; изъ среды высшей бюрократіи—министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и назначенный предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій ген. Я. И. Ростовцевъ, о которомъ уже упоминалось выше. Императору Александру II и учрежденнымъ по его повелѣнію редакціоннымъ комиссіямъ пришлось вынести огромную борьбу, при которой высшая власть не останавливалась временами передъ очень рѣшительными и даже крутыми мѣрами: государь самъ предпринималъ поѣздки по губерніямъ, говорилъ дворянамъ рѣчи, изъявляя свою непремѣнную волю довести дѣло освобожденія крестьянъ до конца въ благопріятномъ для крестьянства направленіи; когда дворянскіе комитеты и составленный преимущественно изъ представителей того же помѣстнаго дворянства государственный совѣтъ начинали тянуть дѣло, по повелѣнію государя назначались сроки, къ которымъ комитеты и совѣтъ обязательно должны были закончить свое дѣло; когда вызванные въ редакціонныя комиссіи депутаты такъ называемаго второго призыва воз-

намѣрились выступить съ возраженіями въ неблагопріятномъ для крестьянъ смыслѣ противъ проектированныхъ основаній реформы, имъ было запрещено входить въ обсужденіе этихъ основаній: имъ разъяснили, что они должны только давать нужныя правительству свѣдѣнія, а вовсе не участвовать въ разрѣшеніи законодательнаго вопроса. Особымъ циркуляромъ было воспрещено подвергать крестьянскій вопросъ обсужденію на дворянскихъ собраніяхъ. Бывали даже случаи административной высылки слишкомъ ярыхъ противниковъ крестьянской реформы за направленныя противъ нея рѣчи и записки...

Очень искренно стояли за крестьянскіе интересы, несомнѣнно, и сами редакціонныя комиссіи, воодушевляемыя своимъ предсѣдателемъ Я. И. Ростовцевымъ и подобранныя, въ большинствѣ, изъ людей, сочувствовавшихъ реформѣ. Онѣ признавали себя «какъ бы представителями безгласнаго крестьянства»; онѣ «сознательно наклоняли вѣсы на сторону крестьянъ»: «наклонять вѣсы въ сторону помѣщиковъ будетъ и много о..отниковъ и много силы», заступаться же за крестьянскіе интересы будетъ некому, кромѣ комиссій, — такъ писалъ Ростовцевъ государю въ самомъ разгарѣ ихъ работъ.

И, тѣмъ не менѣе, творцамъ положеній 19 февраля пришлось пойти на огромныя уступки; уступки эти — мы сейчасъ увидимъ — касались и размѣра надѣловъ и крестьянскихъ платежей: надѣлы были значительно сокращены, платежи повышены противъ того, что предполагалось первоначально. И можетъ быть, что уступки эти были

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕС АКАДЕМИИ

неизбѣжны: помѣстное дворянство въ то время представляло собой еще огромную соціальную силу—единственную, имѣвшую непосредственное вліяніе на государственныя дѣла. Число сторонниковъ крѣпостного права «было еще очень велико и могло превратиться въ подавляющее большинство, если бы условія выкупа были предложены невыгодныя для дворянства; хотя жизнь, литература, правительство, дворянство много устранили препятствій къ разрѣшенію вопроса, окончательная его развязка могла еще, при неблагопріятныхъ условіяхъ, быть отсрочена на болѣе или менѣе продолжительный періодъ» (Милюковъ). Приходилось соглашаться на освобожденіе хотя бы на менѣе выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, лишь бы поскорѣе рушилось крѣпостное право...

Уступки, сдѣланныя помѣстному классу при выработкѣ началъ реформы 19 февраля 1861 года, отразились на двухъ существеннѣйшихъ ея сторонахъ: размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ и величинѣ крестьянскихъ платежей. На каждой изъ этихъ двухъ сторонъ мы теперь и должны остановиться.

Размѣръ надѣловъ. а) нормы надѣленія.

I. *Размѣръ надѣловъ.* Въ вопросѣ о размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ положенія 19 февраля представляютъ собою компромиссъ, примиреніе двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Образованные на мѣстахъ дворянскіе комитеты высказывались противъ надѣленія крестьянъ *достаточнымъ* количествомъ земли. «Одно только опредѣленіе нормальнаго крестьянскаго надѣла,—

полагали помѣщики, — и притомъ въ возможно меньшихъ размѣрахъ можетъ, съ одной стороны, привести къ скорому и естественному замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда трудомъ свободнымъ, а съ другой — доставить помѣщику постоянныхъ работниковъ для его хозяйства, въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, если они будутъ *недостаточно* обезпечены землею въ пользованіе», — иначе сказать, недостаточное надѣленіе крестьянъ обезпечивало помѣщиковъ дешевыми рабочими руками и выгодными арендаторами на остающуюся въ ихъ рукахъ землю. Редакціонныя комиссіи исходили, напротивъ, изъ той точки зрѣнія, что цѣль правительства при освобожденіи крестьянъ — въ созданіи «обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія, съ первой же поры его образованія, лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію». Комиссіи, значитъ, дѣйствительно стремились провести ту мысль, которая была выражена императоромъ Александромъ II еще въ рескриптѣ 2 ноября 1857 года—«отвести крестьянамъ надлежащее по мѣстнымъ условіямъ количество земли *для обезпеченія ихъ быта* и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ».

Мысль редакціонныхъ комиссій была—сохранить за крестьянами, въ видѣ надѣла, существовавшее при крѣпостномъ правѣ пользованіе. Установить какія-либо нормы надѣленія казалось комиссіямъ дѣломъ совершенно несбыточнымъ въ виду «тройственной невозможности: опредѣлить съ надлежащею точностью самыя нужды крестьянина въ

каждой мѣстности, исчислить дѣйствительную производительность поземельнаго надѣла въ каждой отдѣльной полосѣ Россіи, наконецъ, оцѣнить, даже съ приблизительною достовѣрностью, степень выгоды, извлекаемой каждымъ крестьяниномъ изъ промысловъ, служащихъ восполненіемъ дохода, получаемаго отъ земли»; 50 лѣтъ тому назадъ редакціонныя комиссіи совершенно ясно поняли тѣ огромныя трудности, какія и по настоящее время препятствуютъ и, надо думать, всегда будутъ препятствовать правильному вычисленію нормъ. Напротивъ, существующіе надѣлы, по мнѣнію комиссій, «за немногими исключеніями представляютъ лучшее и даже единственное правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина». Въ основу поземельнаго устройства крестьянъ редакціонныя комиссіи предполагали, такимъ образомъ, положить существовавшее при крѣпостномъ правѣ землепользованіе; затѣмъ, по соображенію съ фактическими данными, имѣвшимися въ трудахъ дворянскихъ комитетовъ и дѣйствовавшихъ около того времени комитетовъ о земскихъ повинностяхъ, предполагалось установить нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ: высшія нормы, чтобы не допустить надѣленія въ явно чрезмѣрномъ размѣрѣ, низшія,—чтобы давать добавочный надѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики, при крѣпостномъ правѣ, совсѣмъ обезземелили крестьянъ или предоставили имъ слишкомъ ничтожные тягловые надѣлы. Высшія нормы были вычислены съ такимъ расчетомъ, чтобы отрѣзки отъ

существовавшаго при крѣпостномъ правѣ пользованія могли имѣть мѣсто лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, когда «по безпечности или великодушію помѣщика» тягловые надѣлы крестьянъ были явно больше, чѣмъ требовалось для удовлетворенія потребностей крестьянъ. Низшіе надѣлы, до которыхъ должно было доводиться надѣленіе безземельныхъ или крайне малоземельныхъ, комиссіи предполагали установить въ двѣ пятыхъ высшаго надѣла. Самые размѣры нормъ высшаго надѣла, по первоначальнымъ предположеніямъ комиссій, колебались: для губерній нечерноземной полосы—между $3^1/_4$ и 8 дес., для черноземной нестепной—между 3 и $4^1/_2$, для степной—между $6^1/_2$ и 12 десятинами; цифры эти были значительно выше, для многихъ губерній вдвое выше нормъ, проектировавшихся мѣстными дворянскими комитетами [1]). По убѣжденію, высказывавшемуся комиссіями, проектировавшіяся ими нормы высшаго надѣла были не только не слишкомъ щедры,—онѣ были «скорѣе малы»; такіе высшіе надѣлы, полагали комиссіи, «только что обезпечиваютъ существованіе крестьянъ» и «ни въ какомъ случаѣ подлежать дальнѣйшему пониженію не мо-

---

[1]) Затѣмъ уже, во второмъ періодѣ своихъ работъ, редакціонныя комиссіи подвергли выработанную ими систему нормъ высшаго надѣла довольно серьезной переработкѣ; нормы были частью понижены, но частью повышены: съ одной стороны, для нѣкоторыхъ мѣстностей черноземной полосы проектирована не предполагавшаяся ранѣе норма въ $2^3/_4$ дес., но зато добавлены нормы въ $5^1/_2$ и 6 дес.; для степной полосы отброшена ранѣе проектировавшаяся по нѣкоторымъ мѣстностямъ норма въ 12 дес. и т. д.

гутъ». Мы сейчасъ увидимъ, однако, что проектированныя комиссіями нормы высшаго надѣла были, въ дѣйствительности, значительно понижены.

Предположенія комиссій были прежде всего подвергнуты обсужденію на мѣстахъ,—конечно, обсужденію представителей помѣстнаго сословія. Такая повѣрка и обсужденіе возраженій дворянскихъ депутатовъ, вызванныхъ для участія въ комиссіяхъ, привели, правда, къ нѣкоторому повышенію нормъ высшаго надѣла для степной полосы: самый низшій размѣръ высшаго надѣла былъ повышенъ съ $6^1/_2$ до 7 десятинъ, и вновь явилась вычеркнутая было норма въ 12 десятинъ. Нѣкоторое повышеніе нормъ высшаго надѣла было допущено также для трехъ уѣздовъ черноземной полосы, въ нечерноземной полосѣ—для 13 цѣлыхъ уѣздовъ и для 6 частей уѣздовъ. Общимъ правиломъ было, однако, болѣе или менѣе значительное пониженіе нормъ: такое пониженіе было допущено по нечерноземной полосѣ для 33 цѣлыхъ уѣздовъ и 9 частей уѣздовъ, по черноземной—для 38 цѣлыхъ уѣздовъ и 20 частей уѣздовъ, при чемъ для десяти уѣздовъ и 14 частей уѣздовъ (въ итогѣ по обѣимъ полосамъ) нормы высшаго надѣла были понижены на четверть десятины, по 46 уѣздамъ и 7 частямъ уѣздовъ—на полдесятины, по 12 уѣздамъ и 2 частямъ уѣздовъ—на $^3/_4$ дес., по 3 уѣздамъ и 6 частямъ уѣздовъ—на цѣлую десятину; любопытно отмѣтить, что случаи пониженія нормы на $^3/_4$ дес. и на цѣлую десятину имѣли мѣсто почти исключительно по черноземной полосѣ; какъ мы указывали выше, помѣщичій классъ въ черноземныхъ

губерніяхъ гораздо больше дорожилъ землей, чѣмъ въ нечерноземной, и прилагалъ гораздо больше усилій къ тому, чтобы сократить размѣры надѣленія крестьянъ.

На этомъ сокращенія нормъ, однако, не остановились. Новое пониженіе нормъ высшаго надѣла послѣдовало при разсмотрѣніи проекта положеній въ государственномъ совѣтѣ, который, состоя по преимуществу изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему помѣстному дворянству, выступилъ горячимъ защитникомъ его интересовъ. Для 36 уѣздовъ нечерноземной полосы, значитъ, той, гдѣ помѣщики меньше дорожили землей, было, правда, допущено повышеніе нормъ,—въ томъ числѣ по 13 уѣздамъ нормы были увеличены на 1—2 десятины. Но по 107 уѣздамъ изъ общаго числа 232 уѣздовъ черноземной полосы нормы высшаго надѣла были понижены: въ 67 случаяхъ на $^1/_4$ и $^1/_2$ десятины, въ 24 случаяхъ на десятину, въ 15—на $1^1/_2$ десятины и больше. По нечерноземной полосѣ нормы были понижены для 50 уѣздовъ изъ общаго числа 142: для 21 уѣзда или частей уѣздовъ на $^1/_4$ дес., для 21—на $^1/_2$ десятины, для четырехъ—на 1—2 дес., для другихъ четырехъ—даже на 3 и на $3^1/_2$ десятины.

б) Другія условія.

Независимо отъ такого болѣе или менѣе общаго пониженія нормъ высшаго надѣла, въ проектъ положеній постепенно введенъ былъ рядъ другихъ измѣненій, выгодныхъ для помѣщиковъ и стѣснительныхъ для крестьянъ. Прежде всего была сокращена норма низшаго надѣла, т.-е. тотъ размѣръ, до котораго должны были доводиться на-

дѣлы безземельныхъ или крайне малоземельныхъ крестьянъ. Подъ вліяніемъ дворянскихъ настояній, редакціонныя комиссіи признали именно необходимымъ «для строгаго соблюденія правила объ исключительности прирѣзки земли» установить размѣръ низшаго надѣла не въ двѣ пятыхъ, какъ предполагалось раньше, а въ одну треть установленной для каждаго уѣзда или части уѣзда нормы высшаго надѣла; «по мнѣнію многихъ»—признавали комиссіи—въ мелкомѣстныхъ имѣніяхъ крестьянскіе надѣлы меньше, чѣмъ въ большихъ имѣніяхъ, а потому прирѣзка до прежде проектировавшейся нормы низшаго надѣла была бы слишкомъ тяжела для мелкомѣстныхъ владѣльцевъ. Далѣе: въ первомъ періодѣ работъ редакціонныхъ комиссій предполагалось производить отрѣзку излишка земли отъ многоземельныхъ крестьянъ съ извѣстною постепенностью, по мѣрѣ выхода крестьянъ въ другія сословія или выселенія ихъ на новыя мѣста. Во второмъ періодѣ редакціонныя комиссіи отказались отъ этого, весьма важнаго для крестьянъ, ограниченія,—отказались «въ видахъ удовлетворенія желаній, выраженныхъ многими членами комитетовъ». Наконецъ, уже въ самый послѣдній моментъ, при обсужденіи проекта положеній въ Государственномъ Совѣтѣ, въ положенія были введены правила о такъ называемыхъ «дарственныхъ» надѣлахъ: помѣщикамъ предоставлено по добровольному соглашенію съ крестьянами «подарить» имъ четвертую часть высшаго надѣла,—иначе сказать, отвести имъ безплатно четверть нормальнаго надѣла: уступая безплатно небольшую часть надѣла, помѣщикъ получалъ, такимъ образомъ,

возможность какъ бы выкупить для себя право вѣчнаго владѣнія всею остальною землей своего имѣнія. Ниже намъ придется подробнѣе выяснить, что такое эти дарственные надѣлы, и къ какимъ послѣдствіямъ для крестьянъ приводилъ такой «подарокъ».

Существенное ограниченіе правъ крестьянъ по части надѣленія землей было введено въ проектъ положеній еще въ первомъ періодѣ работъ редакціонныхъ комиссій: было именно признано, что надѣленіе крестьянъ ни въ какомъ случаѣ не должно приводить къ совершенному обезземеленью помѣщика, и за помѣщиками признано право во всякомъ случаѣ сохранить за собою опредѣленную часть своей земли, хотя бы для этого пришлось урѣзать крестьянскіе надѣлы. Какую именно часть—на этотъ счетъ требованія дворянскихъ комитетовъ были очень различны: одни довольствовались четвертью, другіе требовали, чтобы за помѣщикомъ сохранялись двѣ трети, большинство комитетовъ требовало сохраненія за помѣщикомъ трети или половины всей земли. Редакціонныя комиссіи остановились на одной трети; онѣ ясно сознавали вредъ, какой долженъ послѣдовать отъ этого ограниченія для крестьянъ густо населенныхъ имѣній, но пошли на это, «уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, въ соединеніи съ желаніемъ устранить, по возможности, разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею». Вначалѣ предполагалось при расчетѣ доли, подлежащей сохраненію за помѣщикомъ, принимать въ расчетъ *всѣ* его владѣнія какъ

въ данномъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ, смежныхъ. Во второмъ періодѣ признано нужнымъ принимать въ соображеніе одну лишь удобную площадь, и притомъ лишь тѣхъ земель помѣщика, которыя лежатъ въ разстояніи не далѣе 25 (а по окончательно утвержденному положенію даже 12) верстъ отъ даннаго селенія. Такимъ образомъ, у помѣщика въ губерніи, даже уѣздѣ, могли быть огромныя пространства земли, и, тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ право требовать отрѣзки отъ крестьянскаго надѣла, если въ непосредственной близости отъ селенія (а такой случай былъ очень обыкновеннымъ, гдѣ крестьяне жили большими селеніями) за надѣленіемъ крестьянъ въ полномъ размѣрѣ у него, помѣщика, осталось бы менѣе трети всей земли.

Сокращеніе землепользованія.

Всѣ эти ограниченія правъ крестьянъ по части надѣленія землею привели къ очень рѣзкому сокращенію размѣровъ крестьянскаго надѣла [1]): въ общемъ для всей страны итогѣ, примѣрно, на одну пятую часть. Въ разныхъ губер-

---

[1]) Надо, однако, замѣтить, что уступки были все-таки гораздо меньше, чѣмъ требовали помѣщики,—редакціоннымъ комиссіямъ удалось много отвоевать въ пользу крестьянъ. Это видно хотя бы изъ такихъ примѣровъ: по Новгородской губ., если бы прошли нормы, проектированныя дворянскими комитетами, у крестьянъ было бы отрѣзано 933 тыс. дес.,—благодаря сохраненному въ положеніяхъ 19 февр. повышенію нормъ противъ требованій дворянскихъ комитетовъ въ дѣйствительности было отрѣзано 555 тыс. дес. Въ Рязанской губерніи отъ крестьянъ было отрѣзано всего 70.000 дес.,—по дворянскимъ проектамъ пришлось бы отрѣзать 470.000 дес. и т. д.

ніяхъ притомъ надѣлы сократились въ очень различной степени. По даннымъ, сообщаемымъ однимъ изъ участниковъ крестьянской реформы, П. П. Семеновымъ, крестьяне въ Рязанской губ. имѣли при крѣпостномъ правѣ 1.070.000 дес., при освобожденіи они получили ровно милліонъ десятинъ; сокращеніе надѣловъ въ этой губерніи было, значитъ, очень невелико. Невелико оно было и въ Симбирской губерніи: изъ 599 тыс. дес. крестьяне получили въ надѣлъ 530 тыс. дес.; но въ Воронежской губерніи крестьянамъ осталось только 570.000 изъ 722.000 дес., въ Саратовской 834.000 изъ 1.078.000, въ Новгородской даже только 1.045.000 изъ 1.600.000 десятинъ. Въ Саратовской губерніи надѣлъ увеличился, при освобожденіи, у 7,4%, значитъ, у одной четырнадцатой части крестьянъ; съ небольшимъ у четверти (28,4%) надѣлъ остался безъ измѣненія, почти у двухъ третей (64%) надѣлъ сократился: въ общемъ итогѣ у этихъ двухъ третей, отъ которыхъ были сдѣланы отрѣзки, при крѣпостномъ правѣ было въ среднемъ на мужскую душу по 4,9 дес., послѣ выхода на волю осталось всего 2,8 дес.,- надѣлъ, значитъ, сократился почти что вдвое. Больше нормы высшаго надѣла въ той же губерніи имѣла до реформы почти половина (48%) всѣхъ крестьянъ, послѣ выхода на волю всего 5,8% (одна семнадцатая часть); надѣлъ менѣе трехъ четвертей нормальнаго имѣли при крѣпостномъ правѣ около одной шестой (16,1%), послѣ выхода на волю на такой надѣлъ попало больше половины 52,4%) всѣхъ крестьянъ.

Дарственники и безземельные.

На дарственный надѣлъ вышло всего 640 тысячъ ревизскихъ душъ—6% или около одной шестнадцатой части всѣхъ вышедшихъ на волю крестьянъ. По отдѣльнымъ мѣстностямъ, однако, дарственники распредѣляются чрезвычайно неравномѣрно: въ губерніяхъ сѣверной промысловой области на дарственный надѣлъ почти совсѣмъ не выходили,—помѣщикамъ здѣсь вовсе не было расчета оставлять за собою землю, а было гораздо выгоднѣе дать крестьянамъ полные надѣлы, но взять съ нихъ возможно высокую плату. Напротивъ, въ южныхъ, юго-восточныхъ и частью сѣверо-восточныхъ губерніяхъ число дарственниковъ было очень значительно: въ Воронежской, Симбирской, Казанской, Екатеринославской губерніяхъ на дарственный надѣлъ вышло отъ 20 до 30%, около четверти всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ; въ Пермской, Саратовской, Таврической, Вятской—около трети, 33—35%; въ Уфимской и Самарской—двѣ пятыхъ и больше, 40—45%; въ Оренбургской, гдѣ, впрочемъ, помѣщичьихъ крестьянъ было немного, почти три четверти ихъ получили дарственный надѣлъ: помѣщики здѣсь уже въ то время дорожили землей, потому что предвидѣли возрастаніе ея цѣнности и доходности, и въ то же время имъ былъ расчетъ «дарить» крестьянамъ четвертные надѣлы, чтобы привязать ихъ къ мѣсту, какъ постоянныхъ арендаторовъ и рабочихъ. Почему же, спрашивается, *крестьяне* соглашались итти на четвертной надѣлъ? Отчасти подъ вліяніемъ прямого или косвеннаго принужденія и насилія; отчасти—благодаря своей темнотѣ и

незнанію законовъ роста арендныхъ и продажныхъ земельныхъ цѣнъ: обычная средняя доходность земли и арендныя цѣны въ то время были далеко ниже тѣхъ платежей, которыми облагались крестьянскія земли въ пользу помѣщиковъ; крестьяне, поэтому, считали для себя выгоднымъ взять даромъ четвертной надѣлъ, а затѣмъ по дешевой цѣнѣ арендовать помѣщичьи земли. Конечно, крестьяне сильно ошиблись въ своихъ расчетахъ: цѣны на землю, естественнымъ образомъ, должны были расти по мѣрѣ увеличенія народонаселенія: а между тѣмъ отрѣзка у соглашавшихся на дарственный надѣлъ трехъ четвертей той земли, которою они раньше пользовались, создавала огромный добавочный спросъ на землю, а въ то же время и усиленное предложеніе рабочихъ рукъ: оставшись на дарственномъ надѣлѣ, крестьяне должны были усиленно арендовать помѣщичью землю,—значитъ, набивать на нее цѣны; они должны были искать работы въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, значитъ, сбивать цѣну на свой трудъ; они проигрывали и на томъ и на другомъ, а помѣщики, какъ *они* правильно разсчитали, получали огромныя выгоды и отъ повышенія арендныхъ цѣнъ и отъ удешевленія крестьянскаго труда.

Такимъ образомъ, крестьянская реформа, извращенная противъ благихъ намѣреній государя и немногихъ его сотрудниковъ, искренно желавшихъ добра крестьянамъ, значительно сократила общіе размѣры крестьянскаго землевладѣнія и создала многочисленный классъ крайне малоземельныхъ крестьянъ; мало того, она создала еще обширный классъ *безземельнаго* сельскаго населенія. Это

прежде всего бывшіе дворовые, которыхъ по 10 ревизіи насчитывалось болѣе 720 тыс. душъ муж. пола; а затѣмъ—довольно значительное число крестьянъ, перечисливщихся въ мѣщане и потому не получившихъ земельнаго надѣла. Многихъ крестьянъ въ то время просто принудили перечислиться въ мѣщане и отказаться отъ надѣла; другіе были введены въ обманъ помѣщиками, желавшими оставить за собой всю свою землю, или отказались отъ надѣла подъ вліяніемъ все того же ошибочнаго расчета, въ надеждѣ не платить за землю высокаго выкупа, а взамѣнъ того вести хозяйство на арендованной, по тогдашнимъ дешевымъ цѣнамъ, помѣщичьей землѣ.

Способъ отвода надѣловъ.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще самаго *способа отвода* надѣловъ, который, въ очень многихъ случаяхъ, былъ крайне неблагопріятенъ для крестьянъ и поставилъ въ безвыходное положеніе даже многихъ изъ тѣхъ, которые получили въ надѣлъ вполнѣ достаточное количество земли: очень многіе крестьянскіе надѣлы отведены чрезполосно съ землями, оставшимися за помѣщикомъ; въ другихъ случаяхъ помѣщичьи земли вклиниваются въ крестьянскія и вплотную подходятъ къ крестьянскимъ усадьбамъ; въ третьихъ клочки помѣщичьей земли остались вкрапленными въ самую середину крестьянскихъ надѣловъ и т. п. Опять-таки, и такой нецѣлесообразный отводъ надѣловъ вызывался нерѣдко неправильнымъ расчетомъ *обѣихъ* сторонъ: и помѣщики и крестьяне думали только о томъ, чтобы оставить за собою всѣ лучшіе клочки земли, чтобы не отдать

ни пяди обработанной земли; крестьяне, поэтому, настаивали на включеніи въ надѣлъ всѣхъ клочковъ пашни или покоса, далеко заклинившихся въ помѣщичью землю или расположенныхъ съ нею чрезполосно, и охотно отдавали помѣщикамъ всю неудобную и малоудобную землю, хотя бы и вкрапленную среди крестьянскихъ полей. Многіе помѣщики, однако, вели дѣло съ сознательнымъ расчетомъ: они нарочно устраивали «клинья» и «западни», чтобы впослѣдствіи, при помощи ихъ, прижимать крестьянъ; въ концѣ-концовъ, явились деревни, которымъ «некуда курицу выпустить», потому что помѣщичья межа прошла подъ самыми усадьбами; деревни, не имѣющія прогона на свои поля иначе, какъ чрезъ помѣщичью землю; деревни, отрѣзанныя отъ водопоя и т. д., — и крестьяне были поставлены въ необходимость переплачивать огромныя деньги за потравы или по несообразнымъ цѣнамъ арендовать иногда совершенно безплодныя земли.

Крестьянскіе платежи.

II. *Крестьянскіе платежи.* Переходя теперь къ вопросу о крестьянскихъ платежахъ, необходимо прежде всего выяснить, *что* крестьянамъ приходилось выкупать у помѣщиковъ,—одну только землю, или также и свою личную свободу? Со стороны помѣщиковъ, особенно въ нечерноземной полосѣ, гдѣ земля не имѣла цѣнности, а помѣщичьи доходы извлекались изъ оброковъ, было не мало поползновеній выторговать себѣ вознагражденіе и за личное освобожденіе крѣпостныхъ, за тотъ крѣпостной трудъ, котораго они лишались. Во многихъ дворянскихъ комитетахъ шла сильная борьба

между «плантаторами», какъ тогда выражались, требовавшими выкупа *и за людей*, и «либералами», считавшими возможнымъ требовать выкупа *только за землю*. Тверской губернскій комитетъ прямо-таки требовалъ выкупа «не только за земли, отведенныя крестьянамъ, но и за личность крѣпостныхъ».

Что подлежало выкупу?

Однако, императоръ Александръ II положилъ конецъ прямымъ притязаніямъ помѣщиковъ получить плату за личность крѣпостныхъ: государь положительно и безповоротно указалъ, что «личность крѣпостныхъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежатъ не могутъ».

Прямо требовать вознагражденія за личность и трудъ крестьянъ помѣщикамъ было, значитъ, запрещено. И вотъ, поборники интересовъ помѣстнаго класса, которыхъ было много среди высшей бюрократіи, придумали способъ обойти волю государя,—именно, такъ называемую «подесятинную градацію» обложенія. Говорили, что равномѣрное подесятинное обложеніе надѣльныхъ земель не соотвѣтствовало бы выгодамъ, какія получаютъ и будутъ получать отъ нихъ крестьяне: крестьяне, надѣленные, напримѣръ, одною десятиной, обрабатываютъ ее чрезвычайно тщательно и извлекаютъ изъ нея весь доходъ, какой она только можетъ дать. Вторая десятина крестьянамъ тоже необходима; съ двухъ десятинъ крестьяне получатъ больше выгодъ, чѣмъ съ одной,—но *не вдвое* больше, потому что вторая десятина будетъ не такъ полно использована какъ первая: крестьянинъ не въ состояніи уже будетъ затрат..ть на

ея обработку столько труда и оборотнаго капитала, сколько онъ затратилъ бы на одну первую десятину. Еще меньше выгодъ крестьянинъ извлекаетъ изъ третьей, четвертой, пятой десятинъ, потому что на обработку ихъ онъ сможетъ затратить еще гораздо меньше труда и капитала, чѣмъ на обработку второй, а тѣмъ болѣе первой десятины.

Подесятинная градація.

Отсюда выводъ: оцѣнить дороже всего первую десятину, вторую десятину оцѣнить нѣсколько ниже первой, но выше остальныхъ. 9-рублевый душевой оброкъ, по первоначальному проекту редакціонныхъ комиссій, предполагалось разложить такимъ образомъ: при четырехдесятинномъ надѣлѣ на первую десятину положить 4 р., на вторую—2 р. 40 к., на двѣ остальныхъ—по 1 р. 30 к.; при пятидесятинномъ надѣлѣ — на первую тѣ же четыре рубля, на вторую—2 р. 20 к., на остальныя—по $93^1/_3$ к.; при восьмидесятинномъ — на первую десятину тоже четыре рубля, на вторую—1 р. 60 к., на остальныя шесть десятинъ—по $56^2/_3$ к.

Размѣръ обложенія.

Совершенно ясно, что *дѣйствительная* цѣль изобрѣтателей этой системы обложенія была — обезпечить помѣщикамъ вознагражденіе «за души», за личность и трудъ крѣпостныхъ: вмѣстѣ съ первою десятиной выкупалась «душа», и четырехрублевый оброкъ являлся платою за землю и за душу; остальныя десятины оплачивались дешевле, потому что выкупъ здѣсь взимался уже за одну только землю. Желаніе вознаградить помѣщиковъ за потерю права на крѣпостной трудъ ясно выразилось и при опредѣленіи общихъ суммъ оброка,

наложеннаго на крестьянъ. Собственно говоря, оброкъ долженъ былъ оплачиваться только «за пользованіе надѣлами»,—значитъ, размѣры его должны были опредѣляться въ зависимости только отъ качества и сельскохозяйственной доходности земли. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, при опредѣленіи размѣра оброковъ въ разныхъ мѣстностяхъ были приняты во вниманіе и доходы отъ неземледѣльческихъ заработковъ (только такъ могло, очевидно, выйти, что оброки по нечерноземной полосѣ, съ ея безплодными и бездоходными землями, оказались не ниже и даже выше, чѣмъ по черноземной!),—значитъ оброки должны были вознаградить помѣщика не только за землю, но и за крѣпостной трудъ, т.-е. за потерю права на личность крѣпостного.

За исходную точку при опредѣленіи размѣра оброковъ редакціонныя комиссіи признали нужнымъ принять существовавшіе при крѣпостномъ правѣ размѣры повинностей. Были собраны свѣдѣнія о повинностяхъ по всѣмъ губерніямъ, и вотъ, отбросивъ крайности, т.-е. исключительно высокія или низкія цифры, комиссіи получили сравнительно однообразныя нормы душевого оброка: для пяти подстоличныхъ и наиболѣе промышленныхъ губерній нечерноземной полосы — 10 р., для остальныхъ губерній нечерноземной оброчной полосы — 9 р.; для всей остальной Россіи,—значитъ для нечерноземной барщинной, для черноземной не-степной и для степной полосы — 8 р. съ души. Впослѣдствіи были внесены различныя болѣе или менѣе несущественныя поправки, и, въ концѣ-концовъ, положеніями

установлено четыре нормы оброка, причитающагося съ полнаго душевого надѣла: 12, 10, 9 и 8 руб., при чемъ въ нечерноземной полосѣ съ первой десятины взимается половина, со второй — четверть полнаго оклада, послѣдняя же четверть распредѣляется поровну между остальными десятинами положеннаго для даннаго уѣзда полнаго надѣла; значитъ, при 12-рублевомъ оброкѣ и 5-десятинномъ надѣлѣ на первую десятину ложится шесть рублей, на вторую—3, на остальныя три—по 1 рублю, и, слѣдовательно, двухдесятинный надѣлъ платитъ 9 р., 3-десятинный—10, 4-десятинный—11 р. и т. п. Въ черноземной полосѣ, гдѣ хозяйство ведется безъ удобренія и гдѣ, поэтому, доходность первыхъ десятинъ не такъ рѣзко отличается отъ доходности остальныхъ надѣльныхъ земель, на первую десятину (включая въ то число усадьбу) положено 4 р., остальная же сумма оброка распредѣляется поровну между всѣми остальными десятинами полнаго душевого надѣла; значитъ, при 10-рублевомъ оброкѣ и 5-десятинномъ высшемъ надѣлѣ съ первой десятины причитается 4 рубля, со всѣхъ остальныхъ по полтора рубля, и, слѣдовательно, крестьянамъ съ 3-десятиннымъ надѣломъ приходится платить $4 + (2 \times 1$ р. 50 к.), т.-е. всего 7 рублей.

Такимъ образомъ, въ основу обложеніе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ за отведенные имъ надѣлы положенъ принципъ обратнаго отношенія размѣровъ подесятиннаго обложенія съ размѣрами надѣла: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ тяжелѣе обложена всякая десятина. Но совершенно очевидно, что изложенныя выше соображенія, кото-

рыми оправдывался такой способъ обложенія, не имѣютъ ничего общаго съ разумными основами финансоваго обложенія: платить налоги населеніе можетъ только изъ того дохода, который у него остается свободнымъ за покрытіемъ его насущнѣйшихъ потребностей; между тѣмъ надѣлъ въ одну десятину не только не оставляетъ подобнаго свободнаго дохода, но не покрываетъ и необходимыхъ потребностей, — съ одной десятины крестьянинъ, значитъ, вовсе не можетъ ничего платить; чѣмъ больше размѣръ надѣла, тѣмъ больше тотъ излишекъ, который остается за покрытіемъ необходимыхъ потребностей, и тѣмъ, значитъ, бо̀льшую часть дохода со своего надѣла крестьянинъ могъ бы отдавать въ видѣ оброковъ и другихъ платежей. Понять принятый въ положеніяхъ 19 февраля способъ земельнаго обложенія можно *только*, если принять въ соображеніе, что обложеніе первой десятины являлось, въ дѣйствительности, выкупомъ за личность; но даже и при этомъ условіи такую систему обложенія приходится признать крайне неравномѣрною и неразумною: для нечерноземной полосы, гдѣ главнымъ источникомъ доходовъ населенія являются промыслы, 5 и даже 6 рублей съ первой десятины было не слишкомъ тяжелымъ обложеніемъ личности крестьянина; для черноземной полосы, гдѣ промысловъ не было и нѣтъ, даже 4 рубля были крайне тяжелымъ обложеніемъ.

Оброкъ и выкупъ.

Формой платежей, по «положеніямъ», былъ безсрочный оброкъ, который, въ случаѣ добровольнаго соглашенія сторонъ, могъ быть замѣненъ единовременнымъ выкупомъ при содѣйствіи правитель-

ства: въ этомъ послѣднемъ случаѣ годовой оброкъ подлежалъ капитализаціи изъ 6%, т.-е. сумма годового оброка, для полученія выкупной суммы, помножалась на $16^2/_3$, и затѣмъ правительство выдавало въ ссуду 75 или 80% получившейся суммы; эта выкупная ссуда выдавалась непосредственно помѣщику, въ видѣ притомъ не денегъ, а особыхъ кредитныхъ бумагъ, такъ называемыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ, и затѣмъ подлежала выплатѣ крестьянами въ теченіе 49 лѣтъ ежегодными платежами въ размѣрѣ 6% съ общей суммы ссуды, изъ которыхъ $^1/_2$% предназначались въ возмѣщеніе расходовъ казны по веденію выкупной операціи, остальные же $5^1/_2$% составляли ростъ и погашеніе долга. Помѣщику, однако, предоставлялось требовать перевода крестьянъ на выкупъ и помимо ихъ согласія, — въ такомъ случаѣ помѣщикъ долженъ былъ ограничиться тѣми 75 — 80% выкупной суммы, которые выдавались въ ссуду казною, и терялъ право на доплату остальныхъ 20—25% со стороны крестьянъ.

Впослѣдствіи, въ 1882 году, добровольный выкупъ оброчной подати былъ замѣненъ обязательнымъ выкупомъ. Мнѣ нѣтъ, однако, надобности останавливаться здѣсь на этой позднѣйшей реформѣ крестьянскихъ платежей, потому что насъ занимаютъ въ данную минуту тѣ условія, на которыхъ состоялся въ 1861 году выходъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на волю, и роль правительства и помѣстнаго класса при установленіи этихъ условій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ напомнить, что замѣна непрерывно уплачиваемаго крестьянами

оброка единовременнымъ выкупомъ была въ интересахъ помѣщиковъ преимущественно нечерноземной полосы, для которыхъ выкупная операція была равносильна вынужденной для покупщиковъ-крестьянъ продажѣ, по чрезмѣрнымъ цѣнамъ, безплодной и малоцѣнной земли, — вотъ почему во всей нечерноземной полосѣ преобладалъ выкупъ по требованію помѣщика, хотя помѣщики при этомъ лишались, какъ мы видѣли, права на крестьянскія доплаты, т.-е. теряли пятую или четвертую часть всей выкупной суммы. Очевидно, что и остальныя $^3/_4$ или $^4/_5$ были болѣе чѣмъ достаточною продажною цѣной за помѣщичьи земли нечерноземной полосы. Но и независимо отъ этого, соглашаться на выкупъ и даже требовать выкупа помѣщиковъ побуждали два другихъ обстоятельства: крайняя нужда въ оборотныхъ средствахъ, чтобы организовать хозяйство на вольнонаемномъ трудѣ, и большіе долги, лежавшіе на помѣщичьихъ земляхъ: изъ 748 милл. рублей выкупной ссуды на погашеніе долговъ пошло 302 милліона рублей. Но это обстоятельство, конечно, было выгодно для крестьянъ, такъ какъ заставляло помѣщиковъ соглашаться на выкупъ на сравнительно легкихъ для крестьянъ условіяхъ, т.-е. безъ доплатъ къ выдававшимся правительствомъ выкупнымъ ссудамъ.

Общій выводъ. Таковы существеннѣйшія, съ занимающей насъ точки зрѣнія, условія поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, сопровождавшаго ихъ освобожденіе. Общій выводъ изъ изложеннаго сводится къ тому, что крестьянская реформа, какъ она

вылилась въ положеніяхъ 19 февраля 1861 года, была результатомъ упорной борьбы правительства съ помѣщичьимъ классомъ, который, благодаря своему вліянію, успѣлъ вынудить въ свою пользу цѣлый рядъ существенныхъ уступокъ и на размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ и на величинѣ крестьянскихъ платежей. «Реформа въ томъ видѣ, какъ она совершилась, явилась компромиссомъ между владѣльцами, желавшими освобожденія крестьянъ безъ земли или съ завѣдомо недостаточными надѣлами, и тѣми, которые находили, что цѣль реформы заключается въ созданіи у насъ класса не только лично свободныхъ, но и экономически-самостоятельныхъ поселянъ-собственниковъ. Пройдя посерединѣ, «положенія 19 февраля создали классъ поселянъ-собственниковъ, частью недостаточно надѣленныхъ землею и поэтому оказавшихся по освобожденіи въ болѣе или менѣе тяжелой зависимости отъ того же владѣльческаго класса, отъ котораго юридически освободила ихъ реформа» (Мануиловъ).

Однако, если искать корней первопричины современнаго аграрнаго кризиса въ условіяхъ поземельнаго устройства крестьянъ, то это будетъ правильно, какъ отмѣчаетъ и проф. Мануиловъ, лишь для «значительной части» крестьянъ. «Отрѣзки,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ,—вѣдь были не вездѣ, многіе крестьяне получили полностью пахатныя и сѣнокосныя земли, находившіяся въ ихъ распоряженіи; нѣкоторые получили даже прибавку къ своему до-реформенному надѣлу. Почему же вся русская деревня оказалась и до сихъ поръ остается закрѣпощенной?».

И это справедливо даже для помѣщичьихъ крестьянъ. Даже и по отношенію къ нимъ лишь съ большою осторожностью можно говорить объ условіяхъ надѣленія землею по положеніямъ 19 февраля, какъ объ основной причинѣ переживаемаго ими кризиса. Тѣмъ болѣе рѣчи не можетъ быть объ этомъ по отношенію къ бывшимъ государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ. Поземельное устройство тѣхъ и другихъ, также сопровождавшее переводъ ихъ на свободное положеніе, послѣдовало внѣ всякой зависимости отъ вліянія владѣльческаго класса, который вѣдь не былъ заинтересованъ въ условіяхъ надѣленія этихъ группъ крестьянъ, — и потому реформа не только не понизила, но въ общемъ скорѣе повысила ихъ земельное обезпеченіе.

Удѣльные крестьяне.

Удѣльные крестьяне получили личную свободу еще въ 1858 году, когда имъ были дарованы права «свободныхъ сельскихъ сословій». Основанія ихъ поземельнаго устройства были установлены первоначально указомъ 5 марта 1861 года; основанія эти были въ общемъ тѣ же, что и для бывшихъ помѣщичьихъ, — установленъ былъ только льготный пятилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго крестьянамъ предоставлялось сохранять во временное пользованіе тѣ угодья, которыя, какъ излишнія сверхъ установленныхъ нормъ, подлежали отрѣзкѣ въ распоряженіе удѣла. 23 іюня 1863 года было издано окончательно выработанное, полное положеніе о надѣленіи землею бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Оно содержало значительныя отклоненія отъ началъ, указанныхъ въ указѣ 5 марта 1861 года, — отклоненія исключительно

въ пользу крестьянъ и въ ущербъ удѣльному вѣдомству, какъ владѣльцу земли. Утвержденію этого новаго положенія предшествовалъ рядъ проектовъ, каждый изъ которыхъ содержалъ болѣе или менѣе существенныя уступки интересамъ крестьянъ, самое же положеніе представляетъ «наиболѣе полное торжество гуманныхъ началъ крестьянской реформы»; «интересы крестьянъ ни въ чемъ не жертвуются въ пользу матеріальныхъ интересовъ удѣла» (Ходскій); крестьянамъ отводятся въ надѣлъ всѣ состоящія въ ихъ пользованіи земли, безъ какихъ бы то ни было отрѣзокъ, съ обязательнымъ выкупомъ у удѣльнаго вѣдомства. Начало обязательнаго выкупа, такимъ образомъ, впервые получило осуществленіе именно у удѣльныхъ крестьянъ; самый размѣръ выкупныхъ платежей былъ опредѣленъ безъ какого-либо увеличенія противъ плативщихся удѣльными крестьянами оброчныхъ платежей,—удѣльное вѣдомство только обезпечило себѣ исправное ихъ полученіе: оно получало выкупные непосредственно отъ казны, и уже казна должна была взимать платежи съ крестьянъ.

Государственные крестьяне.

Еще болѣе благопріятными были условія поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ: «надѣленіе государственныхъ крестьянъ не встрѣтило той оппозиціи, съ которою приходилось имѣть дѣло при опредѣленіи размѣровъ надѣла помѣщичьихъ крестьянъ», и потому устроившая ихъ быть реформа 24 ноября 1866 года въ гораздо большей степени послужила дѣлу народнаго благосостоянія, нежели реформа 19 февраля

(1861 года), — она въ гораздо большей степени осуществила идею обезпеченія крестьянъ землею» (Иванюковъ).

Еще уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, дѣйствовавшій въ то время, когда государственные крестьяне были въ личной зависимости отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, установилъ для надѣленія государственныхъ крестьянъ нормы въ 8 и 15 дес. на ревизскую душу: первую для малоземельныхъ, вторую для многоземельныхъ мѣстностей. На основаніи этихъ нормъ было произведено надѣленіе государственныхъ крестьянъ во всей средней полосѣ Россіи, а также въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ: въ первую очередь производилось дополнительное надѣленіе землею тѣхъ изъ государственныхъ крестьянъ, которые имѣли менѣе $2^1/_2$, потомъ — имѣвшихъ отъ $2^1/_2$ до 5 дес., потомъ всѣхъ остальныхъ, кому не хватало до нормы; всѣмъ имъ отводилась земля либо изъ свободныхъ дачъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, либо изъ излишковъ, которые отрѣзывались отъ многоземельныхъ казенныхъ селеній; если земли на мѣстѣ не хватало, всѣмъ многоземельнымъ въ той же, только что указанной, постепенности предоставлялось право на переселеніе на свободныя государственныя земли другихъ мѣстностей при широкомъ и правильно организованномъ содѣйствіи правительства. Оброчные платежи при первомъ министрѣ государственныхъ имуществъ, П. Д. Киселевѣ, который былъ создателемъ всей этой широкой системы поземельной и переселенческой политики, были очень умѣренны; его преемникъ, из-

вѣстный М. Н. Муравьевъ, бывшій потомъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ въ эпоху польскаго возстанія, исходилъ въ своей политикѣ изъ другихъ цѣлей и въ особенности изъ стремленія къ увеличенію доходовъ казны, и во время его управленія вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ послѣдовало значительное повышеніе платежей государственныхъ крестьянъ: по пяти губерніямъ, напримѣръ, платившимъ до Муравьева 1.822.000 р., платежи государственныхъ крестьянъ были возвышены до 2.939.000 рублей.

Въ 1863 году были высочайше утверждены «основанія поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ». Эти основанія «дѣйствительно согласованы съ основаніями положенія 19 февраля и отличаются совершенною ясностью и опредѣленностью»; и послѣдовательнымъ развитіемъ этихъ основаній явился землеустроительный законъ 24 ноября 1866 года. По силѣ этого закона бывшіе государственные крестьяне вездѣ, гдѣ имъ ранѣе были отведены надѣлы, сохраняютъ всѣ отведенныя имъ въ надѣльное пользованіе земли. Гдѣ отвода надѣловъ ранѣе не послѣдовало (въ сѣв. и сѣв.-вост. губерніяхъ), надѣлы отводятся имъ по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ не свыше, однако, тѣхъ же 8 и 15-десятинной нормъ; особыми инструкціями, также имѣвшими силу закона, былъ подробно установленъ способъ опредѣленія «существующаго пользованія», при чемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существовало переложное хозяйство, крестьянамъ было предоставлено право получать въ надѣлъ не только дѣйствительно состоящія въ ихъ пользо-

ваніи земли, но и необходимое количество цѣлинной или залежной земли для веденія переложнаго хозяйства, хотя бы при этомъ общій размѣръ отводимаго надѣла и получался болѣе 15 десятинъ; крестьянамъ, дѣйствительное пользованіе которыхъ не достигало нормы, было предоставлено право на полученіе дополнительнаго надѣла, при недостаткѣ же въ данной мѣстности свободныхъ казенныхъ земель — право на переселеніе на свободныя казенныя земли другихъ мѣстностей. За отводимые имъ надѣлы крестьяне должны были, по закону 1866 года, платить оброчную подать, размѣры которой установлялись первоначально на 20 лѣтъ и по истеченіи этого срока могли подлежать повышенію; оброчная подать могла, по желанію крестьянъ, подлежать выкупу, но условія этого послѣдняго были крайне затруднительны, ибо законъ требовалъ единовременнаго взноса всей выкупной суммы безъ какого-либо содѣйствія выкупу со стороны правительства.

Способъ отвода надѣла.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ основаніяхъ поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о *способахъ отвода* надѣловъ, практиковавшихся въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ,— въ особенности Вологодской, Костромской и Вятской: по закону, какъ я упоминалъ, отводу въ надѣлъ подлежало «существующее пользованіе»; подъ такимъ пользованіемъ разумѣлись такъ называемыя «постоянныя угодья», т.-е. пашни, передѣляемые и подворные покосы и т. п. Между тѣмъ угодья постояннаго

пользованія крестьянъ сѣверныхъ губерній, въ значительной своей части, либо вклиниваются длинными и узкими полосами къ окружающіе крестьянскія населенія казенные и удѣльные лѣса, либо разбросаны среди этихъ лѣсовъ мелкими клочками, совершенно оторванными отъ селеній и «починковъ». При такомъ расположеніи угодій отводъ надѣловъ по принципу сохраненія существующаго пользованія приводилъ къ крайней чрезполосности и длинноземелью и такимъ образомъ создавалъ, съ одной стороны, существенныя неудобства для самихъ крестьянъ и ихъ хозяйства, а съ другой — обезцѣнивалъ огромныя пространства казенныхъ (или удѣльныхъ) земель, изрѣзанныя крестьянскими угодьями; обезцѣнивалъ въ томъ смыслѣ, что лишенныя покосовъ, отрѣзанныя отъ воды, эти пространства становились совершенно недоступными для дальнѣйшаго заселенія. Во многихъ случаяхъ, однако, крестьяне отказывались принимать въ надѣлъ эти чрезполосно расположенные клочки и ленты покосныхъ и всякихъ иныхъ угодій, разсчитывая на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ пользоваться ими на правахъ арендаторовъ; бывало и такъ, что не въ мѣру ретивые чиновники казны или удѣла, лѣсничіе и т. п., не ожидая конца поземельно-устроительныхъ работъ, зачисляли эти угодья въ оброчныя статьи; въ такомъ случаѣ надѣлы получались недостаточно обезпеченные необходимыми угодьями, въ особенности покосами, а крестьяне оказывались въ положеніи вынужденныхъ арендаторовъ этихъ угодій у казны или удѣла.

Сравненіе съ бывшими помѣщичьими крестьянами.

Въ общемъ, однако—повторяю—условія поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ были несравненно болѣе благопріятны, чѣмъ условія поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: въ то время какъ послѣдніе получили, въ среднемъ выводѣ для всей Россіи, по 3,2 дес. на ревизскую душу, бывшіе удѣльные получили кругомъ по 4,9 дес., значитъ, въ полтора раза больше, бывшіе государственные—по 6,7 дес., вдвое больше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне. Если, въ частности, остановиться на бывшихъ удѣльныхъ крестьянахъ, то окажется, что при отводѣ имъ надѣловъ по положенію 23 іюня 1863 г. землепользованіе ихъ увеличилось по всѣмъ губерніямъ, кромѣ Симбирской; въ общемъ итогѣ по 18 губерніямъ средняя земельная обезпеченность удѣльныхъ крестьянъ возросла послѣ надѣленія съ 4,2 до 4,8 дес. на ревизскую душу. По нѣкоторымъ губерніямъ, именно, Петербургской, Московской, Калужской, Нижегородской, бывшіе удѣльные получили, правда, нѣсколько меньше земли, чѣмъ бывшіе помѣщичьи, напр., по Московской первые получили $2^1/_4$, вторые—2,9 дес.; по Калужской первые получили 2,9, вторые—3,4 дес. Но по большинству губерній средній надѣлъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ оказался значительно больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ; такъ, средній надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Тверской губерніи составлялъ 4 дес., бывшихъ удѣльныхъ—5,7 дес.; въ Новгородской губ. первые получили въ среднемъ 5,6, вторые—6,3 дес., въ Вятской первые—

3,3 дес., вторые—5,7 дес. Что касается до бывшихъ государственныхъ крестьянъ, то только въ губерніяхъ Ярославской и Тверской они получили, въ среднемъ, столько же земли, сколько бывшіе помѣщичьи; во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ они получили больше, въ нѣкоторыхъ — значительно больше, чѣмъ помѣщичьи; такъ, въ Калужской губерніи послѣдніе получили въ среднемъ по 3,4, бывшіе государственные—по 4,3 дес.; въ Костромской — 4,8 и 5,7 дес., въ Петербургской—4,7 и 7,5 дес., въ Вятской—3,3 и 9,5 десятинъ. Къ тому же бывшіе государственные крестьяне, кромѣ земельнаго надѣла въ указанныхъ выше размѣрахъ, получали еще лѣсной надѣлъ, какого бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ не полагалось вовсе.

Что касается до оброчныхъ платежей, то въ среднемъ выводѣ для всей Россіи на десятину падало: у бывшихъ помѣщичьихъ 1 р. 31 к., у бывшихъ государственныхъ 83 копейки, такъ что разница между платежами тѣхъ и другихъ достигала 58%; по отдѣльнымъ губерніямъ эта разница была еще гораздо болѣе рѣзкою, достигая, напримѣръ, по Ставропольской губерніи 207%, — значитъ, платежи помѣщичьихъ крестьянъ въ этой губерніи были втрое выше, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ; въ Самарской разница 142%, въ Оренбургской, Херсонской и Екатеринославской 88—98%, въ Вятской и Вологодской 70—71% и т. д.

Вопросъ о степени достаточности крестьянскихъ надѣловъ.

Для того, чтобы составить себѣ точное и опредѣленное сужденіе о степени достаточности надѣленія крестьянъ разныхъ категорій необходимо было бы, строго говоря, располагать

данными о нормально-необходимыхъ размѣрахъ надѣленія крестьянъ. Мы видѣли, что редакціонныя комиссіи, вырабатывавшія положенія 19 февраля, признали задачу выработки такого рода нормъ неразрѣшимою, и вопросъ о такихъ нормахъ остался неразрѣшеннымъ и до настоящаго времени: мы и теперь не можемъ и, вѣроятно, никогда не сможемъ точно и достовѣрно опредѣлить, какое количество земли можно признать за нормально-необходимое. И вотъ, чтобы выяснить степень сравнительной обезпеченности землею различныхъ группъ крестьянства, проф. Ходскій обратился къ такому пріему. Онъ принялъ за доказанное, что казна, какъ земледѣлецъ, стремившійся къ наиболѣе полному использованію своихъ земель, надѣляла крестьянъ землею въ количествѣ, въ общемъ соотвѣтствующемъ ихъ рабочей силѣ, а потому призналъ возможнымъ принять за трудовую норму (т.-е. за количество земли, достаточное для использованія всей рабочей силы крестьянской семьи) среднее въ каждой губерніи количество земли у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; надѣлы, соотвѣтствующіе этой, приблизительно-вычисленной, рабочей нормѣ, онъ призналъ *достаточными*, превышающіе ее — *избыточными*, не достигающіе этой нормы — *недостаточными*. А затѣмъ, подсчитавъ число ревизскихъ душъ въ селеніяхъ съ различными размѣрами надѣла, проф. Ходскій вычислилъ, что *избыточно* (т.-е. свыше трудовой нормы) надѣленные составляютъ среди бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ 50,7%, среди бывшихъ помѣщичьихъ 13,9%;

Вычисленія проф. Ходскаго.

35,6% первыхъ и 43,5% вторыхъ получили *достаточные*, 13,7% первыхъ и 42,6% вторыхъ — *недостаточные* надѣлы; иначе сказать половина бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ получила избыточные, треть—достаточные, одна седьмая—недостаточные надѣлы; изъ бывшихъ владѣльческихъ недостаточные надѣлы получили немного болѣе двухъ пятыхъ; приблизительно, такое же число крестьянъ получило достаточные, а около одной седьмой—избыточные, превышающіе трудовую норму, надѣлы; достаточнымъ и болѣе чѣмъ достаточнымъ является такимъ образомъ, по вычисленіямъ проф. Ходскаго, земельное обезпеченіе шести седьмыхъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ и почти трехъ пятыхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Выводы Янсона.

Еще раньше проф. Ходскаго, въ концѣ 70-хъ годовъ, вопросъ о степени достаточности крестьянскихъ надѣловъ и посильности крестьянскихъ платежей былъ подвергнутъ подробному разбору въ извѣстномъ трудѣ проф. Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ». Въ виду того громаднаго вліянія, которое имѣла въ свое время работа Янсона на общественное мнѣніе, я считаю необходимымъ съ извѣстною подробностью изложить, подлинными словами автора, его окончательные выводы.

По всѣмъ 12 губерніямъ нечерноземной великорусской полосы, по Янсону, «не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго

хозяйства, въ большинствѣ же и прокормить ихъ не въ состояніи. На тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, душевой надѣлъ, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и притомъ, если земля не очень ужъ плоха, не можетъ быть менѣе 8 десятинъ. Средніе надѣлы даже у бывшихъ государственныхъ крестьянъ не достигаютъ этой цифры, у бывшихъ помѣщичьихъ они въ половину менѣе», а между тѣмъ «за прокормленіемъ остается еще уплата податей и оброковъ». Для черноземной полосы надѣлъ съ усадьбой и выпускомъ «не можетъ быть менѣе 10 десятинъ или 5 десятинъ въ душевомъ надѣлѣ; при такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть, за покрытіемъ потребности въ кормовыхъ средствахъ, никакихъ избытковъ — на необходимые расходы не остается ничего, тѣмъ болѣе на уплату податей»; ясно, что «не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще трехъ десятинъ, но и высшіе ихъ надѣлы, въ 3—3$^1/_2$ дес., даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины, а особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже средней по губерніи и низшіе по губерніи? А такихъ въ трехпольной черноземной полосѣ почти половина, а мѣстами и большинство». Въ результатѣ «въ 74,5% — значитъ въ трехъ четвертяхъ уѣздовъ сѣверной части черноземной полосы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать со своихъ надѣловъ

даже насущнаго хлѣба, а въ остальныхъ 25,5% или одной четверти уѣздовъ, въ такомъ положеніи находится значительная часть этихъ крестьянъ»; а что̀ касается до крестьянъ на низшемъ надѣлѣ, дарственниковъ и т. п., то «ихъ положеніе хуже, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ, когда они были, по крайности, сыты и когда помѣщикъ платилъ за нихъ подати. Если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности, то едва ли, впрочемъ, не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ трехпольной черноземной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ»... Платежи въ большинствѣ губерній нечерноземной полосы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ превышаютъ доходность надѣльной земли, примѣрно, въ полтора раза, у бывшихъ помѣщичьихъ на полномъ надѣлѣ — въ два и въ $2^1/_2$ раза; и притомъ, замѣчаетъ Янсонъ, «доходность здѣсь величина совершенно фиктивная», не выражающая дѣйствительнаго дохода: «если земельный надѣлъ не можетъ обезпечить насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то еще менѣе, конечно, онъ можетъ давать дѣйствительнаго дохода»; и, въ концѣ-концовъ, «вся тяжесть платежей ложится на трудъ, на заработки» крестьянъ. Въ черноземной полосѣ платежи за землю бывшихъ государственныхъ крестьянъ «составляютъ отъ 30 до 148% фиктивной же доходности земли, по земскимъ оцѣнкамъ, а у бывшихъ помѣщичьихъ—отъ 24 до 124% при среднемъ надѣлѣ и до 200% при низшемъ; отсюда для черноземнаго крестьянина то же стремленіе къ постороннимъ заработкамъ, не изъ желанія увеличить

свое благосостояніе, а изъ нужды, чтобы прокормить, одѣть семью и уплатить подати», а между тѣмъ въ черноземной полосѣ «никакихъ заработковъ и промысловъ внѣ земледѣлія нѣтъ для громаднаго большинства крестьянъ». По всей Россіи, таково заключеніе Янсона, «слабая обезпеченность хозяйственнаго быта крестьянъ, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 года призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда», т.-е. у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Гдѣ нѣтъ экономической обезпеченности, тамъ почти излишне дополнять картину состоянія народа изображеніемъ явленій, отъ нея зависящихъ, какъ «плохое питаніе, дурныя физическія и нравственныя условія жизни, большая болѣзненность и сильная смертность». И покойный изслѣдователь заканчивалъ внушительнымъ предостереженіемъ: «податная система и аграрное законодательство наше не могутъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для благоденствія и настоящаго и будущихъ поколѣній».

Въ качествѣ такого грознаго предостереженія трудъ Янсона имѣетъ большое историческое значеніе: какъ я сказалъ, онъ оказалъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе. Правительство отнеслось къ предостереженіямъ Янсона безъ достаточнаго вниманія: взгляды Янсона были признаны неблагонамѣренными, по части расширенія крестьянскаго землевладѣнія ничего, въ сущности, не было сдѣлано еще въ теченіе многихъ лѣтъ, и только пониженіе выкупныхъ платежей было непосредственнымъ практическимъ результатомъ Янсоновской работы.

Значеніе этихъ выводовъ.

Повторяю, историческое значеніе этой работы было очень велико. Тѣмъ не менѣе, выводы Янсона не могутъ быть приняты въ полномъ объемѣ. Свѣдѣнія-то были крайне не полны и далеко не всегда отличались достаточною точностью и достовѣрностью; необходимыя данныя въ то время приходилось брать почти исключительно изъ трудовъ разныхъ офиціальныхъ комитетовъ и канцелярій, и эти свѣдѣнія были очень неточны. При расчетѣ необходимаго для нечерноземной полосы количества земли (которое, какъ мы видѣли, онъ опредѣляетъ въ 8 дес.) Янсонъ принимаетъ средній урожай ржи въ самъ-3. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, урожайность ржи въ губерніяхъ нечерноземной полосы гораздо выше: она достигаетъ въ Калужской и Новгородской губерніяхъ самъ-4,7 и 4,8, въ Смоленской—самъ-5, въ Вологодской—самъ-5,4, въ Ярославской—самъ-6,2 и т. д. А если исправить расчеты Янсона и въ основу ихъ положить болѣе близкія къ дѣйствительности цифры урожаевъ, то, очевидно, и выводы его потребуютъ значительныхъ измѣненій, и надѣлы окажутся хотя и недостаточными для значительной части населенія нечерноземной полосы, но далеко не для такой большой части и далеко не въ такой большой степени, какъ выходило по вычисленіямъ Янсона. И гораздо болѣе близкими къ дѣйствительности приходится признать приведенныя выше заключенія проф. Ходскаго: значительная часть крестьянъ, особенно бывшихъ помѣщичьихъ, конечно, съ самаго начала была недостаточно обезпечена землею, но

на ряду съ ними имѣется многочисленная группа крестьянъ, получившихъ достаточные и даже избыточные, превышающіе трудовую норму, надѣлы: среди бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ достаточно обезпеченные землею составляли около шести седьмыхъ, и даже среди бывшихъ помѣщичьихъ — почти три пятыхъ общаго числа.

Что касается до поземельныхъ платежей, то въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ со времени Янсона значительно измѣнилось: отчасти подъ вліяніемъ труда Янсона, были понижены сами платежи; съ другой стороны, значительно повысилась доходность земли, повысились арендныя цѣны. «Несоразмѣрность крестьянскихъ платежей за землю съ ея доходностью устранилась за 30-лѣтіе пореформенной эпохи, частью благодаря прямымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, какъ пониженіе выкупныхъ платежей, частью путемъ естественнаго экономическаго развитія Россіи, которое почти повсемѣстно повысило денежную доходность земли» (Ходскій). «Стоитъ только сопоставить современныя цифры платежей крестьянъ,—писалъ проф. Ходскій еще въ 1889 году,— съ тѣми, что находятся въ «опытѣ» Янсона, и припомнить, что подушная подать отошла въ область исторіи (она отмѣнена въ 1882 году), чтобы вопросъ о высокихъ казенныхъ платежахъ, лежащихъ на крестьянской землѣ, отпадалъ самъ собою...» Возраженія собственно противъ выкупныхъ платежей основываются не столько на несоразмѣрной ихъ высотѣ, сколько на чисто принципіальныхъ соображеніяхъ; земельные платежи

крестьянъ могутъ показаться значительными, только если сравнивать ихъ съ платежами крупныхъ владѣльцевъ. Если же дѣйствительно можно говорить о тягости обложенія крестьянъ, то эта тягость является послѣдствіемъ не высоты поземельнаго обложенія, а всей вообще нашей финансовой системы, налагающей все бремя прямыхъ и косвенныхъ налоговъ на народныя массы, и крайне низкаго экономическаго уровня этихъ массъ.

Пособія. Сборникъ „Аграрный вопросъ", изд. Петрункевича и кн. Долгорукова, т. I, ст. *Мануилова* „Поземельный вопросъ въ Россіи". — Сборникъ „Крестьянскій строй", изд. кн. Долгорукова и Шаховского, статьи *Семевскаго* и *Корнилова*. — Энциклопедическій словарь Брокгауза-Эфрона, полут. 32, ст. „Крестьяне" (*П. Н. Милюкова*).—*Янсонъ*. „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". — *Ходскій*. „Земля и земледѣлецъ", т. II, гл. обр., главы 2, 3, 6, 8, 9, 11.—*Иванюковъ*. „Паденіе крѣпостного права".

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Современное положеніе крестьянъ и ихъ земельныя отношенія.

Мы видѣли въ предыдущей лекціи, что земельное обезпеченіе, полученное крестьянами разныхъ категорій, было весьма неравномѣрно: на ряду съ многочисленными, особенно среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, малоземельными элементами, значительная часть крестьянъ, особенно среди бывшихъ удѣльныхъ и государственныхъ, получила при освобожденіи отъ личной зависимости вполнѣ достаточное земельное обезпеченіе.

Вліяніе прироста населенія.

Но это земельное обезпеченіе, если и было достаточнымъ для извѣстной части крестьянства, то оно было достаточнымъ *для того населенія, какое имѣлось налицо въ 60-хъ годахъ*. Съ тѣхъ поръ «народу умножилось», — населеніе непрерывно росло. Сельское населеніе 50 губерній Европейской Россіи, не превышавшее въ 60-хъ годахъ 50 милліоновъ, къ 1900 году достигало 86 милліоновъ душъ. Росло населеніе, — значитъ, на душу населенія становилось все меньше земли: кругомъ на ревизскую душу приходилось у крестьянъ всѣхъ трехъ разрядовъ по 4,8 десятинъ; на наличную душу

мужескаго пола приходилось въ 1880 году уже только 3,5 дес., въ 1900 г. — только 2,6 дес.; населеніе росло и послѣ 1900 года и теперь на наличную душу приходится, конечно, уже менѣе половины того, что было по расчету на ревизскія души во время надѣленія крестьянъ. Если взять отдѣльные районы, въ которыхъ приростъ населенія былъ далеко не одинаковъ, то мы увидимъ, что въ юго-восточныхъ губерніяхъ на ревизскую душу приходилось 4,1 дес., на наличную душу 1900 года—2,2 дес.; по другимъ районамъ среднее на ревизскую душу и на душу 1900 года земельное обезпеченіе выражалось въ такихъ цифрахъ: для средне-земледѣльческаго 3,0 и 1,7, для малороссійскаго 3,3 и 1,7, для средне-промышленнаго (подмосковнаго) 4,0 и 2,6, для сѣверо-западнаго 5,0 и 2,2, для новороссійскаго 6,2 и 2,5, для юго-восточнаго 8,4 и 3,5, — по ряду районовъ средняя земельная обезпеченность крестьянъ сократилась, значитъ, вдвое, или нѣсколько меньше, чѣмъ вдвое, по ряду другихъ районовъ — въ цѣлыхъ $2^1/_2$ раза.

Весьма важно при этомъ, что вѣдь приростъ населенія не былъ одинаковымъ у всѣхъ группъ земледѣльческаго населенія: по даннымъ, собраннымъ въ концѣ 70-хъ годовъ, на каждыя 100 душъ населенія за время съ 1858 по 1877 г. прибыло: у безземельныхъ и самыхъ малоземельныхъ, получившихъ на ревизскую душу до одной десятины,—16 душъ, у получившихъ свыше 5 дес.— почти вдвое больше, именно 30 человѣкъ. Но это значитъ, что сокращеніе земельнаго простора у многоземельныхъ крестьянъ шло еще гораздо

быстрѣе, чѣмъ въ малоземельныхъ группахъ; средняя земельная обезпеченность многоземельныхъ группъ сократилась гораздо больше, чѣмъ вдвое и въ $2^1/_2$ раза; слѣдовательно, гораздо большее, чѣмъ было бы при равномѣрномъ приростѣ, число душъ перешло изъ разряда обильно-обезпеченныхъ землею въ разрядъ обезпеченныхъ ею болѣе или менѣе скудно.

И вотъ, по отдѣльнымъ губерніямъ мы имѣемъ, напримѣръ, такія данныя.

Въ Саратовской губерніи имѣли полный указной надѣлъ, или болѣе того, при выходѣ на волю 65,3%, т.-е. почти двѣ трети крестьянъ; теперь, по расчету на наличную душу, имѣютъ полный указной надѣлъ всего 28% — немногимъ болѣе четверти; отъ трехъ четвертей до полнаго надѣла имѣли 10,7%, теперь имѣютъ 21,1%; отъ половины до трехъ четвертей полнаго надѣла имѣли 5,0, или одна двадцатая, теперь имѣютъ 26,3%, или болѣе четверти; менѣе половины указного надѣла имѣли при выходѣ на волю 19%, или около одной пятой, теперь, по расчету на наличныя души, такіе малые надѣлы имѣютъ 24,3%, или почти одна четверть всѣхъ крестьянъ губерніи.

Въ Симбирской губерніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на душу обоего пола приходилось земли въ 1861 году по 2,6 дес., въ 1900 г. уже только 0,9 дес.; у бывшихъ удѣльныхъ средняя земельная обезпеченность упала съ 4,2 до 1,3 дес., у бывшихъ государственныхъ съ 4,3 до 1,3 дес., благодаря большему приросту лучше обезпеченныхъ землею группъ населенія гораздо

лучше надѣленные землею бывшіе государственные и удѣльные крестьяне въ настоящее время немногимъ лучше обезпечены землею, нежели бывшіе помѣщичьи.

Въ Курской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе высшій надѣлъ, по $2^{3}/_{4}$ дес. на ревизскую душу, теперь имѣютъ не болѣе десятины на наличную душу; у дарственниковъ приходится на наличную душу не болѣе 0,3—0,4 дес., — чуть не весь надѣлъ ихъ занятъ усадьбою и пріусадебной землею, и почти ничего не остается для того, чтобы пропитаться и выработать деньги на повинности.

И, приблизительно, то же самое вездѣ: достаточно пересмотрѣть крестьянскіе приговоры, которые, особенно въ 1905 и 1906 гг., тысячами поступали въ министерство земледѣлія, или крестьянскіе наказы, напечатанные въ трудахъ перваго съѣзда старообрядцевъ, чтобы увидѣть, что теперешнее земельное обезпеченіе крестьянъ почти вездѣ упало до половины, а во многихъ мѣстахъ—и до трети отведенной при выходѣ на волю душевой пропорціи.

И при этомъ—многочисленные совершенно безземельные элементы: въ Херсонской губерніи безземельныхъ свыше 200 тыс., въ Самарской — 50 или 60 тыс., въ Псковскомъ уѣздѣ они составляютъ около одной пятой, въ южныхъ такъ называемыхъ крымскихъ уѣздахъ Таврической губерніи — даже цѣлую половину всего сельскаго населенія, не говоря уже о прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ поземельныя отношенія имѣютъ совершенно особый характеръ: въ Курляндской

губерніи, напримѣръ, безземельныхъ насчитывается свыше 250 тысячъ, или болѣе половины всего крестьянскаго населенія.

Малоземелье, какъ основная причина нужды.

Въ этомъ безземельѣ и малоземельѣ, частью создавшемся уже въ самый моментъ выхода крестьянъ на волю, частью обусловленномъ громаднымъ приростомъ населенія, совершенно естественно искать главную причину бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства; это, говоритъ А. В. Пѣшехоновъ, «не просто одна изъ причинъ упадка сельскохозяйственнаго промысла, но она является главною причиной, и непремѣнно главною»; у крестьянъ «мало во владѣніи земли, и никакіе палліативы помочь этому горю не въ силахъ; одно только и есть коренное улучшеніе—это дать въ достаточномъ количествѣ землю». Насколько вѣренъ этотъ взглядъ—дѣйствительно ли въ малоземельѣ можно видѣть главную причину нашего аграрнаго кризиса, дѣйствительно ли дать землю—единственное коренное улучшеніе,—это мы увидимъ въ дальнѣйшихъ лекціяхъ [1]). Пока для насъ достаточно отмѣтить *самый фактъ* малоземелья.

Измѣненія производительности земли.

Но вѣдь земля землѣ рознь, очень различна можетъ быть и доходность земли вмѣстѣ съ ея производительностью; и, можетъ-быть, по мѣрѣ того, какъ сокращалась площадь надѣльной земли, падающая на душу наличнаго населенія, возрастала ея производительность и доходность? Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ,

---

[1]) См. 2-ую часть этого курса.

потому что вѣдь ясно, что полторы десятины, дающія, скажемъ, по сто рублей дохода, гораздо лучше обезпечатъ крестьянина, чѣмъ три десятины, дающія по 30 или по 20 рублей.

На первый взглядъ отвѣтъ на этотъ вопросъ кажется совершенно яснымъ: конечно, нѣтъ!.. Вѣдь характеръ крестьянскаго хозяйства, способы обработки земли во всемъ существенномъ остались тѣ же, какіе были въ моментъ выхода крестьянъ на волю. Въ залежной, южной и юго-восточной полосѣ Россіи, ведется все тоже переложное хозяйство, которое, подъ вліяніемъ «утѣсненія», все болѣе вырождается въ простое пестрополье: земля получаетъ все меньше и меньше отдыха, все сильнѣе истощается непрерывными посѣвами, и притомъ посѣвами все однихъ и тѣхъ же зерновыхъ хлѣбовъ. Въ трехпольной полосѣ, гдѣ хозяйство только и могло бы хорошо итти при достаточномъ количествѣ луговъ и выгоновъ, распахивается все большая и большая доля надѣльныхъ земель,—во многихъ изъ центральныхъ губерній распахано уже четыре пятыхъ всей надѣльной площади и даже еще больше; но при такихъ условіяхъ нечѣмъ кормить скотъ, нечѣмъ, значитъ, и удобрять землю. Вообще, «чѣмъ мельче землевладѣніе, тѣмъ больше земли отводится подъ пашню, и въ пашнѣ — подъ продовольственные хлѣба, — слѣдовательно, тѣмъ болѣе усиливается несоотвѣтствіе между размѣрами пищевой и кормовой площади»; это, «въ связи съ усушкой почвы, вслѣдствіе усиленной распашки, отражается крайне неблагопріятно на урожайности и ведетъ къ истощенію почвы» (Сосновскій).

Могла ли при такихъ условіяхъ возрастать урожайность крестьянскихъ земель? Казалось бы, ни въ какомъ случаѣ. А между тѣмъ, какъ это ни неожиданно, нѣкоторое повышеніе урожайности все-таки замѣчается. Если взять среднія для всѣхъ хлѣбовъ цифры урожайности на крестьянскихъ земляхъ, то окажется, что за десятилѣтіе 1861—1870 гг. средняя по 50 губерніямъ урожайность выражалась въ цифрѣ 29 пудовъ; въ слѣдующія два десятилѣтія средняя урожайность была 31 и 34 пуда, за десятилѣтіе 1891—1900 гг.— даже 39 пудовъ; средняя урожайность крестьянскихъ земель возросла, значитъ, болѣе, чѣмъ на третью часть. Возрастаніе урожайности наблюдается, какъ это ни удивительно, по всѣмъ безъ исключенія районамъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ — именно по всему востоку — оно очень невелико: такъ, въ восточныхъ губерніяхъ средній урожай за десятилѣтіе 1861—1870 гг. былъ 27 п., за десятилѣтіе 1891—1900 гг.—33 пуда; въ среднеприволжскихъ губерніяхъ средняя урожайность за первое и за послѣднее десятилѣтія была 31 и 38 пуд., въ юго-восточныхъ — 21 и 29 пудовъ. Въ другихъ районахъ возрастаніе урожайности болѣе значительно: такъ, въ малороссійскомъ районѣ средняя урожайность возросла съ 25 до 40 пуд., въ юго-западномъ—съ 31 до 47 пуд.,—по обоимъ районамъ, значитъ, болѣе, чѣмъ въ полтора раза; для новороссійскаго района средняя урожайность возросла даже почти вдвое — съ 19 до 35 пудовъ.

Но ясно, что повышеніе урожайности нигдѣ не угналось за огромнымъ приростомъ населенія,— слѣдовательно, количество продукта, разсчитанное

на душу населенія или на надѣльный дворъ, во всѣхъ безъ исключенія районахъ не только не возросло, но, напротивъ, сократилось. А затѣмъ: для всякаго сельскаго хозяина земледѣльческой полосы Россіи, и въ частности для крестьянъ, важны *не только урожаи*,— важны также и *хлѣбныя цѣны*.

Хлѣбныя цѣны.

Между тѣмъ, при всѣхъ случайныхъ колебаніяхъ, цѣны на хлѣбъ въ общемъ рѣзко упали. Если взять среднія по пятилѣтіямъ цѣны за тридцатилѣтіе съ 1871 по 1900 годъ, то среднія цѣны ржи въ первыя три пятилѣтія окажутся 64, 74 и 86 к., за послѣднія три — 58, 72 и 59 к. за пудъ; среднія цѣны овса за первыя три пятилѣтія—64, 67 и 72 к., за послѣднія три — 56, 58, 57 к.; средняя цѣна пшеницы въ пятилѣтіе 1881 — 1885 гг. была 1 р. 7 к., въ слѣдующія три пятилѣтія—86, 85 и 82 копейки. Въ частности въ юго-восточныхъ губерніяхъ среднія мѣстныя цѣны на пшеницу были: въ первыя три пятилѣтія 88 к., 1 р. 4 к. и 98 к., въ послѣднія три—85, 80 и 83 к.; въ юго-западныхъ губерніяхъ въ первыя три 84, 94 к. и 1 р., въ послѣднія три—82, 77 и 78 к.; въ новороссійскихъ въ первыя три пятилѣтія — 1 р., 1 р. 21 к. и 1 р. 4 к., въ послѣднія три—89, 75 и 84 копейки за пудъ.

А между тѣмъ крестьянинъ земледѣльческой полосы, ведущій самостоятельное хозяйство, необходимо долженъ продать хлѣбъ и изъ продажи его выручить, сколько нужно, на подати и на всякій расходъ по дому и хозяйству; разъ цѣны упали,—значитъ, продать нужно больше, значитъ, изъ меньшаго, по расчету на душу населенія,

количества собираемаго хлѣба еще того меньшая доля можетъ быть израсходована на продовольствіе семьи.

Земледѣліе и продовольственныя потребности.

Послѣдствія такого положенія вещей понятны: земледѣліе не удовлетворяетъ продовольственныхъ потребностей нашего крестьянства или во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ эти потребности въ весьма недостаточной степени. Вотъ цифры: въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, кругомъ, на душу потребляется хлѣба и картофеля 62 пуда въ годъ, въ Даніи—57, во Франціи—34, въ Германіи—28, въ Англіи—26½ пудовъ. У насъ, въ Россіи, *весь сборъ*, по расчету на душу земледѣльческаго населенія, не превышаетъ въ среднемъ 22,4 пуда. На потребленіе нашего земледѣльческаго населенія поступаетъ въ среднемъ по однимъ расчетамъ 16, по другимъ—18 пудовъ, — значитъ, гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ, прокармливающихся покупнымъ хлѣбомъ, а главное — меньше, чѣмъ сколько, по научнымъ даннымъ, необходимо для поддержанія силы и здоровья человѣка. И притомъ вѣдь на Западѣ или въ Америкѣ населеніе питается не однимъ хлѣбомъ или пустыми щами, какъ приходится питаться нашему крестьянину... «Надѣльныя земли, — говоритъ одинъ изслѣдователь, подробно разработавшій вопросъ о питаніи нашего крестьянства (Маресъ),—въ большинствѣ случаевъ оказываются не въ состоянія прокармливать сидящее на нихъ населеніе даже въ смыслѣ доставленія средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія насущныхъ физіологическихъ потребностей;

зерна, получаемаго съ надѣльной земли, недостаточно для большинства крестьянъ не только въ обыкновенные по урожаю годы, но и въ годы почти небывалаго въ Россіи урожая». Россія вывозитъ за границу сотни милліоновъ пудовъ хлѣба, русскою мукою питается нѣмецкій рабочій, а русскимъ сахаромъ откармливаютъ англійскихъ свиней. Но весь хлѣбъ, который уходитъ за границу, идетъ изъ помѣщичьихъ экономій или съ полей небольшой, зажиточной части крестьянства; «хлѣбъ же массы крестьянскаго населенія на рынокъ не поступаетъ»: осенью, когда приходитъ время платить подати и отдавать долги, сдѣланные за предыдущую зиму и за лѣто, до новаго урожая, «хлѣбъ продается, но не уходитъ далеко отъ мѣста сдачи его крестьянами; онъ ждетъ того же крестьянина, который дѣйствительно и приходитъ за нимъ весною и лѣтомъ и платитъ за свой же хлѣбъ двойную и тройную цѣну»; это, значитъ, на самомъ дѣлѣ *не продажа* избыточнаго хлѣба, *а закладъ* самаго необходимаго, конечно, на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, за самые жестокіе ростовщическіе проценты...

Такъ пишетъ спеціалистъ, подробно изучившій вопросъ о продовольствіи нашего крестьянства. Могутъ подумать, что онъ намѣренно изображаетъ положеніе вещей въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Но вотъ что̀ мы читаемъ уже въ офиціальномъ изданіи—въ сводкѣ трудовъ созванныхъ въ 1902 году уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, состоявшихъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, изъ представителей

чиновничества и помѣстнаго дворянства: «Большинство мѣстныхъ комитетовъ и отдѣльныхъ членовъ ихъ сходится въ общемъ заключеніи относительно недостаточности крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія для обезпеченія главнѣйшихъ потребностей крестьянъ при современныхъ условіяхъ и пріемахъ сельскаго хозяйства». Въ одномъ, также офиціальномъ, статистическомъ изданіи сдѣланъ подсчетъ продовольственныхъ нуждъ и запасовъ нашего крестьянства по 50 губерніямъ, при чемъ въ основу этого подсчета положена крайне умѣренная продовольственная норма — 20 пудовъ хлѣба на душу. И вотъ, даже при такой умѣренной и скорѣе скудной продовольственной нормѣ, избытки хлѣба получились только по тремъ районамъ: новороссійскому, 18 пуд. на душу, восточному, $5^1/_4$, и юго-восточному, $4^1/_2$ пуда на душу населенія. По всей нечерноземной полосѣ уже само собою оказался недостатокъ въ хлѣбѣ: въ сѣверномъ и пріозерномъ районахъ не хватаетъ хлѣба, кругомъ, по $10^1/_4$ пуд. на душу, въ среднемъ промышленномъ— $9^1/_4$, въ сѣверо-восточномъ—$4^1/_4$, въ сѣверо-западномъ—$7^1/_2$ пуд. на душу. Недостача хлѣба получилась и въ большей части районовъ черноземной полосы; кругомъ на душу именно не хватаетъ: въ юго-западномъ районѣ по 6,8 пуд., въ малороссійскомъ—6,5, въ среднихъ приволжскихъ губерніяхъ—4,2, въ сѣверо-восточной части центрально-земледѣльческаго района 2,3, въ юго-западной части того же района даже 8 пудовъ на душу, — въ общемъ же итогѣ для всѣхъ 50 губерній Европейской Россіи недостача продоволь-

ственнаго хлѣба составляетъ кругомъ на душу по 3,4 пуда. Далеко недостаточно и количество получаемаго овса: если принимать, кругомъ, на каждую лошадь по 40 пудовъ, то въ итогѣ для 50 губерній не хватаетъ овса 16,4 пудовъ; небольшой излишекъ овса, 6 пудовъ на лошадь, оказывается только въ сѣверо-восточномъ районѣ,— во всѣхъ остальныхъ районахъ овса недостаетъ отъ 5,8 до 34,2 пудовъ на лошадь. Въ концѣ-концовъ, «для большей части русскихъ крестьянъ землепашество или не даетъ достаточно хлѣба для личнаго прокормленія, или даетъ его лишь въ количествѣ, достаточномъ для умѣреннаго личнаго потребленія, при чемъ избытковъ для прокормленія скота и на продажу не остается». Гдѣ есть избытки, они цѣликомъ вывозятся за границу, и такимъ образомъ «пополненіе крестьянами дефицита покупками возможно лишь въ весьма тѣсныхъ границахъ, такъ какъ хлѣба для такихъ покупокъ въ государствѣ не остается» (Лохтинъ).

Продавать, значитъ, крестьянамъ нечего, а между тѣмъ продавать необходимо; вѣдь хозяйство теперь не такъ называемое натуральное, какъ прежде: прежде у крестьянина было все свое — и пища, и одежда, и обувь,—деньги нужны были только на подати; хлѣбъ продавали только, когда дѣйствительно былъ лишній, а остатки отъ урожая одного года очень часто доживали до другого года; кое-какъ такимъ образомъ и обходились своимъ хлѣбомъ. Теперь крестьянину все приходится купить — керосинъ, ситецъ, сапоги, картузъ; приходится покупать чай, сахаръ, акцизное вино и т. п., и за

все приходится платить втридорога, потому что на всемъ лежатъ тяжелые пошлины и акцизы. А между тѣмъ денегъ на все это крестьянину земледѣльческой полосы неоткуда взять, какъ отъ продажи хлѣба. И вотъ, когда уродился хлѣбъ, его приходится продавать — продавать и на подати, и на уплату долговъ, и на текущіе расходы, — приходится продавать весь излишекъ сверхъ самаго необходимаго для текущаго продовольствія; никакихъ запасовъ хлѣба такимъ образомъ не остается, и разъ наступаетъ неурожай, крестьянинъ встрѣчаетъ его съ пустыми руками. А сплошь и рядомъ, когда есть хлѣбъ, приходится продавать и значительную часть того, что нужно на свое продовольствіе, и потомъ приходится свое же покупать обратно. И какъ каждый знаетъ, продавать свой хлѣбъ крестьянину приходится задешево, потому что выжидать цѣны онъ не можетъ, а покупать обратно приходится дорого, нерѣдко по двойной и тройной цѣнѣ. И чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, чѣмъ меньше у него земли, тѣмъ дешевле ему приходится продавать хлѣбъ и тѣмъ дороже онъ его покупаетъ обратно. Въ Пермской губерніи земскими статистиками собирались свѣдѣнія о цѣнахъ хлѣба при продажѣ и покупкѣ крестьянами. И вотъ оказалось, что крестьяне, засѣвающіе не свыше 5 десятинъ, продаютъ хлѣбъ, кругомъ, по 68 к.; засѣвающіе отъ 5 до 15 десятинъ — по 74, засѣвающіе свыше 15 десятинъ — по 79 копеекъ пудъ; покупаютъ хлѣбъ малосѣющіе, кругомъ, по 72 к., крестьяне со среднимъ посѣвомъ — по 71, многосѣющіе — по 66 копеекъ пудъ. Малосѣющіе, т.-е. бѣднѣйшіе

дворы, переплачиваютъ на каждомъ покупаемомъ пудѣ по 6 копеекъ и не дополучаютъ на каждомъ продаваемомъ пудѣ по 11 копеекъ...

Не хватаетъ или едва хватаетъ хлѣба крестьянамъ даже при среднихъ урожаяхъ... Но вѣдь у нашихъ крестьянъ не только низка общая урожайность, — еще хуже то, что размѣры урожаевъ рѣзко измѣняются изъ года въ годъ, и что хорошіе и посредственные урожаи чередуются съ очень плохими урожаями или даже полными неурожаями: изъ каждыхъ десяти лѣтъ бываетъ не болѣе 3—4 годовъ хорошаго или порядочнаго урожая, а три или четыре года — плохого урожая или полнаго неурожая. Въ хорошій годъ, я сказалъ, всѣ излишки приходится продать, а когда наступаетъ недородъ, съ нимъ вмѣстѣ приходитъ голодъ, съ его обычными спутниками — толченою корою и мякиною, и обычными послѣдствіями — цынгою, тифомъ и полнымъ разореніемъ крестьянскаго хозяйства.

Условія жизни крестьянъ.

Впрочемъ, для многихъ мѣстностей кора и мякина не только спутники неурожая: они стали уже обычною пищею значительной части крестьянъ. Вообще ужасныя условія жизни нашего крестьянства слишкомъ хорошо извѣстны. Я приведу поэтому только одну выдержку, гдѣ въ яркихъ краскахъ описываются условія жизни крестьянъ одной изъ губерній черноземной полосы, именно Тульской.

«Жилищемъ тульскому крестьянину, — читаемъ мы въ трудахъ Тульскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—служитъ

обычно 8—9-аршинная изба, высотою не болѣе сажени... До сихъ поръ нерѣдки курныя избы, въ Епифанскомъ уѣздѣ онѣ составляютъ 16,4% всѣхъ (шестую часть) жилыхъ построекъ. Изба почти всегда крыта соломой, часто протекаетъ, а на зиму для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладывается почти до крыши навозомъ. На пространствѣ 7—9 куб. саж. живетъ крестьянская семья, достигающая въ отдѣльныхъ случаяхъ значительныхъ размѣровъ. Спятъ въ два этажа — на лавкахъ, нарахъ и печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ холода въ избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Сильная скученность населенія дѣлаетъ воздухъ тяжелымъ и какъ бы промозглымъ. Сырость внутри, течь черезъ крышу и навозъ снаружи быстро изнашиваютъ постройки; значительная часть ихъ подгнила, требуетъ серьезнаго ремонта или совершеннаго возобновленія, но изо дня въ день поддерживается всевозможными домашними средствами, подпорками, подмазкой подгнившихъ угловъ и т. д. Топятъ крестьяне въ безлѣсныхъ уѣздахъ соломой, а въ неурожайные годы даже навозомъ, и такимъ образомъ лишаютъ землю необходимаго ей удобренія... Бань почти нѣтъ. Моются крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь по тѣлу помощью небольшого количества теплой воды, и почти всегда безъ мыла... Часотка и другія кожныя болѣзни распространены въ ужасающихъ размѣрахъ. Сифилисъ въ Епифанскомъ уѣздѣ обнаруженъ, напр., у 2,15% населенія, у каждыхъ 21 человѣка на тысячу!.. Но надо думать, что, въ дѣйствительности, этою болѣзнью

страдаетъ еще большее количество лицъ... Вообще, несмотря на благопріятныя, казалось бы, общія условія, въ деревнѣ создается такая антигигіеническая обстановка, которая дѣлаетъ борьбу съ эпидеміями почти невозможною. *Громадное значеніе въ этомъ* отношеніи имѣетъ *общее подорванное состояніе организма крестьянъ, являющееся результатомъ плохого питанія*... Такіе продукты какъ мясо, крупа, сало, постное масло, являются на столѣ крестьянина лишь въ исключительные моменты его жизни, иногда 2—3 раза въ годъ; обычную же его пищу составляютъ: хлѣбъ, квасъ, часто капуста и лукъ, а осенью свѣжіе овощи, если вблизи селенія имѣется огородникъ. При этомъ далеко не всегда крестьяне ѣдятъ столько, «сколько съѣдятъ», — не всегда даже въ годы порядочнаго урожая»... Вслѣдствіе частаго систематическаго недоѣданія развиваются среди населенія всевозможныя гастрическія заболѣванія,— словомъ, «скудость крестьянскаго хозяйства бросается въ глаза»...

Пониженіе народнаго здравія, смертность.

Приведенная выдержка относится, я сказалъ, къ Тульской губерніи. Но нарисованная въ ней ужасная картина вѣрна для значительной части, если не для большинства крестьянъ большей части черноземной полосы. Послѣдствія такого состоянія нашей деревни совершенно понятны: плохое питаніе, смѣняющееся полнымъ голоданіемъ, вообще ужасная, обусловленная бѣдностью и некультурностью, гигіеническая и санитарная обстановка, въ которой живутъ крестьяне, имѣетъ своимъ необходимымъ слѣдствіемъ общее

ухудшеніе народнаго здравія, мало того,—прямое физическое вырожденіе народныхъ массъ. Это ясно видно изъ данныхъ о числѣ забракованныхъ при призывѣ на военную службу или получившихъ отсрочку «по невозмужалости», значитъ, по слабости организма: за десятилѣтіе 1874—1883 гг. на каждые сто призывавшихся приходилось, кругомъ, забракованныхъ 6 чел., получившихъ отсрочку—7, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—13 человѣкъ; за десятилѣтіе 1884—1893 гг.—забракованныхъ 8, получившихъ отсрочку—9, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 17 человѣкъ; за восьмилѣтіе 1894—1901 гг. — забракованныхъ 10, отсроченныхъ 9, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 19 человѣкъ,—количество забракованныхъ и получившихъ отсрочку возросло, значитъ, приблизительно, въ полтора раза; а вѣдь тѣ болѣзни и слабость организма, которыя послужили основаніемъ для забракованія или отсрочекъ, въ концѣ-концовъ,—прямое слѣдствіе постояннаго недоѣданія и вообще ужасныхъ условій жизни нашего крестьянства.

Но недоѣданіе и связанныя съ нимъ болѣзни, конечно, должны были отразиться и на смертности населенія. И въ самомъ дѣлѣ, смертность въ Россіи больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ, — и притомъ въ одной только Россіи смертность не только не падаетъ, а, напротивъ, скорѣе возрастаетъ. Въ Россіи въ настоящее время ежегодно умираетъ 35 человѣкъ изъ тысячи; между тѣмъ въ Германіи и Италіи смертность на тысячу не превышаетъ 26, во Франціи—22, въ Голландіи и Швейцаріи—20, въ Англіи—18, въ Швеціи и Норвегіи умираетъ изъ тысячи

даже только 16—17 человѣкъ; смертность въ Россіи, значитъ, въ полтора раза и даже вдвое больше, чѣмъ въ большинствѣ европейскихъ странъ. При этомъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ смертность, благодаря улучшенію условій жизни населенія, замѣтно понижается; такъ, во Франціи сто лѣтъ тому назадъ умирало 30 человѣкъ, теперь умираетъ всего 22 человѣка изъ тысячи; въ Пруссіи въ серединѣ XIX вѣка, 50—70 лѣтъ тому назадъ, умирало 27—32, теперь умираетъ 20—25 человѣкъ на тысячу; въ Англіи полвѣка тому назадъ умирало 23—24, теперь умираетъ 20 человѣкъ на тысячу. Между тѣмъ въ Россіи въ началѣ XIX вѣка умирало 24—29 человѣкъ, въ среднемъ за послѣднія 25 лѣтъ умираетъ 35 человѣкъ на тысячу. И болѣе подробныя данныя относительно смертности совершенно ясно показываютъ, что причина огромной смертности въ Россіи—именно въ ужасномъ положеніи нашего крестьянства; во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ смертность въ городахъ больше, чѣмъ въ деревнѣ; напримѣръ, во Франціи въ городахъ умираетъ 30, въ деревнѣ 23 человѣка на тысячу, въ Англіи въ городахъ—26, въ деревнѣ—19; и это совершенно понятно, потому что жизнь въ деревнѣ здоровѣе и полезнѣе для человѣческаго организма, чѣмъ жизнь въ городѣ, особенно въ большомъ. А между тѣмъ у насъ, въ Россіи, смертность сельскаго населенія, 35 на тысячу, значительно больше, чѣмъ смертность городского—всего 30 чел. на тысячу: хоть деревенскій воздухъ и здоровѣе городского, но недоѣданіе и нищета нашего крестьянства дѣлаютъ свое дѣло и обре-

кають множество людей на преждевременную смерть. И всякій сильный недородъ, за которымъ слѣдуетъ усиленное недоѣданіе, ведетъ за собой рѣзкое повышеніе смертности: въ неурожайные 1841—1842 гг. смертность поднималась до 49 человѣкъ на тысячу, въ 1892 году—до 40 человѣкъ, тогда какъ въ 1894 году, когда урожай былъ удовлетворителенъ, смертность не превышала 34 человѣкъ на тысячу. Если же взять цифры смертности по отдѣльнымъ губерніямъ, то окажется, что въ Воронежской губерніи смертность достигаетъ огромной цифры 46, въ Саратовской и Пензенской — 45, въ Самарской — 43, въ Тульской — 42, въ Симбирской и Орловской — 40, въ Рязанской — 39 человѣкъ; сильнѣе всего умираетъ народъ какъ разъ въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, которыя чаще всего посѣщаются неурожаями и голодовками. Гораздо меньшую смертность мы находимъ въ губерніяхъ: Херсонской, (25 на тысячу), Бессарабской (28), Таврической (27 на тысячу),—но еще гораздо меньше смертность въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ съ ихъ превосходно поставленнымъ сельскимъ хозяйствомъ: здѣсь умираетъ всего 20 человѣкъ на тысячу, столько же, сколько въ самыхъ передовыхъ въ данномъ отношеніи западно-европейскихъ странахъ.

Упадокъ крестьянскаго хозяйства.

Само собой разумѣется, что недостаточная производительность и доходность крестьянскихъ надѣльныхъ земель, по сравненію съ потребностями возросшаго населенія, не можетъ не отражаться и на состояніи крестьянскаго хозяй-

ства. Получается безысходный кругъ: нищета крестьянина можетъ быть устранена только подъемомъ крестьянскаго хозяйства, а между тѣмъ сама же эта нищета не только не позволяетъ крестьянину кореннымъ образомъ улучшить свое хозяйство, но ведетъ еще къ его дальнѣйшему упадку. Судить о состояніи крестьянскаго хозяйства можно прежде всего на основаніи данныхъ о степени обезпеченности крестьянскаго населенія лошадьми. И вотъ, мы видимъ, что въ Россіи, у крестьянъ, на каждую тысячу десятинъ удобной земли приходится всего по 94 лошади, тогда какъ во Франціи лошадей имѣется, на тысячу же десятинъ, 107, въ Англіи—115, въ Германіи—119, въ Соединенныхъ Штатахъ—124, въ Венгріи и Даніи даже—171—172. Во всѣхъ безъ исключенія западно-европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ количество лошадей растетъ, на каждую тысячу лошадей ежегодно прибываетъ отъ шести до 90 лошадей; у насъ, напротивъ, количество лошадей убываетъ: среднимъ числомъ ежегодно убываетъ по одной лошади на сотню. Но это убывающее, хотя и слабо, число лошадей приходится сравнивать съ возрастающимъ населеніемъ; и вотъ, въ то время, какъ въ 1846 году на тысячу душъ населенія приходилось еще по 40 лошадей, въ 1861 году ихъ было ужъ только 26, въ 1898 году—уже только 19 лошадей; по сравненію съ 1861 годомъ обезпеченность населенія лошадьми сократилась почти на треть, по сравненію съ 1846 годомъ, болѣе чѣмъ вдвое. Количество въ странѣ рогатаго скота, взятое въ общихъ числахъ, нѣсколько

растетъ, но опять-таки далеко не въ соотвѣтствіи съ ростомъ населенія: въ 1861 году его насчитывалось 21 милліонъ головъ, въ 1898 году—24½ милліона. А по расчету на тысячу жителей приходилось въ 1861 году 357, въ 1882 году—306, въ 1898—уже всего только 252 штуки рогатаго скота. А между тѣмъ въ Германіи на тысячу душъ населенія приходится 344, во Франціи—358, въ Швеціи—516, въ столь близкой къ намъ Финляндіи—560, въ Соединенныхъ Штатахъ даже—840 головъ рогатаго скота... И при этомъ нашъ крестьянскій скотъ—и западно-европейскій!.. Наша крестьянская корова «тасканка», наша крестьянская лошадь, которую весною приходится выволакивать за хвостъ, и крупный, гладкій, сытый нѣмецкій или швейцарскій скотъ!.. Средній убойный вѣсъ нашего степного скота 18 пудовъ, великорусскаго скота всего только 7 пудовъ; и это—вѣдь по свѣдѣніямъ городскихъ боенъ, куда попадаетъ только хорошо откормленный скотъ. Такой убойный вѣсъ соотвѣтствуетъ живому вѣсу: для степного скота въ 30 пудовъ, для великорусскаго въ 12 пудовъ. А въ Германіи средній вѣсъ быка 29, коровы 24 пуда; во Франціи средній вѣсъ вола 30, коровы 20 пудовъ; въ Соединенныхъ Штатахъ средній вѣсъ рогатаго скота, выращиваемаго на фермахъ, 35—38 пудовъ, степного скота, который въ Штатахъ считается самимъ плохимъ, все-таки отъ 25 до 33 пудовъ, смотря по мѣстности.

Чтобы производительность земли не отставала отъ роста населенія, необходимо повышеніе техники сельскаго хозяйства, т.-е. примѣненіе къ обработкѣ земли новыхъ, улучшенныхъ способовъ,

способныхъ поднять ея урожайность и доходность. Но мыслимо ли, при указанныхъ условіяхъ, такое повышеніе?.. Очевидно, что если оно и мыслимо, то во всякомъ случаѣ для этого приходится преодолѣть самыя серьезныя препятствія, и подъемъ крестьянскаго хозяйства, при такихъ условіяхъ, возможенъ лишь при самомъ энергичномъ воздѣйствіи государства. «Оскудѣніе» крестьянства— это сильнѣйшій тормозъ, задерживающій улучшеніе его техники, а слѣдовательно, и повышеніе производительности земли. Вотъ что говоритъ по этому поводу А. В. Пѣшехоновъ, на основаніи данныхъ тѣхъ же комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

«Крестьянинъ, — читаемъ мы въ сводномъ журналѣ «Боровическаго комитета», — даже при скудномъ питаніи не могъ сдѣлать сбереженій, а иногда (вѣрнѣе, почти всегда! А. К.) долженъ былъ захватывать основной капиталъ, какъ скотъ, естественное плодородіе почвы и проч.; естественно, что хозяйство не только не могло сдѣлаться интенсивнѣе, т.-е., что крестьянинъ не имѣлъ возможности улучшить обработку земли и поднять ея производительность, но не могло удержаться и на прежнемъ уровнѣ». Отсутствіе свободнаго остатка, продолжаетъ г. Пѣшехоновъ, какого-либо излишка въ бюджетѣ неизбѣжно порождаетъ застой въ хозяйствѣ; техническія улучшенія уже по этой одной причинѣ, не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ, вовсе недоступны для массы крестьянства. Если такія улучшенія и имѣютъ мѣсто, то почти исключительно въ селеніяхъ лучше обставленныхъ, въ хозяйствахъ болѣе зажиточныхъ.

«Воспріимчивость населенія къ пропагандѣ агрономическихъ улучшеній, — говоритъ по этому поводу одинъ видный дѣятель по сельскохозяйственной части,—обратно пропорціональна его недоимочной задолженности»,—улучшенія хозяйства легче прививаются въ малонедоимочныхъ, иначе сказать, болѣе состоятельныхъ, и хуже всего принимаются въ селеніяхъ съ большими недоимками, значитъ, наиболѣе бѣдныхъ. «Если,—заканчиваетъ г. Пѣшехоновъ, — отсутствіе излишка въ бюджетѣ обусловливаетъ застой въ хозяйствѣ, то дефициты дѣлаютъ почти неизбѣжнымъ регрессъ въ немъ, т.-е. ухудшеніе: подъ вліяніемъ нужды навозъ, вмѣсто вывозки въ поле, обращается на обкладку хатъ или даже сжигается вмѣсто топлива; крестьянскій скотъ, заморенный и изнуренный, но за всѣмъ тѣмъ представляющій самое цѣнное имущество крестьянъ, въ трудную минуту ихъ жизни неизмѣнно служитъ средствомъ, чтобы достать деньги, не считаясь уже съ цѣлостью хозяйства»... Получается, значитъ, такое положеніе дѣлъ: нужда крестьянства можетъ быть устранена лишь при улучшеніи хозяйства и при повышеніи производительности и доходности земли, а между тѣмъ, какъ разъ эта самая нужда не только дѣлаетъ такое улучшеніе и повышеніе невозможнымъ, но ведетъ за собой еще дальнѣйшее ухудшеніе хозяйства, дальнѣйшее ухудшеніе земли...

Недоимочность.

Я остановлюсь еще на одномъ признакѣ, дающемъ ясное представленіе о степени «оскудѣнія» нашего крестьянства: это именно податныя недоимки. Конечно, не всегда и не всякая недоимка—слѣдствіе и при-

знакъ недостатка средствъ: извѣстно, что не мало крестьянъ предпочитаютъ тянуть съ уплатой податей — авось, молъ, подвернется милостивый манифестъ! — а деньги, какія есть, расходовать хотя бы на аренду земли. Но все-таки, въ большой массѣ, недоимка, конечно, несомнѣнный признакъ оскудѣнія. И вотъ, оказывается, что въ 1875 году общая сумма недоимокъ не превышала 29 милліоновъ; въ 1880 году она поднимается до 38, въ 1890—до 50 милліоновъ, въ 1895, несмотря на сложенія по манифесту 1894 года, — до 102, въ 1900 году — до 119 милліоновъ; на каждую сотню рублей податнаго оклада приходилось недоимки: въ 1875 году всего только 22 рубля; въ 1880—27 р., въ 1885—36, въ 1890—49, въ 1895 году—уже 98, въ 1895 году—даже 119 рублей; недоимка въ послѣднее время превышаетъ, значитъ, податной окладъ. Положеніе отдѣльныхъ районовъ въ данномъ отношеніи далеко не одинаково. Если подсчитать цифры недоимокъ по отдѣльнымъ районамъ и вычислить для каждаго изъ указанныхъ годовъ число рублей недоимки, падающихъ на сотню рублей годоваго оклада, то мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ районахъ недоимка даже убываетъ: въ сѣверо-западномъ районѣ, напримѣръ, она упала съ 33 до 7 рублей на каждую сотню рублей оклада, въ сѣверномъ—съ 52 до 33 рублей. Въ другихъ недоимочность стоитъ, приблизительно, на одномъ уровнѣ или колеблется безъ опредѣленнаго повышенія или пониженія; такъ, цифры недоимочности, по расчету на сотню рублей оклада, по юго-западному району таковы: 9, 6, 5, 3, 3, 6; по новороссійскому—24, 20, 40, 29, 11, 39 рублей. Есть районы, гдѣ

недоимочность хотя и растетъ, но очень медленно; напримѣръ, въ средне-промышленномъ районѣ она выражалась въ цифрахъ 28, 29, 31, 33, 39, 42 рубля на сотню рублей оклада. Но зато въ рядѣ районовъ недоимочность растетъ чрезвычайно быстро. Въ восточномъ районѣ она возросла съ 4 до 19 милліоновъ, или съ 66 р. до 391 рубля на каждую сотню рублей оклада; въ среднемъ приволжскомъ—съ 682 тыс. до 30 милліоновъ, или съ 7 до 376 процентовъ оклада; въ юго-восточныхъ губерніяхъ средне-земледѣльческаго района—съ двухъ до 28 милліоновъ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ того же района—съ 2 до 23 милліоновъ, или въ первой группѣ губерній съ 7 до 142 руб., во второй—съ 13 до 171 рубля на каждую сотню рублей оклада. Такимъ образомъ наиболѣе рѣзкій ростъ недоимочности наблюдается во всей черноземной полосѣ, и особенно въ приволжьѣ и заволжьѣ, наименьшія недоимки—въ юго-западномъ краѣ, съ его развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, съ ихъ сравнительно все-таки высокимъ уровнемъ техники крестьянскаго хозяйства, и въ средне-промышленномъ районѣ, гдѣ сторонніе заработки возмѣщаютъ недостаточную доходность надѣльной земли.

Отхожіе заработки.

Крестьянамъ чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становится на надѣльной землѣ, и они ищутъ того или другого выхода. Въ нечерноземной полосѣ, гдѣ всегда господствующее значеніе имѣли промыслы, они массами бросаютъ землю и уходятъ въ города или

на фабрики. Вотъ что говорятъ о положеніи крестьянъ въ Московской губерніи земскіе дѣятели въ запискѣ, доставленной въ 1902 году губернскому комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

«При данномъ малоземельѣ» и низкомъ уровнѣ хозяйства (эта добавка принадлежитъ мнѣ. А. К.) только трехдушевой надѣлъ даетъ возможность использовать сполна рабочую силу одного мужчины; двухдушевой надѣлъ недостаточенъ для этого. Поэтому семьи, имѣющія не болѣе двухъ мужчинъ (и, стало-быть, не болѣе двухъ надѣловъ), не въ состояніи использовать на надѣлѣ все рабочее время одного лица, вслѣдствіе чего пропадаютъ непроизводительно промежутки между работами, если нѣтъ сторонних поденныхъ работъ, которыя далеко не всегда случаются. Благодаря этому, постепенно происходитъ отборъ семей, которыя еще считаютъ возможнымъ вести земледѣліе, и другихъ, которыя должны отказаться отъ него; въ Московской губерніи такія отказавшіяся уже отъ земледѣльческаго хозяйства семьи составляютъ 20%». Благодаря отказу отъ земли значительной части крестьянскаго населенія, размѣръ душевого надѣла въ Московской губерніи удержался на прежнемъ уровнѣ и даже нѣсколько увеличился, а души, оказавшіяся излишними въ земледѣліи, не находящія приложенія своему труду на надѣльной землѣ, находятъ себѣ въ городѣ или на фабрикѣ то или иное, лучше или хуже оплачиваемое занятіе» (Пѣшехоновъ).

Въ черноземной полосѣ избыточный въ надѣльномъ хозяйствѣ трудъ ищетъ себѣ примѣненія

въ отходѣ на заработки въ южныя, частью—въ юго-восточныя губерніи. Идутъ наниматься, главнымъ образомъ, на сельскохозяйственныя работы, въ особенности на косьбу хлѣба и травы, — въ послѣднее же время къ заработкамъ такого рода присоединились еще заработки въ каменноугольныхъ копяхъ, на горныхъ заводахъ и т. п. Главнымъ очагомъ отхода на заработки являются 14 губерній, принадлежащихъ къ районамъ центральному черноземному, малороссійскому съ юго-западнымъ и средне-приволжскому. Какъ велики размѣры отхода,—объ этомъ нѣтъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній. По основанному на данныхъ земской статистики подсчету покойнаго Н. А. Карышева, изъ 131 уѣзда уходило на заработки до 1.168.000 человѣкъ. По новѣйшимъ даннымъ среднее годовое число паспортовъ, выдаваемыхъ въ губерніяхъ указанной полосы, достигаетъ 2.850.000. Прежде огромное большинство отхожихъ рабочихъ шло на сельскохозяйственные заработки, косьбу и жнитво, вообще на уборку хлѣба и сѣна въ новороссійскія и заволжскія губерніи и въ предкавказскія степи, гдѣ мѣстное населеніе, еще недавно очень рѣдкое, не могло управиться съ уборкой хлѣбовъ и травъ. Въ послѣднее время спросъ на рабочія руки въ этихъ мѣстностяхъ сильно сократился, отчасти благодаря значительному увеличенію мѣстнаго населенія, отчасти вслѣдствіе введенія машинъ — сѣнокосилокъ и жатокъ, значительно уменьшившихъ потребность въ живомъ трудѣ; теперь на сельскохозяйственные заработки уходитъ, повидимому, не болѣе милліона человѣкъ. Земледѣльческій

отходъ понемногу уходитъ въ область преданій, и избыточныя рабочія руки въ черноземной полосѣ все больше и больше поглощаются быстрымъ ростомъ городовъ, горнаго и горнозаводскаго дѣла, желѣзныхъ дорогъ и пароходства и т. п.

Причины ихъ.

Что же, спрашивается, гонитъ людей на отхожіе заработки? Едва ли стоитъ даже задавать себѣ такой вопросъ: конечно, тѣснота, малоземелье, невозможность приложить весь трудъ къ надѣльному хозяйству при отсутствіи достаточныхъ мѣстныхъ заработковъ. Изъ каждой данной мѣстности отхожихъ рабочихъ даютъ, главнымъ образомъ, наиболѣе малоземельныя группы крестьянства. Такъ, въ пяти уѣздахъ Орловской губерніи, по подсчету земскихъ статистиковъ, среди безземельныхъ на каждыя сто семей приходится 66, отпускающихъ отхожихъ рабочихъ; изъ ста семей съ надѣломъ отъ 1 до 5 дес. отхожихъ рабочихъ отпускаютъ 50, изъ ста семей съ надѣломъ отъ 5 до 15 дес.—45, изъ ста семей съ надѣломъ болѣе 15 дес.—уже только 40 семей; *однако и среди самыхъ многоземельныхъ—мы видимъ—двѣ пятыхъ отпускаютъ рабочихъ на отхожіе заработки*, значитъ, даже и самые многоземельные не могутъ использовать всего своего труда въ собственномъ хозяйствѣ. Въ Орловскомъ уѣздѣ, можетъ-быть благодаря близости губернскаго города, отхожіе заработки менѣе распространены; но такъ же точно — чѣмъ меньше земли, тѣмъ сильнѣе отходъ: процентъ семей съ отхожими рабочими среди имѣющихъ не свыше десятины на душу — 75%, у имѣющихъ отъ 1 до 3 дес. — 57, у имѣющихъ отъ 3 до

5 дес. — 46, у имѣющихъ свыше 5 дес. — даже только 30—32%. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, гдѣ Нижній и Волга даютъ достаточно мѣстныхъ заработковъ и гдѣ отходъ, поэтому, въ общемъ невеликъ, безземельные даютъ 27% отхожихъ рабочихъ, имѣющіе земли не свыше 1 дес.—20—21%, имѣющіе болѣе 10 дес. — всего только 11%. Есть, однако, и данныя другого рода, показывающія, что отхожіе заработки распространены не столько среди самыхъ малоземельныхъ, сколько среди крестьянъ со *средними* размѣрами земельнаго обезпеченія. Такъ, по записямъ, дѣлавшимся на регистраціонномъ пунктѣ въ Березовкѣ (Харьковской губ.), гдѣ проходитъ очень большое число отхожихъ рабочихъ, оказывается, что изъ каждой сотни прошедшихъ черезъ пунктъ рабочихъ наибольшее число, именно 25%, шло изъ семей съ надѣломъ въ 4—5 десятинъ на ревизскую душу; семьи съ надѣломъ въ 2—3 десятины дали уже только 20%, съ надѣломъ въ 1—2 дес.—17%, съ надѣломъ менѣе десятины на ревизскую душу—5%, безземельные—всего только 3% записанныхъ отхожихъ рабочихъ; на долю болѣе многоземельныхъ семей приходилось: съ надѣломъ въ 5—6 дес.—10%, съ надѣломъ въ 6½—7 дес. — даже 15% всѣхъ прошедшихъ черезъ Березовскій регистраціонный пунктъ.

Обстановка отхожихъ заработковъ.

Вліяніе «тѣсноты», которая гонитъ людей на заработки, страшно обостряется, конечно, въ годы неурожаевъ. Изъ Воронежской губерніи, напримѣръ, въ голодные 1891—1892 гг. ушло до полумилліона людей, — многія семьи уходили въ

полномъ составѣ «для прокормленія». Куда направляются отхожіе рабочіе — это зависитъ въ общемъ отъ густоты населенія и отъ степени преобладанія крупныхъ хозяйствъ: идутъ больше туда, гдѣ своего народа мало, а много большихъ экономій, нуждающихся въ большомъ числѣ рукъ. Но огромное значеніе имѣетъ при этомъ урожай: спросъ на рабочихъ, конечно, бываетъ великъ въ какой-либо мѣстности, когда хлѣбъ уродился хорошо, и, напротивъ, онъ можетъ оказаться очень малъ при неурожаѣ. Но отсюда—огромный рискъ, связанный съ отходомъ на заработки. Никакихъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ спроса на рабочихъ въ той или другой мѣстности нѣтъ, нѣтъ никакихъ учрежденій, черезъ посредство которыхъ можно было бы заблаговременно навести справки и обезпечить себя работой. И вотъ, направленіе отхожаго движенія опредѣляется, главнымъ образомъ, всякаго рода слухами, часто неизвѣстно откуда взявшимися, о томъ, что въ такой-то, дескать, мѣстности хорошій урожай и много спрашиваютъ рабочихъ. И вотъ, подъ вліяніемъ такого слуха срываются съ мѣста тысячи и десятки тысячъ людей и двигаются въ какой-нибудь одинъ уѣздъ или въ какое-нибудь одно большое имѣніе. Сплошь и рядомъ слухъ оказывается невѣрнымъ — оказывается, что и урожая-то особеннаго въ данной мѣстности не было и рабочихъ вовсе не требуется. А если слухъ и былъ вѣренъ,—рабочихъ набирается часто гораздо больше, чѣмъ можетъ найти себѣ заработокъ въ извѣстной мѣстности. Многимъ приходится подолгу бродить въ поискахъ работы,

работать за грошъ и, въ концѣ-концовъ, возвращаться домой безъ копейки, съ нищенскою сумой. Но даже если не случится такого несчастья, — отхожіе заработки тоже даютъ крестьянамъ мало радости. Весь валовой заработокъ работника—отъ 30 до 70 р., работницы — отъ 20 до 50 рублей; домой приносятъ чаще всего рублей 20 — 30, часто меньше, и даже гораздо меньше, рѣдко когда удается принести домой 40—50 рублей. И это — при огромной тратѣ времени на переѣзды или переходы съ мѣста на мѣсто, на поиски и ожиданіе работы и т. п.; чтобы принести домой эти 20—30 рублей, отхожій рабочій проводитъ внѣ дома три—четыре и до шести мѣсяцевъ. На создаваемой плохимъ питаніемъ—все больше сухой хлѣбъ и сухари!—ужасными жилищами, недостаточностью одежды, почвѣ отчаянныхъ гигіеническихъ условій среди отхожихъ рабочихъ развиваются всякаго рода эпидемическія и вообще заразныя болѣзни; рабочій день продолжается — когда есть работа — по 12 и по 15 часовъ. Нечего уже говорить о томъ громадномъ ущербѣ, который приноситъ крестьянскому хозяйству уходъ на много мѣсяцевъ лучшихъ рабочихъ силъ. «Если крестьянъ побуждаетъ искать отхожихъ заработковъ неудовлетворительность ихъ хозяйства на родинѣ, то и самый отходъ способствуетъ его упадку. Въ самомъ дѣлѣ, къ отхожимъ промысламъ прибѣгаетъ самая здоровая, выносливая, полная силъ часть мужского населенія нашихъ селъ и деревень. Все домашнее хозяйство зачастую оставляется вслѣдствіе этого на попеченіе стариковъ, женщинъ и подростковъ. Въ селеніяхъ, откуда

уходитъ на сторонніе заработки значительное число рабочихъ, нерѣдко можно видѣть за обработкою земли бабъ, которыя сами и пашутъ, и сѣютъ, и боронятъ. При нормальномъ ходѣ семейныхъ работъ существуетъ извѣстное раздѣленіе труда: мужчины пашутъ, сѣютъ, боронятъ; женщины жнутъ, занимаются уходомъ за скотомъ и домашнимъ хозяйствомъ. Но если бы здороваго работника заставить производить *всѣ* эти работы, онъ выбился бы изъ силъ. Естественно, что при веденіи всего хозяйства женщинами да стариками обработка земли должна сильно страдать. Вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо должны происходить упущенія и въ домашнемъ хозяйствѣ и въ уходѣ за дѣтьми, которыя, оставаясь безъ всякаго надзора, становятся легче жертвами болѣзней, увѣчій и т. п.» (кн. Н. В. Шаховской).

Переселеніе.

Отъ «тѣсноты» народъ идетъ на переселеніе. Наше переселенческое движеніе—это продолженіе первоначальной колонизаціи, первоначальнаго заселенія страны. Еще въ серединѣ XIX вѣка переселеніе продолжало направляться въ нѣкоторыя мѣстности средней черноземной полосы; въ 70-хъ годахъ оно шло въ Новороссію, въ башкирскій край, въ предкавказскія степи: въ теченіе 70-хъ годовъ въ Уфимскую и Оренбургскую губернію переселилось до 200 тыс. человѣкъ; приблизительно, столько же народу за то же время ушло въ предкавказье, а къ настоящему времени число этихъ такъ называемыхъ «иногородныхъ» въ предкавказскихъ областяхъ и въ Ставропольской губерніи превысило милліонъ. Въ послѣднее время, начиная съ середины и въ

особенности съ конца 80-хъ годовъ, переселеніе направляется, главнымъ образомъ, за Уралъ — въ Сибирь и въ киргизскія степи. Но, конечно, переселеніе могло бы имѣть серьезное значеніе, какъ средство разрѣдить земельную тѣсноту, только въ томъ случаѣ, если бы оно могло унести за Уралъ *много милліоновъ* населенія,— унести весь тотъ избытокъ, который не находитъ себѣ пропитанія, не находитъ приложенія своему труду на своей надѣльной землѣ. Между тѣмъ въ эпоху своего наибольшаго роста, именно во второй половинѣ 90-хъ годовъ, переселеніе въ Сибирь уносило не болѣе 200 тысячъ въ годъ, въ началѣ 900-хъ годовъ — уже только по 60—80 тысячъ, въ годы войны съ Японіей размѣры переселенія упали до 30—32 тысячъ въ годъ. Въ самые послѣдніе годы переселеніе въ Сибирь и киргизскія степи опять рѣзко возросло, въ значительной мѣрѣ, замѣчу мимоходомъ, благодаря современной правительственной политикѣ, обусловленной желаніемъ сдѣлать изъ переселенія одно изъ орудія борьбы съ аграрнымъ движеніемъ: въ 1906 году переселилось свыше 200 тысячъ человѣкъ, въ 1907 году—болѣе полумилліона. Но даже такая огромная, на первый взглядъ, цифра, какъ полмилліона, не говоря уже о такихъ, какъ 200, а тѣмъ болѣе 80 или 60 тысячъ въ годъ, — это лишь ничтожная доля, четвертая, десятая или двадцатая часть годичнаго прироста населенія. Переселеніе, значитъ, не только не могло и можетъ разрѣдить земельной тѣсноты, — оно не можетъ задержать даже дальнѣйшаго прироста населенія, а слѣдовательно—и дальнѣйшаго роста «утѣсненія». Сейчасъ мы уви-

димъ, что переселеніе даетъ для самихъ переселенцевъ, но прежде мы должны вкратцѣ коснуться вопроса, откуда, главнымъ образомъ, идетъ переселеніе, и какія группы крестьянства даютъ главную массу переселенцевъ. Переселеніе идетъ, главнымъ образомъ, изъ черноземной полосы,— на ряду съ послѣднею въ переселенческомъ движеніи прежде участвовали нѣкоторыя изъ сѣверовосточныхъ губерній, въ послѣднее же время сильное переселеніе идетъ также изъ сѣверозападныхъ, бѣлорусскихъ губерній. На первыхъ мѣстахъ въ числѣ губерній, выпускающихъ переселенцевъ, стоятъ такія малоземельныя въ общемъ губерніи, какъ Полтавская и Черниговская, за ними слѣдуютъ также малоземельныя—Курская и Тамбовская; но на ряду съ ними переселенцевъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, отпускали такія многоземельныя губерніи, какъ Вятская или Самарская, и, напротивъ, не даютъ сколько-нибудь значительнаго переселенческаго движенія такія малоземельныя губерніи, какъ Кіевская или Подольская; не даетъ переселенческаго движенія и Саратовская губернія съ ея огромнымъ контингентомъ дарственниковъ и съ ея далеко меньшимъ, чѣмъ въ сосѣдней Самарской губерніи, общимъ уровнемъ земельной обезпеченности крестьянъ. Дальнѣйшій вопросъ— какія группы крестьянъ больше всего участвуютъ въ переселенческомъ движеніи. Переселеніе — слѣдствіе «утѣсненія», а потому слѣдовало ожидать, что сильнѣе всего переселяются хуже обезпеченные землею, бывшіе помѣщичьи крестьяне. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ свидѣтельствуютъ данныя опросовъ, производимыхъ

на Челябинскомъ проходномъ пунктѣ, а также статистика переселенцевъ на Алтаѣ и цѣлый рядъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, обильно надѣльные бывшіе государственные крестьяне переселяются отнюдь не слабѣе, и даже нѣсколько сильнѣе, чѣмъ бывшіе помѣщичьи, и на ряду съ представителями наименѣе обезпеченныхъ землею группъ среди переселенцевъ всегда имѣется и значительное число такихъ, которые были болѣе или менѣе изобильно надѣлены землею. Во 2-ой части этого курса мнѣ придется подробно выяснить смыслъ и причины этого нѣсколько неожиданнаго явленія,—пока же достаточно отмѣтить, что та «тѣснота», которая гонитъ крестьянъ на переселеніе, — это *какая-то особенная* тѣснота, и что степень этой «тѣсноты» далеко не всегда находитъ себѣ выраженіе въ числѣ десятинъ земельнаго надѣла.

Что же, посмотримъ далѣе, находятъ переселенцы на новыхъ мѣстахъ?.. Въ былое время, еще въ началѣ 90-хъ годовъ, правительство не только не заботилось о переселенцахъ, но даже запрещало переселеніе и грозило переселенцамъ возвращеніемъ по этапу; тѣмъ не менѣе, переселенцы устраивались сравнительно не худо, — изъ ста семей переселенцевъ возвращалось на родину три, много четыре; и это понятно, потому что переселенцы въ то время легко находили въ Сибири свѣжія и легкія для разработки земли, — находили землю въ такихъ мѣстностяхъ Сибири, которыя по почвѣ и климату мало отличались отъ тѣхъ мѣстъ, откуда шли переселенцы; при этомъ они всегда могли найти хорошіе заработки у зажиточнаго старожильскаго

населенія, а хлѣбъ, скотъ, строевой матеріалъ, вообще все нужное для обзаведенія, было подъ рукой и стоило очень дешево. И, тѣмъ не менѣе, даже среди тогда переселившихся насчитывается до четверти или даже трети безлошадныхъ и одно-лошадныхъ (а въ Сибири на одной лошади пахать нельзя!), вообще такихъ, которые не смогли обосновать на новомъ мѣстѣ прочнаго самостоятельнаго хозяйства. *Теперь* условія переселенія за Уралъ стали гораздо хуже: та сравнительно небольшая полоса Сибири, гдѣ переселенцы могли устраиваться легко и удобно, теперь уже заполнена; переселенцамъ проходится итти либо въ сибирскую тайгу съ ея суровымъ климатомъ и трудными для разработки землями, либо въ безводныя и засушливыя киргизскія степи, — да и то въ этихъ послѣднихъ болѣе или менѣе удобныя земли составляютъ только небольшія пятна среди необъятныхъ пустынь, вовсе негодныхъ для заселенія. Заработки стали гораздо хуже, потому что «народу пріумножилось», а потому предложеніе рабочихъ рукъ часто далеко превышаетъ спросъ, — и въ то же время значительно поднялись цѣны на хлѣбъ, на скотъ и на всѣ предметы обзаведенія. И вотъ, обратное переселеніе за пятилѣтіе 1899—1903 гг. достигаетъ уже почти двадцати процентовъ; *пятая часть* всѣхъ переселенцевъ возвращается на родину, совершенно разоренная; успѣваетъ найти себѣ землю только треть, четверть, даже пятая часть всѣхъ ходоковъ, — остальныя двѣ трети, три четверти или четыре пятыхъ возвращаются ни съ чѣмъ, даромъ потерявъ дорогое время. Голодовки

среди переселенцевъ въ Сибири и въ особенности въ киргизскихъ степяхъ такъ-же часты, какъ и въ европейской Россіи — голодовки съ цынгой, голоднымъ тифомъ и подкармливаніемъ на казенный паекъ. Значитъ, привлекательнаго въ Зауральѣ мало. И можно ли, спрашивается, разсчитывать на такое возрастаніе переселенія, которое дѣйствительно разрѣдило бы земельную тѣсноту въ Европейской Россіи? Для этого нужно было бы, чтобы переселялись не сотни тысячъ, а цѣлые милліоны,—а объ этомъ, конечно, не приходится и думать: все, что было лучшаго въ Сибири и въ киргизскихъ степяхъ, уже занято частью переселенцами, частью мѣстнымъ населеніемъ — сибирскими старожилами и туземцами-киргизами. Тѣ сотни милліоновъ десятинъ, которыя еще не заселены, это въ киргизскомъ краѣ—почти исключительно сухія, безводныя степи, гдѣ земледѣльческое хозяйство было бы возможно лишь при поливѣ полей, — а воды можетъ хватить развѣ только на какую-нибудь сотую или пятидесятую часть этихъ пустынь. Въ Сибири—это необъятная тайга; но незаселенной тайги много и въ Европейской Россіи, такъ что за нею не къ чему ходить въ Сибирь, и таёжныя земли совершенно не пригодны для переселенцевъ какъ разъ изъ тѣхъ мѣстностей, откуда идетъ главное переселенческое движеніе, — изъ черноземной полосы. Да и не въ одной землѣ дѣло: если бы годныхъ для заселенія и подходящихъ къ требованіямъ переселенцевъ земель было и въ десять разъ больше, — приходилось бы считаться съ отсут-

Возможное его значеніе.

ствіемъ сколько-нибудь выгодныхъ заработковъ и дороговизною продуктовъ и инвентаря, которая, конечно, еще усилилась бы при массовомъ переселеніи. Значитъ, разсчитывать на очень широкое переселеніе нельзя и не слѣдуетъ. Переселеніе и впредь будетъ итти въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ оно не только не разрѣдитъ населенія Европейской Россіи, не разрѣдитъ, значитъ, земельной тѣсноты, но не сможетъ даже задержать дальнѣйшаго прироста населенія, а слѣдовательно— и усиленія этой тѣсноты.

Покупка земли.

Крестьянамъ тѣсно, и они стремятся расширить свое землевладѣніе, прибѣгая для этого къ покупкѣ владѣльческихъ земель. Къ 1897 году крестьянами было куплено до 13 милліоновъ; къ 1 января 1901 года количество земли, перешедшей въ крестьянскія руки, достигло 19.885.000, или почти двадцати милліоновъ десятинъ; къ 1905 году, по даннымъ новѣйшей поземельной статистики, въ рукахъ крестьянъ было уже 24.600.000 десятинъ, въ томъ числѣ въ личной собственности отдѣльныхъ крестьянъ—13 милліоновъ, во владѣніи сельскихъ обществъ—3.700.000, и товариществъ крестьянъ— 7.700.000 десятинъ. Но крестьянскія покупки чрезвычайно неравномѣрно распредѣлились по губерніямъ и районамъ, — главная масса крестьянскихъ купчихъ земель сосредоточивается въ губерніяхъ нечерноземной полосы. Въ губерніяхъ этой полосы, по даннымъ 1900 года, во владѣніи крестьянъ состояло: въ Новгородской 1.662.000 дес., въ Тверской 1.034.000, въ Костромской 935.000, въ Вологодской 724, Смоленской 706, Ярославской

593 тыс. дес. и т. д. Значительныя площади земли перешли во владѣніе крестьянъ также и въ степныхъ, южныхъ и частью восточныхъ губерніяхъ: такъ, въ Екатеринославской губерніи, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, во владѣніи крестьянъ состояло 366.000 дес., въ Таврической—750, Херсонской—777, Самарской—916, Уфимской—684, Саратовской—750, Харьковской—495 тыс. дес. Всего меньше купчихъ крестьянскихъ земель приходится на земледѣльческій центръ, на центрально-промышленныя и на юго-западныя губерніи; такъ, въ Московской губерніи крестьянскихъ купчихъ земель насчитывалось всего 172.000, въ Курской—324, Орловской—268, Тульской—184, въ Симбирской—158, Кіевской—167, Подольской—133 тыс. дес. и т. д. Это, впрочемъ, и совершенно понятно, потому что занятое по преимуществу тѣми или другими промыслами населеніе центрально-промышленной полосы не особенно стремится къ расширенію своего землевладѣнія, — въ губерніяхъ же земледѣльческаго центра, а также въ юго-западныхъ крайне высокія цѣны на землю удерживаютъ очень многихъ крестьянъ отъ пріобрѣтенія владѣльческой земли.

Ихъ значеніе.

Но *какое значеніе* имѣютъ, спрашивается, покупки крестьянами земли, какъ средство удовлетворенія земельной нужды недостаточно обезпеченной землею части крестьянства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ значительной степени, зависитъ отъ того, *кто покупалъ* частновладѣльческія земли? Не подлежитъ сомнѣнію, что значительная часть крестьянскихъ покупокъ — это покупки болѣе зажиточныхъ отдѣль-

ныхъ лицъ изъ крестьянской среды, болѣе или менѣе крупными участками, которыя, очевидно, не могутъ помочь крестьянской массѣ и устранить ея малоземелье. Въ особенности это приходится сказать о единоличныхъ покупкахъ: изъ каждыхъ ста десятинъ, купленныхъ единолично, на долю мелкихъ покупокъ, не свыше 25 десятинъ каждая, въ 1865 году приходилось 22, въ 1875—16, въ 1885—20, въ 1895—16 десятинъ; значитъ, отъ четырехъ пятыхъ до пяти шестыхъ всей покупавшейся отдѣльными крестьянами земли покупалось болѣе крупными участками и попадало, очевидно, въ руки наиболѣе зажиточныхъ элементовъ нашей деревни. Но мы видѣли, что единоличныя крестьянскія покупки составляютъ только около трети всей купчей крестьянской земли. Полныхъ данныхъ относительно другихъ двухъ третей, купленныхъ обществами или товариществами крестьянъ, мы не имѣемъ,—у насъ есть только данныя, касающіяся покупщиковъ крестьянскаго банка. Изъ этихъ данныхъ видно, что покупщики, воспользовавшіеся содѣйствіемъ банка, располагали до покупки, въ среднемъ, на дворъ: въ 1899 году 5,7 десятинами, въ 1900 6,5, въ 1901 6,8, въ 1902 7,2, въ 1903 6,8, въ 1904 — тоже 6,8 десятинами, считая въ томъ числѣ какъ надѣльную, такъ и ранѣе купленную землю. Что̀ касается до размѣровъ покупокъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, то въ общемъ итогѣ для всѣхъ покупокъ — общественныхъ, товарищескихъ и единоличныхъ—въ среднемъ на дворъ было куплено: въ 1899 году 6,3, въ 1900 6,6, въ 1901 6,9, въ 1902 5,7, въ 1903

6,4, въ 1904 5,2 дес., — очевидно, что это были настоящія *крестьянскія* покупки, что онѣ увеличивали собой настоящее *крестьянское, трудовое* землевладѣніе. Сравнительно велики были покупки отдѣльныхъ домохозяевъ: въ среднемъ на дворъ, единолично покупавшій землю при содѣйствіи банка, въ каждый изъ тѣхъ же шести годовъ было пріобрѣтено по 12,5, 13,9, 12,4, 14,4, 14,6, 14,0 десятинъ. Средніе размѣры единоличныхъ покупокъ такимъ образомъ оказываются, приблизительно, въ два съ половиной раза больше, чѣмъ средніе размѣры покупокъ общественныхъ и товарищескихъ; и можно, говоря вообще, сказать, что такіе размѣры покупокъ, не выходя изъ предѣловъ того, что обычно понимаютъ подъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, предполагаютъ уже пользованіе наемными руками при обработкѣ земли,— слѣдовательно, что путемъ *такихъ* покупокъ возрастало уже не чисто трудовое, а смѣшанное землевладѣніе—землевладѣніе болѣе зажиточныхъ группъ крестьянства.

Покупныя цѣны. Очень характернымъ показателемъ земельной нужды является чрезвычайно быстрый ростъ покупныхъ цѣнъ пріобрѣтаемой крестьянами земли. Еще въ 1891 году средняя цѣна земли, купленной при содѣйствіи крестьянскаго банка, не превышала 39 рублей; за время съ 1892 по 1896 годъ среднія цѣны колебались между 45 и 52 рублями; въ 1897 году средняя цѣна земли сразу поднимается до 71 рубля; затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ цѣны на земли, покупаемыя при содѣйствіи банка, растутъ сравнительно медленно: въ 1898 году

средняя цѣна была 76, въ слѣдующіе годы 78, 83, 91 рубль; въ 1902 году средняя цѣна сразу поднимается до 108 рублей. Въ 1906 году, когда операціи банка, какъ извѣстно, значительно расширились, цѣны возросли еще: средняя цѣна земли, купленной за собственный счетъ банка, выразилась въ цифрѣ 118 р., средняя цѣна земли, покупавшейся крестьянами при содѣйствіи банка—въ 132 р. за десятину. Какъ быстро растутъ земельныя цѣны, особенно ясно видно на примѣрѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній: въ Полтавской губерніи среднія цѣны, по даннымъ крестьянскаго банка, за время съ 1900 по 1906 годъ поднялись съ 156 до 212 р. за десятину, въ Тамбовской—съ 116 до 152, въ Черниговской—съ 99 до 137, въ Псковской — съ 47 до 74, въ Гродненской—съ 61 до 95 дес. и т. д. И эти цѣны—это еще далеко не все, что̀ крестьянамъ приходится, въ дѣйствительности, платить за землю: при покупкахъ при содѣйствіи крестьянскаго банка имъ сплошь и рядомъ приходится вносить болѣе или менѣе крупныя негласныя доплаты къ тѣмъ цѣнамъ, по которымъ банкъ разрѣшаетъ ту или другую покупку; при покупкахъ земли по мелочамъ, безъ содѣйствія банка, приходится платить, въ видѣ правила, еще значительно дороже: при *такихъ* покупкахъ обычныя цѣны въ среднихъ земледѣльческихъ и въ малороссійскихъ губерніяхъ—это 200, 300, иногда и до 400 рублей за десятину. И при этомъ мелкимъ покупщикамъ, т.-е. какъ разъ тѣмъ, кто покупаетъ землю для удовлетворенія самой острой земельной нужды, приходится платить значительно дороже, чѣмъ

тѣмъ, кто покупаетъ землю болѣе крупными участками. Такъ, по свѣдѣніямъ за 1893 годъ, средняя цѣна земли при покупкахъ дачами свыше 10.000 десятинъ была всего 9 р. 90 к., при покупкахъ отъ 5.000 до 10.000 дес.—уже 23, при покупкахъ отъ 1.000 до 5.000 дес.—39 рублей; при покупкахъ участками отъ 50 до 100 дес. платили, въ среднемъ, уже 55 р., отъ 20 до 50 дес.—58 р., отъ 10 до 20 дес.—68 р., а средняя цѣна земли при покупкахъ мелкими участками, не свыше 10 дес. каждый, достигала уже 156 рублей за десятину. По даннымъ за 1897 годъ средняя цѣна земли при покупкахъ не свыше 25 дес. была 127 рублей, при покупкахъ отъ 25 до 500 дес.—63 рубля, при покупкахъ свыше 500 дес.—уже только 44 рубля за десятину. И это совершенно понятно: мелкіе покупщики покупаютъ землю по крайней нуждѣ и потому вынуждены платить какія угодно, хотя бы явно убыточныя цѣны; напротивъ, чѣмъ крупнѣе размѣръ покупаемаго участка, тѣмъ болѣе покупщики руководятся правильнымъ расчетомъ, тѣмъ менѣе они пойдутъ на убыточныя цѣны,—и тѣмъ чаще, наоборотъ, нужда въ деньгахъ заставляетъ продавцовъ итти даже на слишкомъ большое пониженіе цѣнъ.

Аренда частновладѣльческихъ земель.

Значитъ, купить землю далеко не всѣмъ по средствамъ, и въ особенности не по средствамъ тѣмъ, кто наиболѣе нуждается въ землѣ. И вотъ, главнымъ, наиболѣе обычнымъ средствомъ расширенія крестьянскаго землепользованія является аренда, и въ частности — аренда частновладѣльческихъ земель. *Сколько* земли въ общемъ итогѣ арен-

дуютъ крестьяне, — объ этомъ мы не имѣемъ сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній. По подсчету покойнаго проф. Карышева, общая площадь арендуемой земли по 183 уѣздамъ, для которыхъ въ то время имѣлись земско-статистическія данныя, достигала 10 милліоновъ десятинъ, что составляетъ около одной пятой части общей площади надѣльной земли въ тѣхъ же уѣздахъ; для всей Европейской Россіи общее количество арендуемыхъ земель должно было бы, по этому расчету, достигать, примѣрно, 20 — 25 милліоновъ десятинъ. По недавнему подсчету, сдѣланному Елецкимъ комитетомъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, крестьянами арендуется земли до 50 милліоновъ десятинъ. Эта послѣдняя цифра, впрочемъ, явно невѣрна: въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ вовсе нѣтъ такого количества земельныхъ угодій,—а вѣдь помѣщики не всѣ свои земли сдаютъ въ аренду, а на значительной части ихъ ведутъ свое, экономическое хозяйство. Впрочемъ, ошибка тутъ не такъ ужъ велика: если въ нѣкоторыхъ районахъ подъ экономическою запашкой состоитъ значительная часть владѣльческой земли, то въ другихъ, напротивъ, хозяйство за собственный счетъ владѣльцевъ ведется на какой-нибудь четвертой, пятой, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже десятой части владѣльческихъ земель, а все остальное сплошь арендуется крестьянами. Такъ или иначе—не подлежитъ сомнѣнію, что площадь арендуемыхъ крестьянами земель—это десятки милліоновъ десятинъ, и можно положительно сказать, что аренда, какъ способъ расширенія землепользованія крестьянской массы,

имѣетъ большее значеніе, чѣмъ покупка земли: для арендованія, съ одной стороны, не требуется сколько-нибудь крупныхъ единовременныхъ затратъ, а съ другой — легче найти для аренды мелкій клочокъ земли, посильный для зауряднаго крестьянина, чѣмъ найти такой же клочокъ для покупки. Однако, и аренда — даже оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ условіяхъ—далеко не въ достаточной степени восполняетъ испытываемый крестьянами недостатокъ въ надѣльной землѣ,— по признанію комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности аренда вмѣстѣ съ покупкой земли «далеко не можетъ наверстать той потери душевой пропорціи, которая обусловливается приростомъ» (Сосновскій). Большое значеніе имѣетъ здѣсь прежде всего мѣстоположеніе земли: чтобы малоземельный крестьянинъ могъ арендовать ее и вести на ней хозяйство одновременно съ хозяйствомъ на надѣльной землѣ, необходимо, чтобы земля была подъ рукою,—а между тѣмъ запасы земель, доступныхъ для арендованія, размѣщаются по странѣ далеко не соотвѣтственно нуждѣ въ арендованіи. Рѣзкій примѣръ представляютъ въ этомъ отношеніи государственныя земли въ Заволжскомъ краѣ: запасы такъ называемыхъ казенныхъ оброчныхъ статей здѣсь довольно велики,—но фактически эти земли арендуются, главнымъ образомъ, наиболѣе многоземельными крестьянами, потому что казенныя оброчныя статьи почти всѣ располагаются поблизости отъ хорошо обезпеченныхъ землею бывшихъ казенныхъ селеній и совершенно недоступны, по своему мѣстоположенію, для малоземельныхъ, бывшихъ помѣ-

щичьихъ крестьянъ. Съ другой стороны, для того, чтобы малоземельные крестьяне могли арендовать землю, нужно, чтобы она сдавалась и чтобы были средства для арендованія. Между тѣмъ та или другая часть владѣльческихъ земель обрабатывается за собственный счетъ владѣльцевъ, значитъ, вовсе не сдается въ аренду, и эта часть увеличивается по мѣрѣ усиленія крестьянской бѣдности: чѣмъ сильнѣе нищаютъ крестьяне, тѣмъ неисправнѣе они вносятъ арендные платежи, тѣмъ большая часть арендной платы остается въ недоимкѣ, — и это обстоятельство побуждаетъ многихъ владѣльцевъ прекращать сдачу земли въ аренду и переходить къ собственному хозяйству. Въ свое время площадь сдаваемой въ аренду земли значительно сократилась, между прочимъ, благодаря росту сахарной промышленности: многіе владѣльцы нашли для себя болѣе выгоднымъ, вмѣсто прежде практиковавшейся сдачи земли въ аренду, обратить землю подъ свекловичныя плантаціи, — и это обстоятельство въ такихъ губерніяхъ, какъ Курская, Полтавская и др., очень усилило земельную нужду и многихъ изъ прежнихъ арендаторовъ заставило двинуться на переселеніе.

Ея условія. Условія крестьянской аренды—это слишкомъ хорошо извѣстно—крайне тяжелы, потому что они цѣликомъ предписываются безысходною крестьянскою нуждою. «Важно не только то,— говоритъ Елецкій комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, — что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ одинъ арендуетъ помѣщичью землю, но, главнымъ образомъ, то, что этотъ арендующій дворъ *не можетъ обой-*

тись безъ пользованія чужою землею... Иногда крестьяне бываютъ вынуждены арендовать тѣ или другія угодья просто для избѣжанія потравы ихъ скотомъ, уплачивать штрафы за которыя для нихъ является не подъ силу. Такимъ образомъ, наши крестьяне арендуютъ владѣльческія земли не только тогда, когда онѣ нужны имъ, но и тогда, когда онѣ имъ *не* нужны. При такомъ значеніи арендуемой земли съемщикъ готовъ платить за нее очень высокую цѣну, лишь бы въ его распоряженіи оставалось нѣкоторое количество необходимыхъ продуктовъ. Разумѣется, такой арендаторъ не помышляетъ о полученіи обычнаго процента на затраченный капиталъ, потому что онъ никакого капитала не затрачиваетъ, а является съемщикомъ-работникомъ, затрачивающимъ только свою рабочую силу; но онъ даже не заботится о полученіи въ вознагражденіе за свой трудъ средней заработной платы. Ему *безусловно необходимо* добыть извѣстное добавочное количество пищи для себя и для своей семьи или извѣстный запасъ корма для скота, и онъ волей-неволей вынужденъ затрачивать максимумъ труда для достиженія хотя бы минимальныхъ результатовъ. При такихъ условіяхъ арендная плата обыкновенно достигаетъ чрезвычайной высоты, оставляя съемщику лишь крайне скудное вознагражденіе за его труды». «Ненормальное повышеніе цѣнъ,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ на основаніи сведенныхъ имъ отзывовъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, — засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ показаній, при чемъ почти всѣ лица, касавшіяся этого вопроса, ставятъ этотъ фактъ въ не-

посредственную связь съ малоземельемъ». «Вслѣдствіе прироста населенія и недостаточности земли, полученной при первоначальномъ надѣлѣ, — читаемъ мы въ одной запискѣ,—спросъ на земли со стороны крестьянъ и цѣны на земли ежегодно растутъ, въ особенности цѣны...» «Съ малоземельемъ,—пишетъ членъ одного изъ уѣздныхъ комитетовъ,—еще можно было бы бороться при нормальныхъ арендныхъ цѣнахъ на землю, но, съ одной стороны, высокая аренда земли, а съ другой—рядъ тяжелыхъ условій, создали для крестьянъ безвыходное положеніе. Рядъ урожайныхъ лѣтъ поднялъ арендныя цѣны до такой высоты, что при даровомъ крестьянскомъ трудѣ и при хорошемъ урожаѣ въ пользу крестьянина остается лишь солома да мякина». Крестьянинъ, владѣющій лишь клочкомъ земли, по свидѣтельству одного комитета, «готовъ дать какую угодно цѣну лишь бы, за покрытіемъ расходовъ на живой и мертвый инвентарь, получился остатокъ, оплачивающій хотя сколько-нибудь его личный трудъ. Въ результатѣ мы видимъ страшный подъемъ цѣнъ за послѣднее десятилѣтіе — арендная плата уже подходитъ къ уровню голодныхъ арендныхъ цѣнъ». «Арендныя цѣны,—читаемъ мы еще въ одной запискѣ,—обнаруживаютъ значительную наклонность къ повышенію. Нужда въ землѣ съ ростомъ населенія будетъ все увеличиваться, и принужденные арендовать крестьяне заплатятъ и повышенную аренду, такъ что излишекъ доходности отъ улучшенія сельскаго хозяйства уйдетъ, можетъ-быть, весь на повышеніе аренды»... И такія свидѣтельства имѣютъ тѣмъ бо̀льшую цѣну, такія показанія при-

ходится признать тѣмъ болѣе достовѣрными, что вѣдь авторы записокъ, какъ и вообще участники сельскохозяйственныхъ комитетовъ, въ большинствѣ, принадлежатъ къ помѣстному дворянству, и съ ихъ стороны никакъ нельзя предполагать намѣреннаго изображенія арендныхъ отношеній въ худшемъ видѣ, чѣмъ они есть въ дѣйствительности.

Очень любопытны данныя объ арендныхъ цѣнахъ въ Полтавской губерніи, приводимыя М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его книжкѣ «Націонализація земли». Средніе цѣны земли при крестьянской продовольственной арендѣ въ 1890—1893 г.г. колебались между 8 р. 61 к. и 9 р. 73 к. за десятину; въ 1894 и 1895 г.г. средняя арендная цѣна падаетъ до 8 р. 93 к. и даже 7 р. 93 к., по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ очень усилившагося, какъ разъ въ это время, выселенія крестьянъ изъ Полтавской губерніи и обусловленнаго имъ сокращенія спроса на землю. Съ 1896 г. арендныя цѣны вновь начинаютъ расти и въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ поднимаются съ 8 р. 33 к. до 12 р. 60 к. А между тѣмъ арендныя цѣны при болѣе крупной арендѣ, гдѣ арендаторы, соглашаясь на ту или иную цѣну, дѣйствуютъ не подъ давленіемъ крайней нужды, а подъ вліяніемъ извѣстнаго хозяйственнаго расчета, въ 1890 году не превышали 6 р. 56 к.; и эти цѣны также болѣе или менѣе непрерывно поднимались,— тѣмъ не менѣе, и въ 1901 году средняя арендная цѣна при такой такъ называемой предпринимательской арендѣ не превышала, въ среднемъ, 8 р. 68 к. Значитъ, крестьяне, арендовавшіе землю по мелочамъ, при такъ называемой «продоволь-

ственной» арендѣ переплачивали на каждой десятинѣ въ 1890 году по 2 р. 1 к., въ 1901 году—3 р. 92 к.; въ началѣ даннаго 11-лѣтняго періода имъ приходилось переплачивать около одной трети, въ концѣ уже, приблизительно, половину сверхъ того, что позволялъ платить правильный хозяйственный расчетъ; очевидно, только безысходная нужда могла заставить ихъ соглашаться на такія переплаты. И переплачивать приходится тѣмъ больше, чѣмъ острѣе земельная нужда, иначе сказать, чѣмъ меньше у крестьянъ надѣльной земли. Въ Рязанскомъ уѣздѣ, напримѣръ, крестьяне съ надѣломъ отъ $1^1/_2$ до 3 десятинъ платятъ за арендуемую землю, въ среднемъ, по 11 р. 21 к., крестьяне съ надѣломъ отъ 3 до 5 дес.—уже только 6 р. 49 к., имѣющіе свыше 5 десятинъ—5 р. 77 к. Въ Орловскомъ уѣздѣ за десятину подъ озимое платятъ въ районѣ лучшихъ земель, среднимъ числомъ, по 19 р. 70 к., въ районѣ худшихъ земель не только не дешевле, но дороже, по 20 р. 70 к.,—и это только потому, что крестьяне здѣсь имѣютъ меньше надѣльной земли и потому вынуждены за плохую землю платить дороже, чѣмъ лучше обезпеченные землею крестьяне платятъ за хорошую землю. Быстро растутъ цѣны не только при денежной, но и при такъ называемой натуральной арендѣ—*изъ части* продукта: еще въ 1895 году около четверти всѣхъ такого рода арендъ ($23^0/_0$) оплачивалось одною третью продукта, въ 1900 году уже только одна десятая ($10^0/_0$); изъ половины въ 1895 году снималось менѣе трехъ четвертей ($72^0/_0$), въ 1900 году

Натуральная аренда.

уже почти шесть седьмыхъ (86%) всей натуральной аренды, да притомъ за этотъ короткій періодъ значительно чаще стали случаи доплатъ: въ 1895 году такія доплаты производились только въ одной трети (32%), въ 1900 году уже почти въ половинѣ (45%) случаевъ.

Между прочимъ, нѣсколько словъ объ особенностяхъ натуральной аренды. Извѣстно, что натуральная аренда существуетъ рядомъ съ денежною, и ясно, что къ натуральной арендѣ, изъ доли продукта или изъ доли обработанной земли, должны прибѣгать по преимуществу наиболѣе бѣдные крестьяне, не имѣющіе свободныхъ средствъ для денежной аренды; но особенно распространена натуральная аренда въ отработочной формѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянамъ приходится арендовать у сосѣднихъ владѣльцевъ всякіе клинья, черезполосно-лежащіе участки или безусловно необходимые имъ выпасы или водопои. Для помѣщиковъ въ такого рода случаяхъ издольная аренда и отработки—самый вѣрный и самый выгодный способъ обезпечить свое хозяйство дешевою рабочею силой,— хотя тутъ же приходится сказать, что испольщина и отработки чрезвычайно дурно отражаются на обработкѣ земли во владѣльческихъ имѣніяхъ и являются однимъ изъ существеннѣйшихъ препятствій къ улучшенію владѣльческаго хозяйства. Еще гораздо болѣе ощутителенъ, конечно, тотъ вредъ, который испольщина и отработки за землю приносятъ крестьянскому хозяйству. Отработки берутъ у крестьянина все лучшее полевое время, изъ-за отработковъ крестьянинъ не успѣваетъ во-время

вывезти навозъ; пока отъ отжинаетъ хлѣбъ помѣщика, утекаетъ его собственный хлѣбъ, пока онъ откашивается на помѣщика, засыхаетъ его собственная трава. Да и независимо отъ натуральной или отработочной формы, краткосрочная аренда — вещь, вредная во всѣхъ отношеніяхъ: у погоднаго съемщика, или арендатора, снимающаго землю на одинъ кругъ, нѣтъ никакого расчета хорошо обрабатывать землю, тѣмъ болѣе нѣтъ расчета затрачивать много навоза; такіе съемщики либо вовсе не удобряютъ арендуемую землю, либо удобряютъ ее очень плохо, гораздо хуже, чѣмъ надѣльную, а потому и урожаи на такой землѣ получаются самые плохіе; по даннымъ земской статистики—хуже не только, чѣмъ на помѣщичьей запашкѣ, но даже хуже, чѣмъ на крестьянской надѣльной землѣ.

Но нужда заставляетъ арендовать и заставляетъ платить, сколько требуетъ помѣщикъ. Въ нормальныхъ условіяхъ, когда арендаторъ можетъ руководиться правильнымъ хозяйственнымъ расчетомъ, онъ отдаетъ землевладѣльцу такъ называемую ренту—избытокъ сверхъ оплаты затрачиваемаго труда и процентовъ на затраченный капиталъ. Крестьянинъ-арендаторъ и не мечтаетъ о какихъ-то процентахъ,—въ видѣ правила аренда не оплачиваетъ даже его труда, и, напримѣръ, въ Херсонской губерніи, по расчетамъ земскихъ статистиковъ, крестьяне-арендаторы терпятъ на каждой арендуемой десятинѣ, среднимъ числомъ, 3 р. 33 к. убытка; крестьянинъ нерѣдко не надѣется даже заработать, онъ хочетъ только какъ-нибудь прокормиться отъ аренды. Онъ платитъ

землевладѣльцу не такъ называемую «диференціальную ренту», т.-е. избытокъ сверхъ оплаты затраченнаго труда и капитала, а «абсолютную» или «монопольную» ренту: крестьянинъ *не можетъ прожить* безъ аренды, а землевладѣлецъ волёнъ сдать или не сдать землю, и потому крестьянину приходится арендовать себѣ въ убытокъ, приходится отдавать землевладѣльцу не только излишекъ земельнаго дохода, но и значительную часть того, что̀ ему слѣдовало бы получить въ оплату своего труда и своихъ затратъ на обработку земли.

Аграрныя волненія.

Вотъ какими чертами обрисовывается современное положеніе русскаго крестьянства. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ создалось то настроеніе, которое нашло себѣ наиболѣе рѣзкое и во всѣхъ отношеніяхъ печальное выраженіе въ непрекращающихся, начиная съ 1901 года, аграрныхъ волненіяхъ и погромахъ. Я настаиваю на этомъ—во всѣхъ отношеніяхъ нежелательное: говорятъ, что самочинные захваты земель, разгромы усадебъ, поджоги и т. п.—это все проявленія «народной воли» и «народной мысли», требующей коренной реформы существующихъ земельныхъ отношеній. Но такой способъ изъявленія народной воли и народной мысли—это, несомнѣнно, худшій, какой только можетъ быть, способъ защищать свои права и отстаивать свои интересы.

И такое настроеніе создалось уже давно. Не даромъ въ правительственныхъ сферахъ, заходитъ ли рѣчь о кредитѣ для крестьянъ на покупку земли, или о переселеніи, или еще о чемъ-

нибудь подобномъ, сейчасъ же возникаетъ вопросъ о «превратныхъ толкованіяхъ», «слухахъ», «несбыточныхъ ожиданіяхъ» общаго равненія земли и т. п. Не даромъ императоръ Александръ III во время коронаціи счелъ необходимымъ подтвердить передъ представителями крестьянства неприкосновенность частной поземельной собственности. Крестьянство дѣйствительно не видитъ другого выхода изъ своего безотраднаго положенія, кромѣ увеличенія земельнаго надѣла, и всѣ его вожделѣнія направлены на землю, на помѣщичью землю. Это настроеніе, повторяю, уже давно проявляется въ постоянныхъ самовольныхъ захватахъ земли—«тѣсныя рамки надѣльнаго землевладѣнія ломятся подъ напоромъ той силы, которая заключается въ нихъ, но сдержать которую не въ силахъ никакая власть» (Мануиловъ). Это настроеніе уже давно проявляется въ постоянныхъ «нарушеніяхъ сельскохозяйственной собственности», на которыя такъ единодушно и горько жалуются представители помѣстнаго землевладѣнія, а отчасти—даже и крестьяне, въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Въ этихъ нарушеніяхъ, несомнѣнно, проявляется твердо укоренившійся взглядъ крестьянъ на свои права и на свои отношенія къ помѣстному землевладѣнію. «Въ сознаніи крестьянъ,—говорятъ московскіе земскіе дѣятели въ своемъ докладѣ мѣстному комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, — никакъ не укладывается представленіе о томъ, чтобы въ его распоряженіе могло быть предназначено такъ мало земли. Во многихъ случаяхъ населеніе предпо-

лагаетъ, что у него такъ мало земли не потому, чтобы на его долю *полагалось* такое малое количество ея, а потому, что ему въ натурѣ отведено меньше, чѣмъ слѣдуетъ. И вотъ, оно безпрестанно возбуждаетъ дѣла объ отысканіи принадлежащей ему земли, объ установленіи границъ ея, приглашаетъ для того на свой счетъ землемѣровъ, при чемъ послѣднимъ нерѣдко не приходится доканчивать принятую на себя задачу, такъ какъ если производимый землемѣромъ обмѣръ не отвѣчаетъ ожиданіямъ пригласившаго его общества, то со стороны послѣдняго можетъ грозить землемѣру довольно серьезная опасность». «Это тревожное состояніе крестьянства,—замѣчаетъ по этому поводу А. В. Пѣшехоновъ,—выразившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ очень острыхъ уже формахъ (писано въ 1904 году), заставило считаться съ крестьянскимъ малоземельемъ и такихъ дѣятелей, которые въ другомъ случаѣ, можетъ-быть, предпочли бы обойти этотъ вопросъ молчаніемъ».

Требованія земли.

И съ полнѣйшимъ единодушіемъ требованіе земли звучитъ во всѣхъ, по всякимъ случаямъ, заявленіяхъ крестьянъ. «Земли мало — это основной мотивъ большинства крестьянскихъ заявленій, какія мы находимъ въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Въ преніяхъ члены изъ крестьянъ по вопросу о малоземельѣ проявляли больше всего единодушія, въ своихъ докладахъ и запискахъ они удѣляли ему преимущественное вниманіе. Съ особою же силой этотъ мотивъ звучитъ въ тѣхъ прошеніяхъ и приговорахъ, какіе

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были представлены въ комитеты волостными и сельскими обществами, и въ тѣхъ словесныхъ заявленіяхъ, какія были сдѣланы ихъ уполномоченными представителями» (Пѣшехоновъ). Жалобы на малоземелье, требованія земли, опредѣленно сознаваемое право на помѣщичью землю, — все это находитъ себѣ рѣзкое и единодушное выраженіе и въ тысячахъ прошеній, подававшихся и подаваемыхъ крестьянами въ правительственныя учрежденія, и въ наказахъ крестьянскихъ депутатовъ, и въ рѣчахъ послѣднихъ въ Государственной Думѣ какъ перваго, такъ и второго призыва. Тѣ же жалобы и тѣ же требованія громко раздавались на недавно бывшемъ въ Москвѣ старообрядческомъ съѣздѣ. И здѣсь—все тотъ же всеобщій вопль о землѣ, и здѣсь этотъ вопль имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ немъ нельзя видѣть продукта какой-нибудь партійной агитаціи: напротивъ, господствующее на съѣздѣ настроеніе было опредѣленно-монархическое: старообрядцы всѣ свои надежды возлагаютъ на Царя, они явно враждебны тому, что они называютъ «демократіей», они высказываются противъ насильственныхъ способовъ разрѣшенія земельнаго вопроса,— и, тѣмъ не менѣе, они единодушно требуютъ: земли, земли, земли...

Пособія. Сборникъ „Нужды деревни“, т. II, статьи *Пѣшехонова* „Земельныя нужды деревни“ (имѣется отдѣльнымъ изданіемъ) и *Каминки* („Аренда“).—Сборникъ „Аграрный вопросъ“, т. I, статья *Мануилова*.—„Очерки по крестьянскому вопросу“, подъ ред. проф. Мануилова, гл. обр., статьи *Розенберга* (въ вып. I) и *Мануилова* (въ вып. 2).—*Каблуковъ*. „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“, гл. обр., главы III,

VI, VII и VIII. — *Туганъ-Барановскій.* „Націонализація земли“, гл. обр., глава VI.— *Кауфманъ.* „Переселеніе— мечты и дѣйствительность“ (брош., изд. „Народн. Право“).— Кн. *Н. В. Шаховской.* „Земледѣльческій отходъ крестьянъ“.— *Лохтинъ.* „Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи по сравненію съ другими странами“.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Правительственныя мѣропріятія.

Въ настоящей лекціи мнѣ предстоитъ дать краткій обзоръ того, что дѣлалось правительствомъ въ областяхъ, прямо или косвенно соприкасающихся съ земельнымъ вопросомъ, — дать обзоръ нашей аграрной политики за время, послѣдовавшее за освобожденіемъ крестьянъ. Считаю, однако, нужнымъ теперь же оговориться: я не буду входить въ сколько-нибудь подробную характеристику и оцѣнку *послѣднихъ* мѣропріятій правительства въ аграрной области; не буду потому, что считаю оцѣнку текущихъ событій выходящею изъ рамокъ настоящаго курса.

Мы видѣли, что сущность аграрнаго вопроса сводится къ тому, что народу, по тѣмъ или инымъ причинамъ, стало тѣсно на надѣльной землѣ. Первая, насущная потребность—это была, поэтому, потребность въ *расширеніи* крестьянскаго землевладѣнія. Что же, спрашивается, было сдѣлано въ этомъ направленіи? Само собою ясно, что правительство дѣйствовало и могло дѣйствовать лишь на почвѣ дѣйствовавшаго права, въ основѣ котораго лежало признаніе начала частной поземельной собственности. А оставаясь на этой

почвѣ, оно могло дѣлать только двѣ вещи: во-первыхъ, использовать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія многомилліонные запасы казенныхъ или государственныхъ земель, и во-вторыхъ, содѣйствовать передвиженію владѣльческихъ земель въ руки малоземельнаго крестьянства, въ порядкѣ добровольной купли и продажи.

Въ области использованія казенныхъ земель передъ государствомъ было открыто два пути: одинъ — переселеніе, другой — аренда такъ называемыхъ оброчныхъ статей. Разсмотримъ съ возможною краткостью каждый изъ этихъ двухъ путей.

Переселенческая политика.

а) *Переселеніе.* Это—исконный процессъ разселенія земледѣльцевъ по территоріи страны, и правильная государственная политика заключалась бы, конечно, въ томъ, чтобы возможно широко использовать издавнюю тягу крестьянъ «на новыя мѣста», использовать ее и ради заселенія этихъ «новыхъ мѣстъ», и ради разрѣженія населенія тамъ, гдѣ ему слишкомъ тѣсно стало жить. Такой именно, правильный взглядъ на переселеніе

Время П. Д. Киселева.

существовалъ въ эпоху знаменитаго николаевскаго министра государственныхъ имуществъ П. Д. Киселева. Во время его управленія государственныя земли разсматривались какъ государственная вотчина; само министерство государственныхъ имуществъ смотрѣло на себя какъ на вотчинника, въ интересахъ котораго было: съ одной стороны, заселить пустопорожнія земли и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доходными; съ другой — перевести рабочія руки

оттуда, гдѣ имъ было тѣсно и гдѣ онѣ поэтому не находили приложенія, въ мѣстности, гдѣ простора было много и гдѣ трудъ крестьянъ могъ найти для себя выгодное примѣненіе. Отсюда вытекала широкая и планомѣрная система переселенія государственныхъ крестьянъ и попеченія о переселенцахъ: право на переселеніе предоставлялось всѣмъ, имѣвшимъ менѣе 5 дес. на душу послѣдней ревизіи; переселеніе производилось организованными партіями; переселенцамъ отводилась земля и оказывалась помощь ссудами и предметами обзаведенія. Этимъ путемъ въ 50-хъ годахъ были переселены, частью въ южныя и юго-восточныя губерніи, частью — въ Сибирь, многія сотни тысячъ крестьянъ, и старики до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаютъ о томъ, какъ о нихъ заботились во время переселенія.

Но эта широкая и мудрая переселенческая политика началась и кончилась вмѣстѣ съ Киселевымъ, и при его преемникѣ, Муравьевѣ, переселеніе государственныхъ крестьянъ было совершенно пріостановлено.

60-е и 70-е года.

Наступилъ 1861 годъ. Переселеніе, какъ хорошо понимали въ то время редакціонныя комиссіи, было необходимымъ звеномъ въ дѣлѣ поземельнаго устройства выходившихъ на волю крестьянъ, особенно въ виду того, что крестьянская реформа либо создала вновь, либо навсегда закрѣпила безземелье сотенъ тысячъ крестьянъ и малоземелье цѣлыхъ милліоновъ. А между тѣмъ положенія 19 февраля ничего не говорятъ о переселеніи, и правительство въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ проявляетъ, по сло-

вамъ офиціальныхъ документовъ, «пассивное и даже отрицательное отношеніе» къ переселенію; оно стремится не цѣлесообразно использовать, а задержать, всячески затормазить переселеніе. И это совершенно понятно: вѣдь единственный вліятельный классъ—это было земельное дворянство, а оно было заинтересовано въ томъ, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ крестьянъ, которые имъ поставляли дешевыхъ рабочихъ и выгодныхъ арендаторовъ. И вотъ, первые двадцать лѣтъ послѣ 19 февраля правительство просто не хотѣло ничего знать о переселеніи. Единственное исключеніе было допущено только для двухъ мѣстностей: особыми законами было разрѣшено переселеніе на Алтай, потому что это было выгодно владѣвшему огромнымъ Алтайскимъ округомъ кабинетскому вѣдомству, и на Дальній Востокъ, потому что этого требовали интересы внѣшней государственной политики, именно необходимость заселить границу имперіи съ Китаемъ.

Но хотя правительство и не хотѣло знать переселенія, — а переселеніе росло изъ года въ годъ. За 70-е годы въ предкавказскій край прошло до 200 тыс. душъ, въ уфимскій—до 120 тысячъ. Въ министерства массами поступали прошенія о переселеніи, земства возбуждали ходатайства объ изданіи закона, разрѣшающаго переселеніе,—и вотъ, въ 1881 году издаются первыя «временныя правила», предоставляющія министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ разрѣшать переселеніе, а еще нѣсколько раньше начинается выработка постояннаго закона о пере-

Законъ 1889 года.

селеніи. По первоначальнымъ предположеніямъ, имѣлось въ виду организовать переселеніе довольно широко; но государственный совѣтъ, который сыгралъ такую печальную роль въ исторіи положеній 19 февраля, и тутъ проявилъ себя защитникомъ интересовъ помѣстнаго класса. Государственный совѣтъ нашелъ, что малоземелье прекрасно устраняется дешевою арендою владѣльческихъ земель и покупкою ихъ при содѣйствіи незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго крестьянскаго банка; правительство, по мнѣнію государственнаго совѣта, должно «скорѣе сдерживать переселеніе, нежели поощрять его оказаніемъ содѣйствія въ разныхъ видахъ»; а уже если издавать законъ о переселеніи, то такъ, чтобы не давать «пищи какъ преувеличеннымъ надеждамъ, такъ неосновательнымъ ожиданіямъ дополнительныхъ надѣловъ»,— чтобы мужикъ не подумалъ, что правительство взяло на себя устроить всѣхъ малоземельныхъ. Я не могу подробно разсматривать постановленій утвержденнаго 13 іюля 1889 г. закона о переселеніи, — достаточно сказать, что переселеніе на казенныя земли въ Европейской Россіи допускалось лишь на правахъ 12-лѣтней аренды, и только послѣ истеченія срока земля могла быть предоставлена переселенцамъ въ постоянное пользованіе; это—для того, чтобы мужикъ не подумалъ, что казна раздаетъ малоземельнымъ казенныя земли... «Попрежнему,—пишетъ одинъ высокопоставленный и хорошо освѣдомленный авторъ,—подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія, что уже невозможно долѣе предоставлять переселенческій вопросъ самому себѣ, правитель-

ство рѣшалось на оказаніе нѣкотораго пособія переселяющимся, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ опасенія, чтобы подобное дѣйствіе не вызвало нежелательное (кому?) массовое движеніе народа, оно стремилось ограничить воспособленіе переселенію самыми тѣсными предѣлами»; направленіе переселенческой политики сохраняло «характеръ не столько желанія содѣйствовать развитію и организаціи правильнаго переселенческаго движенія, сколько желанія поставить его въ возможно узкія границы» (Тернеръ). И такое настроеніе правительства находило себѣ выраженіе въ крайне сложномъ и стѣснительномъ порядкѣ разрѣшенія переселенія: дѣла о разрѣшеніи продолжались по два года, такъ что переселенцы сплошь и рядомъ уходили, не дождавшись отвѣта на свои ходатайства. Оно находило себѣ выраженіе въ тѣхъ грошахъ, которые отпускались на переселенческое дѣло: сначала—всего 20.000, немного позднѣе — до 80.000 р., да кромѣ того, 40.000 на обмежеваніе земель для переселенцевъ. Съ такими грошами самые самоотверженные дѣятели (а такіе были среди переселенческихъ чиновниковъ!) ничего не могли, конечно, сдѣлать. Переселенцамъ приходилось терпѣть ужасающія бѣдствія: они мерли тысячами на дорогѣ, мерли на переселенческихъ пунктахъ, мерли отъ истощенія въ первые мѣсяцы по водвореніи на новомъ мѣстѣ. Мнѣ пришлось видѣть фотографію двора на Тюменскомъ переселенческомъ пунктѣ съ установленными въ рядъ 38 переселенческими гробами... Недостатокъ нарѣзанныхъ участковъ велъ къ страшной неурядицѣ въ поземельномъ устройствѣ

переселенцевъ,—въ концѣ-концовъ правительству въ мартѣ 1892 года пришлось совершенно пріостановить выдачу разрѣшеній на переселеніе. А между тѣмъ переселеніе въ Сибирь все росло — въ 1891 году число переселенцевъ дошло уже до 90 тысячъ. И устраивались въ то время переселенцы не худо, а назадъ почти никто не возвращался: всего какихъ-нибудь 3—4 семьи изъ сотни переселявшихся семей. Это потому, что въ Сибири въ то время было еще сколько угодно свободныхъ земель съ хорошею почвой, легкихъ для разработки, притомъ поблизости отъ старожильскихъ селеній, гдѣ переселенцы всегда могли имѣть очень выгодные заработки; а обзаведеніе въ то время стоило пустяки.

Комитетъ Сибирской желѣзной дороги.

Но вотъ, въ 1893 году правительство приступаетъ къ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Зачѣмъ оно взялось за это громадное дѣло — объ этомъ было бы долго говорить здѣсь. Но разъ взявшись, оно стало заинтересовано въ возможно болѣе сильномъ переселеніи въ Сибирь; только при быстромъ ея заселеніи можно было разсчитывать, что дорога окупитъ затраченныя на нее огромныя деньги. И вотъ, возникаетъ новое учрежденіе — комитетъ Сибирской желѣзной дороги, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, и этотъ комитетъ беретъ на себя завѣдываніе переселеніемъ. Вмѣсто прежняго «сдержанно-отрицательнаго» отношенія, правительство начинаетъ проявлять самое доброжелательное отношеніе къ переселенію; чѣмъ больше будутъ переселяться, тѣмъ лучше — такъ считали въ

1893—1895 годахъ. И въ то-же время поняли, что переселеніе въ годъ какихъ-нибудь 300 тысячъ душъ, «при ежегодномъ естественномъ приростѣ въ полтора милліона, не можетъ оказать невыгоднаго вліянія на экономическое развитіе страны». Вмѣсто прежнихъ десятковъ тысячъ на переселеніе стали отпускать милліоны рублей—за десятилѣтіе, начиная съ 1893 года по 1903 было отпущено до 30.000.000; передвиженіе переселенцевъ въ Сибирь было устроено настолько сносно, что усиленная смертность переселенцевъ совершенно исчезла; переселенцамъ стали выдаваться не слишкомъ уже маленькія ссуды, и т. д.

Но широкое развитіе переселенія въ Сибирь встрѣтило непредвидѣнныя препятствія. Усилившееся переселеніе очень скоро заполнило въ Сибири все, что только было хорошихъ и легко доступныхъ для заселенія земель, поблизости отъ старожильскихъ селеній; переселенцевъ пришлось направлять либо въ дремучіе сибирскіе лѣса, такъ называемые урманы и тайгу, либо въ засушливыя, часто безводныя, степи юго-западной Сибири и киргизскаго края; большой наплывъ переселенцевъ повелъ къ значительному ухудшенію заработковъ, къ вздорожанію хлѣба и всѣхъ предметовъ обзаведенія. И вотъ, въ 1896 году обратное переселеніе сразу поднимается до 12%—до 12 семей на каждую сотню переселившихся; въ слѣдующіе годы обратное переселеніе было еще гораздо больше: кругомъ за 1894—1898 годъ возвращалось до 14, за 1899—1903 г.г.—до 19 семей изъ каждой сотни, почти одна пятая часть всѣхъ переселенцевъ. Волей неволей пришлось опять

«сдерживать» переселеніе. По мысли правительства, имѣлось въ виду не запрещать переселеніе, а распространять «сознательное отношеніе» къ тѣмъ трудностямъ, съ которыми переселенцамъ приходится встрѣчаться въ Сибири; для этой цѣли распространялись брошюры, было установлено обязательное ходачество: прежде чѣмъ переселяться, крестьяне должны были посылать ходоковъ, чтобы на мѣстѣ посмотрѣть, каковы условія устройства на новыхъ мѣстахъ, и зачислить за собою землю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстнымъ властямъ было поручено «наблюдать, чтобы не переселялись семьи, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на успѣшное устройство своего быта въ Сибири»; получивъ такое порученіе, ретивые губернаторы и земскіе начальники стали требовать отъ желающихъ переселяться предъявленія денежной суммы въ 300 рублей на семью; многіе земскіе начальники стали и вовсе задерживать переселенцевъ, затягивать выдачу проходныхъ свидѣтельствъ, что̀ повело, конечно, къ сильному росту самовольнаго переселенія; во второй половинѣ 90-хъ годовъ только четверть переселенцевъ шла по проходнымъ свидѣтельствамъ, остальныя три четверти—самовольно.

Новѣйшее время.

Въ началѣ 900-хъ годовъ наступаетъ новый поворотъ въ переселенческой политикѣ, вызванный на этотъ разъ опять интересами—только уже совсѣмъ другими интересами—землевладѣльческаго класса и видами—опять-таки совсѣмъ другими видами—государственной политики. Прежде, въ интересахъ

помѣщиковъ, правительство проявляло «сдержанное и даже отрицательное отношеніе» къ переселенію. Теперь крайнее обостреніе аграрнаго вопроса стало грозить самому существованію помѣстнаго землевладѣнія. И вотъ, переселеніе начинаютъ разсматривать какъ громоотводъ, долженствующій разрѣдить угрожавшую бурей атмосферу нашей деревни. Послѣ первыхъ аграрныхъ волненій, происходившихъ въ 1901—1902 г.г., возникала даже мысль о принудительномъ выселеніи крестьянъ изъ Полтавской губерніи, гдѣ безпорядки были сильнѣе всего. Эта мысль скоро была оставлена, и взамѣнъ ея явилась мысль — воспользоваться добровольнымъ переселеніемъ, какъ средствомъ, чтобы разрѣдить земельную тѣсноту. Два года продолжались работы по составленію новаго закона на основѣ этой мысли; въ концѣ-концовъ этотъ законъ былъ утвержденъ 6 іюня 1904 года. Его основная идея—«улучшеніе, при помощи переселенія, условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній»; чтобы достигнуть этой цѣли, предполагалось открыть полную свободу переселенія для всѣхъ крестьянъ, но въ то-же время оказывать правительственное содѣйствіе переселенію только тѣхъ, чье выселеніе будетъ признано необходимымъ для указанной выше главной цѣли. Въ самомъ законѣ, однако, оказалось нѣчто иное: подъ названіемъ «удостовѣреній» на право содѣйствія правительства законъ 6 іюня опять вводитъ предварительное разрѣшеніе, безъ котораго не допускаются посылка ходоковъ и зачисленіе за ними земли,— безъ котораго вообще положеніе

«свободнаго» переселенца, по закону 6 іюня, хуже, чѣмъ было положеніе «самовольныхъ» по правиламъ, дѣйствовавшимъ до того; и право давать или не давать такія «удостовѣренія» предоставлено все тѣмъ-же земскихъ начальникамъ, значитъ, все тѣмъ-же представителямъ земельнаго дворянства.

Съ самаго начала было ясно, что изъ такого рода попытки совмѣстить «свободу» съ «поощреніемъ» однихъ и «непоощреніемъ» другихъ ничего не можетъ выйти; это я высказывалъ, между прочимъ, въ вышедшей въ началѣ 1905 года моей книгѣ «Переселеніе и колонизація». И, дѣйствительно, правительству совершенно не удалось провести въ жизнь порядка переселенія, установленнаго закономъ 6 іюня, и указомъ 10 марта 1906 года право переселенія и предварительной посылки ходоковъ было предоставлено всѣмъ желающимъ безъ всякихъ ограниченій.

Такую мѣру, конечно, можно было только одобрить. Но бѣда въ томъ, что, желая довести выселеніе до возможно большаго размѣра, правительство забыло все то, что̀ ему было хорошо извѣстно во времена комитета Сибирской желѣзной дороги: оно забыло о томъ, что изъ каждыхъ ста ходоковъ отъ 70 до 80 возвращалось назадъ съ пустыми руками, не найдя подходящей земли; что до 20%, или пятая часть, переселенцевъ уходила обратно на родину, совершенно разоренная; забыло, что изъ остающихся въ Сибири почти треть остается безлошадными или однолошадными; забыло о голодовкахъ, которыя не менѣе часто посѣщаютъ переселенцевъ, чѣмъ въ Европейской

Россіи. Забывъ обо всемъ этомъ, оно въ первой государственной думѣ заявляло о «громадныхъ пространствахъ пригодной для обработки земли, нынѣ пустующихъ въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи». По официальному свидѣтельству, оно принялось «рекламировать» переселеніе, или попросту зазывать на новыя мѣста, черезъ посредство земскихъ начальниковъ и въ изданіяхъ, предназначенныхъ для распространенія среди крестьянъ. Не удивительно, что уже въ 1906 году переселенческое движеніе въ Сибирь и степной край достигло 220.000 душъ, а въ 1907 году— никогда небывалой ранѣе цифры 540.000, болѣе нежели полумилліона душъ. А такъ какъ правительство заблаговременно не подготовилось къ такому огромному переселенческому движенію, то это вызвало очень большія замѣшательства въ устройствѣ переселенцевъ на мѣстахъ. Чѣмъ это кончится — трудно сказать, но въ виду сказаннаго во 2-й лекціи о характерѣ тѣхъ земель, на которыхъ теперь приходится водворяться переселенцамъ, трудно думать, чтобы это огромное переселенческое движеніе могло привести къ добру.

Что̀ можетъ дать переселеніе.

Что̀, въ самомъ дѣлѣ, *можетъ* дать переселеніе, какъ способъ разрѣдить земельную тѣсноту во «внутреннихъ губерніяхъ»? Конечно, ничего. Вѣдь ежегодный приростъ населенія уже въ серединѣ 90-хъ годовъ исчислялся въ $1^1/_2$ милліона, теперь онъ едва ли менѣе двухъ милліоновъ и во всякомъ случаѣ не менѣе $1^3/_4$ милліона. Значитъ, даже такое огромное движеніе, какое было въ

1907 году [1]), можетъ унести въ Сибирь какую-нибудь четвертую или пятую часть прироста. Чтобы переселеніе могло, дѣйствительно, уменьшить земельную нужду, нужно было бы, чтобы выселялось ежегодно *больше*, чѣмъ вновь нарождается народу. Между тѣмъ трудно даже представить себѣ, что было бы, если бы, по щучьему велѣнію, размѣры переселенія возросли хотя бы только до двухъ милліоновъ... Какъ и гдѣ стала бы производиться нарѣзка земель для такого огромнаго, никогда и нигдѣ небывалаго числа переселенцевъ? Гдѣ они стали бы искать необходимыхъ заработковъ? А если бы принять все ихъ обзаведеніе на казенный счетъ, такъ даже по самому скромному расчету, принимая всѣ расходы на переселеніе и устройство одной семьи въ какихъ-нибудь 300 рублей, на ежегодное переселеніе двухъ милліоновъ пришлось бы затрачивать по 90—100 милліоновъ... И все это—въ полномъ смыслѣ слова на ура, съ рискомъ создать сотни тысячъ обратныхъ переселенцевъ и еще большія сотни тысячъ безлошадныхъ и одно-лошадныхъ, которыхъ пришлось бы опять-таки содержать на казенный счетъ... Но главное—все-таки то, что переселять такое огромное количество людей просто-таки некуда. Сибирь огромна. Но всѣ хорошія, легкія для разработки земли уже заняты. Въ распоряженіи правительства необъятая тайга—но въ тайгу переселенцы не идутъ, по крайней мѣрѣ, переселенцы изъ черноземной полосы, т.-е.

[1]) Надо имѣть въ виду, что изъ 540 тыс. всего переселенческаго движенія 130 тыс.—это ходоки, настоящихъ же переселенцевъ, значитъ, было около 400 тысячъ.

какъ разъ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя болѣе всего нуждаются въ переселеніи. Въ распоряженіи правительства свободныя земли въ киргизскихъ степяхъ. Но въ сѣверной, черноземной полосѣ киргизскихъ степей все лучшее уже занято: гдѣ уже водворены переселенцы, гдѣ сидятъ киргизы, которыхъ тоже нельзя оставить безъ земли; что̀ не занято, то почти сплошь безводно, да и по почвѣ мало пригодно для переселенцевъ. Необъятная южная полоса киргизскихъ степей—это полоса лѣтняго бездождія. Вести земледѣльческое хозяйство возможно только на орошаемыхъ земляхъ; но не говоря уже о томъ, какихъ огромныхъ денегъ стоило бы искусственное орошеніе, количество воды, которая можетъ быть использована для орошенія, очень невелико: въ самомъ лучшемъ случаѣ—на какихъ-нибудь нѣсколько милліоновъ десятинъ... Очевидно, что переселеніе, какъ ни широко вести переселенческое дѣло, безсильно оказать какое-нибудь замѣтное вліяніе на земельныя отношенія въ Европейской Россіи.

Аренда казенныхъ земель.

б) Объ *арендѣ казенныхъ земель* въ Европейской Россіи я буду говорить кратко, потому что значеніе этихъ земель, какъ одного изъ средствъ разрѣшенія нашего земельнаго вопроса, очень невелико. Въ распоряженіи казны имѣется земельныхъ угодій въ Европейской Россіи всего 4 милліона десятинъ (не считая нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ такъ называемыхъ оброчныхъ статей лѣсного вѣдомства), да, кромѣ того, имѣется 2 милліона десятинъ удѣльныхъ земель. Казенныя земли расположены почти цѣликомъ (93%!) въ двѣ-

надцати южныхъ и въ особенности юго-восточныхъ, заволжскихъ губерніяхъ, почти половина всего пространства казенныхъ земель — въ двухъ губерніяхъ: Самарской и Астраханской, около третьей части удѣльныхъ земель—въ Симбирской губерніи. Кромѣ этихъ шести милліоновъ десятинъ земельныхъ угодій, въ распоряженіи казны и частью удѣла имѣются многіе десятки милліоновъ десятинъ лѣсовъ; но огромные избытки лѣсовъ есть только на сѣверѣ, гдѣ земельный вопросъ далеко не имѣетъ того значенія, какъ на югѣ и въ центрѣ, во всей же остальной части Европейской Россіи, т.-е. какъ разъ тамъ, гдѣ земля нужна, лѣсовъ теперь уже не слишкомъ много, а скорѣе слишкомъ мало, и развѣ только случайно кое-гдѣ можно было бы отдать какую-нибудь небольшую часть казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ на расширеніе землевладѣнія крестьянъ.

Земельныя угодья казны и удѣла до послѣдняго времени[1]) использовались двоякимъ образомъ: отчасти — какъ переселенческій, главнымъ образомъ—какъ арендный фондъ. Изъ казенныхъ оброчныхъ статей въ заволжскихъ губерніяхъ еще не такъ давно отводились участки для водворенія переселенцевъ; но съ середины, примѣрно, 90-хъ годовъ переселеніе на эти земли почти прекратилось, главнымъ образомъ, потому, что на эти земли стали предъявлять притязанія мѣстные крестьяне. На сѣверѣ происходила, главнымъ образомъ, самовольная колонизація удобныхъ для

---

[1]) О продажѣ ихъ по законамъ 12 и 27 августа 1906 года я не говорю, по указаннымъ въ началѣ главы соображеніямъ.

заселенія мѣстъ въ необъятныхъ лѣсныхъ дачахъ казны и частью удѣла, которая встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны заботившагося объ охранѣ лѣсовъ лѣсного вѣдомства. Въ 1902—1903 г.г. возникла мысль о правильномъ заселеніи остававшихся въ распоряженіи казны земельныхъ угодій, а также тѣхъ частей казенныхъ лѣсовъ, которыя были годны для этой цѣли и не имѣли особаго значенія, какъ лѣсъ; какъ въ заволжскихъ губерніяхъ, такъ и въ сѣверныхъ лѣсахъ были предприняты работы по заготовленію переселенческихъ участковъ; но и эти работы давали лишь очень малые результаты и грозили остаться и вовсе безъ практическихъ послѣдствій, главнымъ образомъ, опять-таки, въ виду тѣхъ притязаній на эти земли, которыя предъявляются со стороны мѣстнаго населенія. Поэтому, главное значеніе казенныхъ и удѣльныхъ земель — это значеніе ихъ какъ *аренднаго фонда*, какъ запаса земель, арендуемыхъ мѣстнымъ населеніемъ. На сѣверѣ населеніе арендуетъ, главнымъ образомъ, покосы, узкими лентами вытянувшіеся вглубь обширныхъ казенныхъ лѣсовъ, частью выгоны и пастбища. На югѣ и въ центрѣ — главнымъ образомъ полевыя угодья и въ особенности пашни. По «уставу о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ» арендное хозяйство казны преслѣдуетъ исключительно цѣль возможнаго повышенія доходовъ казны. Законами 1886 и 1900 г.г. выдвинута впередъ землеустроительная точка зрѣнія: аренда казенныхъ земель начинаетъ разсматриваться какъ способъ расширенія землепользованія нуждающихся въ томъ крестьянъ, и эта точка зрѣнія получаетъ ясное

выраженіе въ сдачѣ оброчныхъ статей безъ торговъ нуждающимся въ землѣ обществамъ, при чемъ рѣшеніе вопросовъ о такого рода сдачѣ передано въ губернскія присутствія. Между вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ и присутствіями долго шла сильная борьба изъ-за арендныхъ цѣнъ: присутствія стремились, по возможности, понижать цѣны, вѣдомство государственныхъ имуществъ, преслѣдуя интересы казны, стремилось къ повышенію цѣнъ. Въ самые послѣдніе годы, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ аграрныхъ безпорядковъ, стремленіе къ пониженію арендныхъ цѣнъ на казенныя земли обнаруживается съ особенною силой и находитъ выраженіе въ рядѣ циркуляровъ центральнаго управленія, внушавшихъ мѣстнымъ управленіямъ стремиться къ установленію возможно дешевыхъ, посильныхъ для населенія цѣнъ.

Ея значеніе. Значеніе аренды казенныхъ земель, какъ способа удовлетворенія крестьянской земельной нужды, очень невелико— уже въ силу самаго ихъ мѣстоположенія. Вѣдь казенныя и удѣльныя земли располагаются, почти всегда, поблизости отъ селеній государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, значитъ, наиболѣе изобильно надѣленныхъ землею, и вдали отъ нуждающихся въ землѣ бывшихъ владѣльческихъ селеній. Но арендовать землю возможно, разъ на нее не переселяться, только поблизости отъ своего мѣстожительства; поэтому-то естественно, что арендаторами на казенныя земли являются, главнымъ образомъ, бывшіе государственные, значитъ наименѣе нуждающіеся въ землѣ кре-

стьяне. Въ Оренбургской губерніи, напримѣръ, изъ 46 крестьянскихъ обществъ, арендующихъ казенную землю, пять съ надѣломъ до 12, 24—съ надѣломъ отъ 12 до 15, 17—съ надѣломъ болѣе 15 десятинъ на ревизскую душу. Изъ имѣющихся въ Самарской губерніи 672 обществъ съ надѣломъ, опять-таки на ревизскую душу, менѣе 5 десятинъ, арендовали казенныя земли только 49, значительно менѣе одной десятой всѣхъ обществъ; изъ 965 обществъ съ надѣломъ въ 7—10 дес. арендовали казенныя земли 215, или болѣе одной пятой, изъ 240 обществъ съ надѣломъ свыше 15 десятинъ—60, ровно одна четверть. Какъ я сказалъ, это обусловливается прежде всего самимъ мѣстоположеніемъ казенныхъ (и удѣльныхъ) земель; но вмѣстѣ съ тѣмъ — и безпорядочною сдачей въ аренду: земскіе начальники и присутствія, отъ которыхъ зависѣла сдача, сдавали землю не тому, кто дѣйствительно нуждался, а тому, кто умѣлъ во-время и пожалобнѣе попросить. Если затѣмъ казенная земля и арендовалась на имя обществъ, то въ дѣйствительности арендаторами очень часто являлись товарищества изъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, тогда какъ болѣе бѣдная часть общественниковъ устранялась отъ аренды. Нечего уже говорить о томъ, что въ случаяхъ товарищеской, а тѣмъ болѣе единоличной аренды казенныя и удѣльныя земли доставались исключительно болѣе состоятельнымъ, очень часто и безъ того хорошо обезпеченнымъ землею лицамъ, и, такимъ образомъ, землеустроительныя задачи аренды казенныхъ земель достигались чрезвычайно плохо.

Крестьянскій банкъ.

Служить другой изъ указанныхъ въ началѣ настоящей главы задачъ—именно облегчить переходъ въ крестьянскія руки частновладѣльческихъ земель долженъ былъ и посейчасъ долженъ крестьянскій поземельный банкъ, на обзорѣ дѣятельности котораго мы теперь и остановимся. Мысль учрежденія такого банка была заимствована въ значительной мѣрѣ изъ ходатайствъ земскихъ учрежденій, давно настаивавшихъ на необходимости устройства кредита крестьянамъ для покупки земли. По первому проекту устава банка, выработанному въ 1881 году покойнымъ министромъ финансовъ Бунге, бывшимъ профессоромъ и дѣятелемъ «редакціоныхъ комиссій», цѣлью банка ставилась помощь безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ; имъ предполагалось выдавать ссуды для покупки земли до нормъ высшаго или указнаго надѣла, установленныхъ положеніями 19 февраля. Но въ государственномъ совѣтѣ было высказано все то же опасеніе: что это «будетъ истолковано какъ признаніе правительствомъ размѣра, до котораго должны быть доведены крестьянскіе надѣлы», или попросту—какъ признаніе права на дополнительный надѣлъ. Поэтому, государственный совѣтъ поставилъ задачу банка совершенно иначе: «облегченіе крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне — пріобрѣсти оныя»; цѣль банка — помочь *малоземельнымъ* — совершенно замалчивается, банкъ становится просто кредитнымъ учрежденіемъ, помо-

гающимъ всякаго рода покупкамъ земли крестьянами у помѣщиковъ. И правила дѣятельности банка были установлены на началахъ самаго обыкновеннаго, дѣлового или коммерческаго кредита: «всѣ заботы — чтобы казенная ссуда, выданная на первоначальные расходы банка, была скоро покрыта, и чтобы въ дальнѣйшемъ банкъ обходился собственными средствами» (Герценштейнъ).

Дѣятельность его въ 1883—1886 г.г.

Однако, пока министромъ финансовъ былъ Бунге, дѣло велось довольно широко и соотвѣтственно съ интересами малоземельнаго крестьянства. Операціи банка сразу приняли довольно большіе размѣры: за первые три года его дѣятельности при его содѣйствіи было куплено 823.000 десятинъ. Ссуды выдавались, въ среднемъ, въ размѣрѣ до девяти десятыхъ покупной цѣны имѣній, такъ что доплаты, требовавшіяся со стороны самихъ крестьянъ, были невелики; доплаты признавались хотя и желательными—ибо внесшій покупщикъ часть покупной цѣны изъ собственныхъ средствъ будетъ больше дорожить купленною землею, но въ то же время, по господствовавшему въ то время среди банковскаго управленія взгляду, не должны были быть велики, ибо слишкомъ большія доплаты легко могутъ вести къ разоренію покупщиковъ. При выборѣ кліентовъ, опредѣленіи размѣра ссудъ и т. п. банкъ оказывалъ предпочтеніе наиболѣе нуждающимся: имъ давались большія, менѣе нуждающимся — меньшія ссуды; многоземельнымъ и болѣе состоятельнымъ даже просто отказывали, «какъ менѣе желательнымъ для банка кліентамъ». Интересы покупщиковъ-

крестьянъ признавались солидарными, совпадающими съ интересами банка, и потому банкъ обращалъ больше вниманія на экономическое значеніе покупки, чѣмъ на оцѣнку покупаемой земли. Банкъ всѣми мѣрами избѣгалъ продажи купленныхъ при его содѣйствіи земель за невзносъ срочныхъ платежей, «видя, что заемщики не платятъ по невозможности, а не по нежеланію платить» (Скалонъ).

Съ конца 80-хъ годовъ, съ назначеніемъ на мѣсто Бунге биржевого дѣльца Вышнеградскаго, въ направленіи дѣятельности банка обнаруживается рѣзкая перемѣна. Къ тому времени успѣло выясниться, что дѣла банка идутъ далеко не вполнѣ удачно, что, впрочемъ, было и совершенно естественно при огромномъ размѣрѣ платежей и тѣхъ сравнительно большихъ ссудахъ, на которыя въ первые годы соглашалась администрація банка. Значительная часть всѣхъ заключавшихся сдѣлокъ, въ концѣ-концовъ, разстраивалась; часть купленныхъ при помощи банка земель была совершенно заброшена покупателями; недоимки очень быстро возросли до одной пятой и даже четверти (20—25%) оклада срочныхъ платежей; въ особенности сильна оказалась заминка въ платежахъ за 1886 годъ; когда банкъ назначилъ нѣсколько имѣній въ продажу за недоимки, продажа эта тоже встрѣтила большія трудности. И вотъ, вмѣсто того, чтобы понизить платежи хотя бы до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ платятъ заемщики частныхъ банковъ, администрація крестьянскаго банка пошла совсѣмъ другимъ путемъ, — начиная съ 1887 года, она начала сокращать операціи банка. Въ то время какъ въ первые

1887—1895 г.г.

три года дѣятельности банка общее количество купленной при его содѣйствіи земли достигало, въ среднемъ, 274 тыс. дес. въ годъ, уже въ 1887 году оно упало до 219 тысячъ, въ слѣдующіе восемь лѣтъ колебалось между 148 и 190 тыс. десятинъ, а въ среднемъ за все девятилѣтіе 1887—1895 г.г. количество пріобрѣтавшейся при содѣйствіи банка земли не превышало 175 тыс. дес. въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко измѣнилось и самое направленіе дѣятельности банка. Главною своей задачей администрація банка стала признавать не устройство крестьянъ, а тѣмъ болѣе — не устройство малоземельныхъ, а охрану интересовъ банка, предупрежденіе возможныхъ убытковъ. Отказы по ходатайствамъ о ссудахъ бывали въ первые три года дѣятельности банка въ 4—8% случаевъ, въ 1888 году отказовъ было уже 12,6% — вдвое и втрое чаще, чѣмъ первые года. Доплаты, напримѣръ, по малороссійскимъ и новороссійскимъ губерніямъ въ первые годы не превышали 15%; въ 1887—1888 г.г. онѣ достигли уже 20—22%, въ слѣдующіе четыре года, съ 1889 по 1892, онѣ возрасли еще больше и составляли въ каждый изъ этихъ годовъ: 25, 27, 30 и 33%; вмѣсто пятнадцати рублей на каждую сотню рублей оцѣнки крестьянамъ приходилось, значитъ, доплачивать 30 и 33 рубля... Центральное управленіе прямо предписывало мѣстнымъ отдѣленіямъ «стараться о значительныхъ единовременныхъ доплатахъ изъ своихъ средствъ». Прежде, при небольшихъ доплатахъ, покупать землю при содѣйствіи банка могли и малосостоятельные крестьяне; теперь, когда приходилось изъ своихъ средствъ

вносить, кругомъ, треть оцѣночной стоимости, покупка стала подъ силу только наиболѣе зажиточнымъ. Но именно это новая администрація банка и считала желательнымъ: прежде стремились оказывать помощь малоземельнымъ, теперь задачу банка стали видѣть въ томъ, чтобы оказывать «содѣйствіе развитію мелкой поземельной собственности» путемъ выдачи ссудъ «наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія» (Герценштейнъ); стали стремиться къ созданію класса сельской земельной буржуазіи, который, какъ высказывала администрація банка, «повсемѣстно служитъ источникомъ процвѣтанія страны и опорой гражданскаго порядка». Къ неисправности во взносѣ срочныхъ платежей стали относиться чрезвычайно строго: купленныя крестьянами при содѣйствіи банка земли массами назначались въ продажу,—администрація хотѣла этимъ путемъ искоренить убѣжденіе, что «купленная земля есть царская милость. и что она не отберется отъ нихъ»; въ 1887—1889 г.г. назначалось отъ 116 до 160 продажъ, въ 1890—уже 570, въ 1891—634, — а между тѣмъ 1891 годъ былъ неурожайнымъ и даже голоднымъ годомъ, и администрація банка, казалось бы, могла оказать нѣкоторыя льготы своимъ заемщикамъ. Эта чрезвычайная строгость имѣла цѣлью устранить недоимки въ платежахъ банку, а между тѣмъ эти недоимки были вовсе невелики: онѣ были не только не больше, но даже меньше, чѣмъ недоимки по дворянскому банку: въ 1888—1889 г.г. недоимки по крестьянскому банку составляли 12—12½%, по дворянскому 15—16% оклада.

Уставъ 1895 года.

Существенное преобразованіе банка послѣдовало въ 1895 году. По первому своему уставу банкъ могъ только выдавать крестьянамъ ссуды на покупку имѣній и притомъ въ размѣрѣ до 75%, и только въ видѣ исключенія до 90% оцѣночной стоимости. По уставу 1895 года банку предоставлено покупать имѣнія *за собственный счетъ* и затѣмъ перепродавать купленныя земли крестьянамъ, конечно въ кредитъ, на продолжительные сроки. Впрочемъ, такая покупка за собственный счетъ допускалась лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ: цѣнность земель на рукахъ у банка не должна была превышать размѣровъ его собственнаго капитала, который долженъ былъ составляться путемъ отчисленій изъ выкупныхъ платежей по манифесту 14 ноября 1894 года; если, такимъ образомъ, у банка на рукахъ оказывалось земли на сумму, равную размѣрамъ его собственнаго капитала, то банкъ долженъ былъ пріостанавливать дальнѣшія покупки до тѣхъ поръ, пока ему не удастся распродать часть ранѣе скупленныхъ земель. Затѣмъ, по уставу 1895 года допущенъ пріемъ въ залогъ имѣній, ранѣе купленныхъ крестьянами безъ содѣйствія банка; размѣръ ссудъ повышенъ въ обыкновенныхъ случаяхъ до 90% оцѣнки, а въ исключительныхъ случаяхъ допущена и выдача ссудъ въ размѣрѣ *полной* оцѣночной стоимости имѣнія, — значитъ безъ всякихъ доплатъ. Наконецъ, установлены предѣльныя нормы количества земли, могущаго быть купленнымъ въ однѣ руки при содѣйствіи банка, именно «количество земли, которое можетъ быть обработано силами покуп-

щика и его семьи»; такимъ образомъ, опять выдвинуты землеустроительныя задачи, причемъ нормы были выработаны чрезвычайно высокія, далеко превышающія среднюю покупную и хозяйственную силу заурядной крестьянской семьи.

Все изложенное сразу же повело къ значительному расширенію операцій банка; въ 1896 году было выдано ссудъ на покупку 209.000 дес., затѣмъ операціи банка росли съ каждымъ годомъ, такъ что въ 1900 году при его содѣйствіи было куплено 817.000 дес.; въ слѣдующіе нѣсколько лѣтъ операціи банка немного сократились,—тѣмъ не менѣе, за восемь лѣтъ (1896—1903) общее количество купленныхъ при содѣйствіи банка земель достигло 4.900.000 дес., что составляетъ кругомъ на годъ по 612.000 дес.—почти вчетверо больше, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Покупки земли за собственный счетъ банка были все это время невелики: за девятилѣтіе 1896—1904 г.г. банкомъ было куплено всего 905.000 дес., изъ нихъ распродано крестьянамъ 627.000 дес.

Указъ 3 ноября 1905 года.

Операціи этого рода, какъ я сказалъ, были значительно стѣснены тѣмъ правиломъ, въ силу котораго банкъ не могъ имѣть на рукахъ земли больше чѣмъ на сумму, равную размѣрамъ его собственнаго капитала. Это правило было отмѣнено манифестомъ и указомъ 3 ноября 1905 года, одновременно съ отмѣною выкупныхъ платежей и подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ; расширеніе операцій крестьянскаго банка (для чего банку приходилось выпускать или «реализовать» свои свидѣтельства) допущено «по мѣрѣ дѣйстви-

тельной потребности въ суммахъ для покупки банкомъ земель», а при покупкахъ крестьянами со ссудой банка допущена выдача безземельнымъ и малоземельнымъ ссудъ въ полномъ размѣрѣ оцѣнки. Я подчеркиваю — *безземельнымъ* и *малоземельнымъ;* это указаніе опять выдвигаетъ на первое мѣсто ту самую задачу помощи на болѣе обездоленной части крестьянства, о которой при учрежденіи банка такъ не желали говорить и которая во времена Вышнеградскаго была окончательно забыта управленіемъ банка.

Указъ 3 ноября 1905 г. открылъ, такимъ образомъ, безпредѣльный просторъ для операцій крестьянскаго банка. Но для этого, какъ я сказалъ, нужно было реализировать, т.-е. продавать на биржѣ, свидѣтельства банка; между тѣмъ, при современномъ недостаткѣ свободныхъ капиталовъ, этого не было возможности сдѣлать. И вотъ, закономъ 21 марта 1906 года былъ установленъ новый порядокъ выдачи ссудъ: ссуды выдаются землевладѣльцамъ-продавцамъ не наличными деньгами, какъ прежде, а свидѣтельствами банка, которыя продавецъ долженъ затѣмъ реализировать—продать, какъ ему угодно и какъ ему удастся; а для того, чтобы разомъ не было выброшено на рынокъ слишкомъ большое количество свидѣтельствъ, и чтобы цѣна ихъ не упала слишкомъ низко, землевладѣльцамъ-продавцамъ предоставлено взамѣнъ обыкновенныхъ 5-процентныхъ свидѣтельствъ получать именныя 6-процентныя, по которымъ уплата капитала начинается черезъ пять лѣтъ со времени выпуска и производится равными частями въ теченіе десяти лѣтъ. Отмѣчу здѣсь же, что

въ дѣйствительности продажа тѣхъ и другихъ свидѣтельствъ происходила гораздо дешевле номинальной цѣны: за 5-процентныя свидѣтельства получали 72 — 73 р., за 6-процентныя именныя — по 82—83 р. за сто, — и это обстоятельство надо не забывать, когда разсматривается вопросъ о цѣнѣ земель, скупаемыхъ банкомъ или при его посредствѣ: продавая землю по 100 рублей за десятину, землевладѣлецъ въ дѣйствительности получаетъ не сто, а 73 или 83 рубля. Но, конечно, покупщикамъ-крестьянамъ отъ этого не легче,— имъ приходится выплачивать банку *полную* сумму, и съ этой полной суммы насчитываются проценты.

Само собой разумѣется, что операціи банка, при такой постановкѣ дѣла, должны были чрезвычайно возрасти — и дѣйствительно чрезвычайно возросли; и росту ихъ еще способствовала та паника, которая возникла среди землевладѣльцевъ подъ вліяніемъ аграрныхъ безпорядковъ и всего связаннаго съ послѣдними. За время съ 3 ноября 1905 года по 1 августа 1906 г. было предложено банку 5.741.000 десятинъ, разрѣшено совѣтомъ банка къ покупкѣ 1.711.000 десятинъ. По новѣйшимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, за время съ того же 3 ноября 1905 года по 1 сентября 1907 г. крестьянскимъ банкомъ разрѣшено къ покупкѣ уже 4.608.000 десятинъ за сумму, ни много ни мало, какъ 510 милліоновъ или свыше полумилліарда рублей, при чемъ на 3.042.000 десятинъ было уже получено и окончательное согласіе владѣльцевъ на предложенныя банкомъ условія. Покупки земель крестьянами при содѣйствіи кре-

стьянскаго банка идутъ хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ покупки за счетъ банка, но все же въ очень значительныхъ размѣрахъ: за то же время, съ 3 ноября 1905 г. по 1 сентября 1907 г., крестьянскимъ банкомъ разрѣшено ссудъ на покупку 1.396.000 дес., на сумму 179.000.000 рублей.

Конечно, покупка владѣльческихъ земель крестьянскимъ банкомъ—это только половина дѣла; другая, несравненно болѣе важная и трудная сторона—это ликвидація сосредоточивающагося въ рукахъ банка огромнаго земельнаго фонда, иначе сказать, распродажа крестьянамъ скупленныхъ банкомъ земель. Этой стороны дѣла пока еще, повидимому, не получившей значительнаго развитія, я не буду касаться. Ликвидація земель, скупленныхъ банкомъ, стоитъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью землеустроительныхъ комиссій и съ современною земельною политикой правительства, характеристика и оцѣнка которой, какъ объяснено въ началѣ этой главы, выходитъ изъ рамокъ настоящаго курса. Въ мою задачу входитъ, однако, оцѣнка *прошлой* дѣятельности банка, къ которой я теперь и обращусь.

Значеніе операцій банка.

Каково, прежде всего, было до послѣдняго времени значеніе банка, какъ средства расширенія крестьянскаго землевладѣнія?

По 1 января 1907 года въ крестьянскія руки, при посредствѣ банка, перешло всего 8.267.000 десятинъ владѣльческой земли, на сумму всего до 675 милліоновъ рублей, изъ которыхъ въ ссуду было выдано 516 милліоновъ или свыше полу-

милліарда рублей. Въ покупкахъ этихъ участвовало до 1.319.000 крестьянскихъ семействъ, т.-е., приблизительно, $7^1/_2$ или 8 милліоновъ душъ, и, такимъ образомъ, дѣятельность крестьянскаго банка затронула въ нѣсколько разъ бо̀льшую часть нашего крестьянства, нежели переселеніе на государственныя земли азіатской Россіи. Интересно затѣмъ посмотрѣть, какая была роль крестьянскаго банка въ общемъ процессѣ перехода владѣльческихъ земель въ крестьянскія руки, т.-е. какая часть всей перешедшей въ крестьянскія руки частновладѣльческой земли была куплена при посредствѣ крестьянскаго банка и какая помимо его. Общее количество перешедшей въ крестьянскія руки земли опредѣлить нетрудно: въ 1877 году въ частномъ владѣніи крестьянъ было всего 7.110.000 десятинъ, по даннымъ поземельной статистики 1905 года, общая площадь крестьянскихъ купчихъ земель достигаетъ уже 25.000.000 десятинъ. Значитъ, за этотъ, приблизительно, 20-лѣтній періодъ въ крестьянскія руки перешло около 18 милліоновъ десятинъ; за то же время чрезъ посредство банка крестьянами пріобрѣтено $7^1/_2$—8 милліоновъ дес., т.-е. нѣсколько менѣе половины всей земли, перешедшей въ крестьянскія руки. За время съ 1883 по 1895 годъ при содѣйствіи крестьянскаго банка было пріобрѣтено всего около одной пятой ($21^0/_0$); при дѣйствіи устава 1895 года роль банка стала быстро расти: въ 1896 году изъ каждыхъ ста десятинъ, перешедшихъ въ крестьянскія руки, при содѣйствіи банка было куплено уже 27, въ 1897 году—39, въ 1898 г.—44, въ 1899 г.—49 десятинъ, въ настоя-

щее же время ликвидація владѣльческихъ земель идетъ почти цѣликомъ чрезъ крестьянскій банкъ,— помимо него продается крестьянамъ лишь сравнительно ничтожное количество.

Мѣстныя и переселенческія покупки.

Очень важно, далѣе, распредѣленіе покупокъ при содѣйствіи крестьянскаго банка на два главныхъ разряда: *мѣстныя* и *переселенческія* покупки, или иначе сказать: прикупка земли въ дополненіе къ надѣлу, или совершенный переходъ на купленную при посредствѣ банка землю, связанный со сдачей «въ общество» или съ продажей надѣльной земли. Мы располагаемъ по этому вопросу данными за два періода: пятилѣтіе 1884—1888 г.г. и шестилѣтіе 1898—1903 г.г. Въ 1884—1888 г.г. было мѣстныхъ покупокъ 991 тыс. дес., переселенческихъ—всего 241 тыс.; переселенческія составляли, значитъ, менѣе одной пятой части всѣхъ покупокъ. Въ 1898—1903 г.г. мѣстныя покупки составили 2.929.000 дес., переселенческія—1.405.000 дес.; мѣстныя покупки, такимъ образомъ, продолжаютъ преобладать, но переселенческія составляютъ уже не пятую, а почти третью часть всѣхъ покупокъ. Переселялись на купленныя при посредствѣ или при содѣйствіи банка земли, главнымъ образомъ, въ южныя, юго-восточныя и въ предкавказскія губерніи и области—Херсонскую, Таврическую, Уфимскую, Оренбургскую, Кубанскую, Ставропольскую и Терскую; довольно значительны были переселенческія покупки въ польскихъ губерніяхъ, въ незначительныхъ же размѣрахъ такія покупки встрѣчаются во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствовалъ крестьянскій банкъ.

Составъ покупщиковъ.

Дальнѣйшій важный вопросъ: *кто* покупалъ земли при содѣйствіи крестьянскаго банка? Мы видѣли, что политика банка въ этомъ вопросѣ нѣсколько разъ мѣнялась: сначала стремились помогать бѣднѣйшимъ, потомъ болѣе состоятельнымъ; указъ 3 ноября 1905 г. выдвигаетъ впередъ безземельныхъ и малоземельныхъ, въ самое послѣднее время предпочтеніе опять оказывается, повидимому, болѣе состоятельнымъ элементамъ. Но кто же, въ концѣ-концовъ, *дѣйствительные* покупщики, кто, въ самомъ дѣлѣ, становился кліентами банка? Общераспространенное мнѣніе, что, главнымъ образомъ, такъ называемая «сельская буржуазія», т.-е. самые зажиточные элементы нашей деревни. И къ тому, казалось бы, все должно было вести: и требованія высокихъ доплатъ, и прямыя указанія государственнаго совѣта и центральнаго управленія банка, и чрезвычайно высокія предѣльныя нормы: для центральныхъ губерній 25—40 десятинъ, для окраинныхъ губерній 40—60 и даже до 75 десятинъ на семью. А между тѣмъ въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Какъ видно изъ одного изъ послѣднихъ отчетовъ крестьянскаго банка, покупщики банка имѣли *до покупки:* въ 1899 году надѣльной земли, кругомъ, по 4,6, купчей по 1,1 дес., всего по 5,7 дес.; въ 1900 г. надѣльной 4,9, купчей 1,6, всего 6,5 дес.; въ 1901 году той и другой вмѣстѣ 6,8, въ 1902 году, 7,2, въ 1903 и 1904 г.г. опять 6,8 дес. на семью. Ясно, что многоземельные дворы могли попадаться среди покупщиковъ банка развѣ только какъ исключе-

ніе, громадное же большинство составляли слабо обезпеченные землею. Еще яснѣе дѣло станетъ, если сравнить земельное обезпеченіе кліентовъ банка со средними размѣрами крестьянскаго надѣла въ тѣхъ или другихъ районахъ. Только въ средне-промышленномъ районѣ получаются почти одинаковыя цифры—9,2 и 9,3 дес., т.-е. покупщиками при посредствѣ банка являются преимущественно *средне*-надѣльные крестьяне. Во всѣхъ остальныхъ районахъ земельное обезпеченіе кліентовъ банка *меньше* средней надѣльности крестьянъ даннаго района: такъ, въ новороссійскомъ районѣ у всѣхъ крестьянъ имѣется, кругомъ, надѣльной земли 9,9 дес., у покупщиковъ банка, вмѣстѣ съ купчею,—8,3 дес. на семью; въ юго-западномъ у первыхъ 5,9, у вторыхъ 4,1 дес., въ малорусскомъ 7,6 и 5,8 дес., въ среднемъ земледѣльческомъ 9,2 и 6,2 дес., въ бѣлорусскомъ 10 и 8,3 дес.; въ литовскомъ у всѣхъ крестьянъ въ среднемъ 11,9 дес., у покупщиковъ банка даже всего только 5,8 дес. Ясно опять-таки, что главная масса покупщиковъ банка вездѣ принадлежитъ къ числу сравнительно скудно обезпеченныхъ землей, т.-е. что банкъ, въ концѣ-концовъ, помогалъ *именно тѣмъ, кому слѣдовало* помогать. Если же взять данныя о *среднихъ размѣрахъ покупокъ*, состоявшихся при помощи банка, то окажется, что въ среднемъ на дворъ или семью было куплено: въ 1899 году 6,3 дес., въ слѣдующіе четыре года отъ 5,7 до 6,9 дес., въ 1904 г. даже только 5,2 дес. Если прибавить эти среднія цифры къ среднимъ цифрамъ земли, имѣвшейся у покупщиковъ до покупки, то получатся такіе

сравнительно небольшіе итоги (въ 1899 г.—12,0; въ 1900 г.—12,6 дес., и т. д.), которые ясно показываютъ, что покупки при содѣйствіи банка создавали не капиталистическое, а простое крестьянское, трудовое землевладѣніе. Сравнительно велики покупки, производимыя при помощи банка отдѣльными домохозяевами: въ 1899—1901 г.г. они покупали кругомъ отъ 12,4 до 13,4 дес., въ 1902—1904 г.г.— по 14,3—14,6 дес. на семью. Это—уже сравнительно значительныя покупки; съ прибавкой надѣльной земли получаются такія площади, которыхъ, при среднемъ составѣ семьи, нельзя обработать безъ помощи наемнаго труда; однако и это, конечно, тоже еще *крестьянскія* покупки, и даже въ этомъ случаѣ трудно говорить, чтобы такими покупками создавалась настоящая «сельская буржуазія».

Повторяю, я не могу входить въ разсмотрѣніе *современной* земельной политики правительства, но долженъ все же отмѣтить, что въ разсматриваемомъ отношеніи она должна привести, скорѣе всего, къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, именно, къ сосредоточенію продаваемыхъ при посредствѣ банка земель въ рукахъ болѣе состоятельныхъ элементовъ крестьянства: къ этому должна повести вся вообще политика землеустроительныхъ комиссій и стоящаго во главѣ ихъ вѣдомства; этому будетъ особенно содѣйствовать указъ 15 ноября 1906 года, предоставившій крестьянамъ право закладывать въ томъ же крестьянскомъ банкѣ свою надѣльную землю, между прочимъ, и ради покупки земли: очевидно, что

путемъ заклада тотъ получитъ бо́льшія средства для покупки земли, кто сможетъ больше заложить, значитъ—у кого имѣется больше своей надѣльной земли.

Другой вопросъ: какія и у кого земли пріобрѣтались, въ частности—при покупкахъ за собственный счетъ банка? Здѣсь, несомнѣнно, банкъ дѣйствовалъ не по опредѣленному плану, а подъ вліяніемъ чисто-случайныхъ соображеній и обстоятельствъ. Банкъ покупалъ не тамъ, *гдѣ надо было покупать*, а *тамъ, гдѣ надо было продавать* землю; огромное значеніе имѣли всякія личныя связи и протекція,—не даромъ въ числѣ первыхъ покупокъ крестьянскаго банка были огромныя имѣнія гр. Воронцова-Дашкова и Дурново. Распродажа купленныхъ земель сплошь и рядомъ тянулась и тянется годами, и банкъ нерѣдко терпѣлъ на ней крупные убытки. «Мы имѣемъ—говоритъ покойный Герценштейнъ,—не увеличеніе фонда государственныхъ земель по опредѣленному плану, а случайныя покупки имѣній, при чемъ выборъ послѣднихъ опредѣляется трудно уловимыми, подчасъ мало понятными, съ точки зрѣнія непосредственныхъ задачъ банка, моментами; хотя земли, купленныя банкомъ за счетъ собственнаго капитала, обходятся ему дешевле, чѣмъ крестьянамъ, покупающимъ ихъ у помѣщиковъ, но если эти болѣе дешевыя земли не находятся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянами предъявляется большой спросъ, то они все-таки будутъ предпочитать самостоятельную покупку болѣе дорогихъ, но необходимыхъ имъ земель».

Условія покупки земли. Платежи.

Сказанное приводитъ насъ къ вопросу объ условіяхъ пріобрѣтенія крестьянами земель при содѣйствіи крестьянскаго банка. Прежде всего необходимо остановиться на размѣрахъ платежей банка. Платежи эти, прямо сказать, были громадны. Въ то время, какъ дворянскій банкъ первые годы своей дѣятельности взималъ $4^1/_2\%$ роста, да $^1/_4\%$ на управленіе, акціонерные же земельные банки взимали на расходы по управленію $^1/_2\%$, крестьянскій банкъ взималъ первое время $5^1/_2\%$ роста и 1% на расходы по управленію; съ прибавленіемъ платежей на частичное погашеніе капитальнаго долга крестьянамъ-заемщикамъ банка приходилось платить просто-таки невѣроятный процентъ: именно, смотря по сроку ссуды, отъ $7^1/_2$ до $8^1/_2$ годовыхъ. Первое пониженіе платежей, на 1%, послѣдовало по манифесту 14 ноября 1894 г.,— процентъ роста съ платою на расходы по управленію былъ пониженъ на 1%, значитъ, съ $6^1/_2\%$ понизился до $5^1/_2\%$; но платежи дворянскому банку по тому же манифесту были понижены до $4^1/_2\%$; погасительный процентъ, составлявшій, для дворянъ, при долгосрочныхъ ссудахъ, всего $^1/_4\%$, для крестьянъ-заемщиковъ банка остался $1—2\%$, смотря по сроку ссуды; такимъ образомъ, общій годовой платежъ крестьянскому банку и послѣ манифеста оставался $6^1/_2—7^1/_2\%$, тогда какъ заемщики дворянскаго банка платили уже только $4^1/_2\%$. Дальнѣйшія пониженія платежей по крестьянскому банку послѣдовали 6 декабря 1898 г. и 14 декабря 1906 г. Въ 1898 г. ростъ былъ пониженъ съ $4^1/_2$ до 4%, плата на расходы по

управленію—съ 1 до $^3/_4\%$; наибольшій срокъ ссудъ удлиненъ до $55^1/_2$ лѣтъ, съ погасительнымъ платежомъ въ $^1/_2\%$, и, такимъ образомъ, полный годовой платежъ по наиболѣе продолжительнымъ ссудамъ сократился до $5^1/_4\%$; тѣмъ не менѣе, платежи по крестьянскому банку и теперь оставались еще выше платежей по дворянскому банку. И только въ 1906 году платежи крестьянскому банку по ссудамъ на наиболѣе продолжительные сроки были понижены съ $5^1/_4\%$ и $5^3/_4\%$ до $4^1/_2\%$. Соотвѣтственно были понижены платежи и при ссудахъ на болѣе короткіе сроки: напримѣръ, при ссудахъ на 28 лѣтъ съ 6,75—7,1% до 5,8%, при ссудахъ на 13 лѣтъ съ 10,75—11,10% до 9,25%.

Доплаты.

Другой, существенно важный, вопросъ — это вопросъ о *доплатахъ* къ ссудамъ, выдаваемымъ банкомъ. Мы видѣли, что по первоначальному уставу банка въ ссуду должно было выдаваться до трехъ четвертей или 75% оцѣночной стоимости земли, и въ исключительныхъ только случаяхъ допускалась выдача 90%—девяти десятыхъ этой стоимости; остальное покупщики должны были доплачивать изъ своихъ средствъ. Дѣйствительный размѣръ доплатъ, какъ мы тоже видѣли, измѣнялся, смотря по взглядамъ администраціи банка: въ самые первые годы его дѣятельности доплаты составляли, кругомъ, всего 10—15%, въ концѣ 80-хъ годовъ 18—20%, въ началѣ 90-хъ годовъ уже 30—35%, цѣлую треть оцѣночной стоимости имѣній. Доплаты, по первоначальной мысли основателей крестьянскаго банка, должны были сильнѣе заинтересовать покупщиковъ въ ихъ покупкахъ: тотъ, кто при покупкѣ

земли выплатилъ часть цѣны изъ своихъ средствъ, будетъ напрягать всѣ свои силы, чтобы удержать въ своихъ рукахъ купленную землю; тотъ, кто купилъ землю цѣликомъ на занятыя деньги, гораздо легче ее броситъ, потому что онъ вѣдь ничего при этомъ не потеряетъ. Но для *этой* цѣли совершенно достаточно небольшихъ доплатъ; высокія доплаты конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ вызывались уже совсѣмъ другими соображеніями: именно — стремленіемъ тогдашней администраціи банка подбирать *болѣе состоятельныхъ покупщиковъ* и этимъ путемъ обезпечить болѣе исправное поступленіе платежей банку. Нечего уже и говорить о томъ, какъ такая постановка дѣла мало соотвѣтствовала основной цѣли банка. Но главное — это то, что высокія доплаты очень плохо отражались на результатахъ его дѣятельности. «Во-первыхъ,— писалъ предсѣдатель одной изъ земскихъ управъ въ докладѣ комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,— доплаты ведутъ къ значительному неравенству въ распредѣленіи земли между крестьянами, участвующими въ покупкѣ; при различной степени зажиточности покупщиковъ одинъ вноситъ въ эту доплату больше, другой меньше. Кто внесъ больше, тотъ считаетъ за собою право на большее количество земли, и купленная земля распредѣляется между домохозяевами не поровну, а именно въ соотвѣтствіи съ величиною взноса каждаго домохозяина наличными для уплаты. Во-вторыхъ, очень часто крестьяне, не имѣя собственныхъ средствъ для покрытія требуемой банкомъ доплаты, вынуждены добывать для нея деньги такими способами, при

которыхъ купленная земля не только не можетъ поднять благосостоянія покупщиковъ банка, а напротивъ, ведетъ ихъ къ неизбѣжному разоренію. Такъ, одни продаютъ скотъ, лишая себя необходимаго орудія обработки земли; другіе дѣлаютъ займы у частныхъ лицъ, обыкновенно у мѣстныхъ кулаковъ, на самыхъ отяготительныхъ, иногда прямо разорительныхъ условіяхъ. Въ-третьихъ, первое время по пріобрѣтеніи земли крестьяне вынуждены дѣлать истощающіе землю каждогодніе посѣвы, отступая даже отъ общепринятой трехпольной системы, съ цѣлью возможно скорѣйшаго и возможно большаго извлеченія изъ купленной земли денежныхъ средствъ на покрытіе произведенной доплаты». Такихъ свидѣтельствъ—сколько угодно, и разорительное вліяніе доплатъ на покупщиковъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Сколько угодно имѣется указаній и вообще относительно неправильнаго и не соотвѣтствующаго интересамъ крестьянскихъ массъ направленія дѣятельности банка, въ частности—того предпочтенія, какое банкъ оказывалъ единоличнымъ и товарищескимъ покупкамъ передъ общественными. Такъ, въ Сарапульскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности указывалось, что «состоятельныя крестьянскія товарищества нерѣдко пріобрѣтаютъ земли черезъ банкъ про запасъ, а иногда и для эксплуатаціи малоземельныхъ крестьянъ; слѣдовательно, легко доступное состоятельнымъ товариществамъ пріобрѣтеніе земли идетъ въ ущербъ малоземельнымъ, неимущимъ. Въ Елецкомъ комитетѣ отмѣчалось, что нынѣшняя политика банка даже вредитъ мало-

земельнымъ крестьянамъ: способствуя переходу земли изъ рукъ владѣльцевъ, не обрабатывающихъ ея личнымъ трудомъ, и уменьшая, такимъ образомъ, поле приложенія наемнаго труда сосѣднихъ крестьянъ, подобная мобилизація земельной собственности отнюдь не удовлетворяетъ интересамъ малоземельныхъ крестьянъ. Въ Харьковскомъ губернскомъ комитетѣ докладывалось, что всѣ жертвы государства, всѣ жертвы крестьянъ, выселяющихся на вновь пріобрѣтаемыя земли, нисколько не улучшаютъ положенія малоземельной части населенія, а напротивъ того — ухудшаютъ его, такъ какъ съ пріобрѣтеніемъ извѣстной части владѣльческихъ земель крестьянскими товариществами поднимается сейчасъ же арендная плата на остальныя земли, которыя, такимъ образомъ, дѣлаются еще болѣе недоступными для бѣднѣйшихъ элементовъ» (Герценштейнъ). Вообще, лишенная планомѣрности передача владѣльческихъ земель въ крестьянскія руки, а тѣмъ болѣе — преднамѣренный переводъ ихъ въ руки болѣе состоятельныхъ элементовъ, приносилъ и впредь будетъ приносить крестьянскимъ массамъ больше вреда, чѣмъ пользы: если малоземельному крестьянину самому не удается получить земли, ему выгоднѣе, чтобы она оставалась въ рукахъ крупнаго землевладѣльца, чѣмъ чтобы она попала въ руки своему же брату крестьянину изъ болѣе зажиточныхъ: съ такимъ переходомъ малоземельный лишается возможности арендовать землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно сокращаются тѣ заработки, которыми малоземельный пользовался, пока земля была въ рукахъ землевладѣльца-помѣщика.

Покупныя цѣны.

Наконецъ, послѣдній и главный вопросъ — о *цѣнахъ* земель, пріобрѣтаемыхъ крестьянами черезъ посредство и при содѣйствіи крестьянскаго банка. Когда открывался банкъ, цѣны на землю были очень низки: въ 1882 году средняя цѣна земли, по нотаріальнымъ книгамъ, не превышала 26 рублей за десятину. Учрежденіе банка сразу подняло цѣны: въ первые же три года его дѣятельности (1883—1885) средняя цѣна земли по сдѣлкамъ при содѣйствіи банка была 52 рубля за десятину. Затѣмъ операціи банка были значительно сокращены,—вмѣстѣ съ тѣмъ упали цѣны: въ 1887 году средняя цѣна банковскихъ покупокъ не превышала 42 рублей, въ 1889 году — даже 32 рублей. Въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ десятилѣтія былъ, однако, принятъ рядъ мѣръ, которыя, можетъ-быть, и были внушены интересами крестьянъ, но которыхъ вліяніе выразилось, главнымъ образомъ, въ *увеличеніи спроса* на землю, а слѣдовательно— и въ новомъ повышеніи цѣнъ: таковы сокращеніе доплатъ, пониженіе платежей, расширявшаяся практика покупокъ за собственный счетъ банка. Отсюда—новый ростъ операцій банка и новый ростъ покупныхъ цѣнъ: въ 1895—1896 гг. банкъ покупалъ землю по 52 и 49 р., въ теченіе каждаго изъ слѣдующихъ восьми лѣтъ—по слѣдующимъ среднимъ цѣнамъ: 71, 76, 78, 83, 91, 108, 108, 112 р.; въ 1906 году средняя цѣна земли по покупкамъ банка поднялась даже до 128 рублей за десятину. Чѣмъ болѣе, значитъ, развивались операціи банка, чѣмъ болѣе понижались платежи, тѣмъ болѣе повышались цѣны. Слѣдовательно, всѣ мѣры, имѣв-

шія своею непосредственною цѣлью облегченіе положенія крестьянъ-заемщиковъ банка, въ концѣ концовъ, не шли на пользу заемщикамъ; крестьяне отъ нихъ ничего не выигрывали: процентовъ на каждую сотню рублей имъ приходилось, правда, платить меньше, но эти меньшіе проценты исчислялись на все бо̀льшую покупную цѣну, и потому, въ концѣ-концовъ, платежи новыхъ кліентовъ банка не только не сокращались, а, напротивъ, оказывались больше, чѣмъ были въ первое время дѣятельности банка. И такія же послѣдствія будутъ имѣть и всякія дальнѣйшія реформы, пока онѣ будутъ стоять на той же почвѣ—покупки по добровольному соглашенію: чѣмъ легче будутъ условія покупки, тѣмъ жаднѣе мужикъ набросится на землю; чѣмъ шире банкъ поведетъ операціи за собственный счетъ, тѣмъ сильнѣе будетъ расти спросъ на землю, — и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого будетъ все новое и новое повышеніе цѣнъ.

Однако, прежде чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, мы должны еще спросить себя: дѣйствительно ли банковскія цѣны такъ высоки? Дѣйствительно ли повышеніе цѣнъ должно быть отнесено на счетъ коренного порока, лежащаго въ самомъ существѣ дѣятельности банка, и не вытекало ли это повышеніе, въ извѣстной степени, изъ измѣненій въ дѣйствительной стоимости покупавшихся земель?.. Если остановиться сначала на этомъ послѣднемъ вопросѣ, то нельзя не отмѣтить, прежде всего, что покупки банка, сначала сосредоточивавшіяся, главнымъ образомъ, въ наиболѣе многоземельныхъ губерніяхъ, слѣдовательно

въ такихъ, гдѣ цѣны на землю стояли всего ниже, постепенно распространились на всю Россію,— слѣдовательно, и на мѣстности съ болѣе высокими цѣнами. Еще важнѣе другое: въ первые годы дѣятельности банка, пока онъ только оказывалъ содѣйствіе крестьянскимъ покупкамъ, ссуды выдавались, главнымъ образомъ, подъ *части имѣній*, при чемъ землевладѣльцы чаще всего продавали такія части, которыя имъ были менѣе нужны—худшія по почвѣ, менѣе удобныя по мѣстоположенію, вообще менѣе цѣнныя земли. Съ тѣхъ поръ, какъ банкъ началъ развивать покупки за собственный счетъ,—съ тѣхъ поръ, въ особенности, какъ событія послѣднихъ лѣтъ заставили очень многихъ землевладѣльцевъ стремиться къ окончательной ликвидаціи своего хозяйства, въ продажу стали поступать все больше *цѣлыя имѣнія*—значитъ, въ томъ числѣ и лучшія по качеству и наиболѣе цѣнныя земли; и притомъ въ продажную цѣну имѣній вѣдь входитъ цѣнность не одной только земли, но и построекъ и инвентаря. Несомнѣнно, что эти обстоятельства уже сами по себѣ должны были вызвать постепенное повышеніе цѣнъ по операціямъ банка. Но несомнѣнно и то, что *одними* этими обстоятельствами нельзя бы объяснить повышенія среднихъ цѣнъ втрое или вчетверо,—большая роль тутъ остается все-таки и за тѣмъ усиленнымъ спросомъ на землю, который создалъ банкъ.

Теперь второй вопросъ: дѣйствительно ли банковскія цѣны такъ высоки? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ зависѣтъ отъ того, съ какой стороны посмотрѣть на дѣло. Возьмемъ нынѣшнія среднія

цѣны, напримѣръ, для нѣсколькихъ изъ среднеземледѣльческихъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ губерній: для Полтавской губерніи 212 рублей, для Курской 179, Тамбовской 152, Черниговской 137, Подольской 207 рублей и т. д.; возьмемъ минимальный (при долгосрочныхъ ссудахъ) процентъ платежа не только такъ, какъ онъ установленъ съ 6 декабря 1906 года ($4^1/_2$), но даже и такъ, какъ онъ стоялъ до этого пониженія, съ 1898 года ($5^1/_4\%$). Если сравнить это съ тѣмъ, *что теперь платитъ* мужикъ при арендѣ земли у частныхъ владѣльцевъ и при мелкихъ покупкахъ безъ содѣйствія банка, то придется признать, что банковскія цѣны и банковскіе платежи невелики: вѣдь арендная цѣна подъ озимое въ названныхъ районахъ уже давно стоитъ не ниже 20—25 рублей; кругомъ на годъ (считая и паръ!) это составляетъ отъ 12 до 15 рублей, срочные же платежи крестьянскому банку, при цѣнѣ въ 200 рублей, составляли 11 р. 50 к., теперь — всего только 9 рублей на десятину. Среднія покупныя цѣны по операціямъ банка—мы видѣли—въ однѣхъ изъ названныхъ губерній 200, въ другихъ 150 рублей и даже ниже; при вольной продажѣ крестьянамъ приходилось платить въ лучшемъ случаѣ 200—250, а то 300 и даже до 400 рублей за десятину. Значитъ, для тѣхъ, кому удалось купить землю при содѣйствіи банка, это было большимъ благодѣяніемъ: покупка значительно облегчила ихъ положеніе,— не даромъ кліенты банка проявляютъ такую изумительную исправность въ платежахъ... Но вопросъ: можно ли *такъ* смотрѣть, правильно ли сравнивать земельныя цѣны и платежи, какіе при-

ходится нести кліентамъ банка, съ тѣми цѣнами, какія существуютъ при вольной покупкѣ и при крестьянской арендѣ земель?.. Вѣдь эти цѣны — это кабальныя цѣны, вынужденныя земельнымъ голодомъ; мужикъ платитъ то, чего никто другой не платитъ и не можетъ платить за землю: онъ отдаетъ за землю столько, что ему не только не остается никакого процента на затраченный капиталъ, никакого барыша, но и за трудъ свой онъ сплошь и рядомъ выручаетъ меньше, чѣмъ на поденщинѣ. Такъ что же за диво, если банкъ даетъ крестьянину возможность купить землю дешевле *этихъ* цѣнъ и платить меньше *этихъ* платежей?! Но, конечно, то, что крестьянину приходится платить при покупкахъ съ содѣйствіемъ банка — это гораздо больше, чѣмъ земля дѣйствительно стоитъ, гораздо больше, чѣмъ тотъ чистый доходъ, который она дѣйствительно даетъ при крестьянскомъ или при заурядномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Пока въ основѣ его дѣятельности лежитъ принципъ вольной покупки и продажи, крестьянскій банкъ не можетъ дать правильныхъ земельныхъ цѣнъ, соотвѣтствующихъ тому, что земля давала и можетъ давать при хозяйственной эксплуатаціи; онъ ни самъ по себѣ, ни при содѣйствіи теперешнихъ землеустроительныхъ комиссій не можетъ распредѣлить попадающую въ его руки землю въ соотвѣтствіи съ дѣйствительною земельною нуждою.

Другія стороны аграрной политики.

Я очень подробно остановился на тѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, которыя имѣли и имѣютъ своею непосредственною цѣлью расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. О всѣхъ прочихъ сторонахъ аграрной или соприкасающейся съ областью земельныхъ отношеній политики послѣдовавшаго за освобожденіемъ крестьянъ сорокалѣтія я могу ограничиться немногими замѣчаніями — я остановлюсь, въ частности, лишь на двухъ категоріяхъ мѣръ: на мѣрахъ, касающихся семейныхъ раздѣловъ, и мѣрахъ, относящихся къ общинному землевладѣнію.

Законъ о семейныхъ раздѣлахъ.

Извѣстно, что въ крестьянскомъ быту большая семья куда выгоднѣе малой: всякая работа идетъ спорѣе, и на заработки можно уйти безъ ущерба хозяйству, и промысломъ заняться. Значитъ — все зло отъ семейныхъ раздѣловъ. И рѣшеніе простое: пусть всѣ живутъ въ большихъ семьяхъ, не смѣютъ дѣлиться. Право сельскаго схода вмѣшиваться въ дѣла по семейнымъ раздѣламъ было установлено еще положеніемъ 19 февраля (ст. 51 п. 5). Но крестьяне и крестьянскіе сходы хорошо понимали, что семейный раздѣлъ— частное дѣло, и постороннимъ людямъ въ такое дѣло ввязываться нельзя: насильно не свяжешь семьи, которая разползается во всѣ стороны. И вотъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что изъ 2.371.000 семейныхъ раздѣловъ только 303.000, значитъ, одна восьмая часть, послѣдовали по приговорамъ сходовъ; всѣ остальные произведены были просто самими заинтересованными

лицами, и сходъ только отводилъ выдѣлившимся семьямъ новыя усадьбы. Когда принялись вообще «подтягивать» крестьянъ, взялись и за семейные раздѣлы. Законъ 1886 года привлекъ къ участію въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ; раздѣлъ, по этому закону, допущенъ только при согласіи родителя (*безъ* его согласія раздѣлъ допущенъ только если родитель признанъ «расточителемъ» или человѣкомъ безнравственнаго поведенія); для раздѣла требуется основательный поводъ; требуется, чтобы была доказана способность каждой изъ выдѣляющихся семей къ самостоятельному веденію хозяйства; должна быть установлена обезпеченность исправной уплаты податного оклада и недоимокъ; земскому начальнику предоставлено право вмѣшиваться въ дѣло какъ въ случаѣ жалобъ кого-либо изъ заинтересованныхъ лицъ, такъ и въ такъ называемомъ «порядкѣ надзора», т.-е. просто по своему усмотрѣнію, и, такимъ образомъ, рѣшеніе дѣлъ о раздѣлахъ цѣликомъ передано въ руки земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ...

Нечего много говорить о томъ, до какой степени этотъ законъ, вызванный стремленіемъ «подтянуть» крестьянъ и укрѣпить почтеніе съ старшимъ, былъ несогласенъ съ требованіями жизни: разъ семьѣ не живется вмѣстѣ, ея веревками не свяжешь. И естественно, что законъ этотъ, какъ официально признано, между прочимъ, собиравшимися лѣтъ 10 тому назадъ особыми губернскими совѣщаніями, такъ и остался на бумагѣ, и на практикѣ не исполнялся; семьи, которымъ

нужно раздѣлиться, дѣлятся «самовольно», и законъ, имѣвшій помѣшать раздѣламъ, повелъ только къ одному: ко всяческимъ злоупотребленіямъ и недоразумѣніямъ, вслѣдствіе невозможности обставить раздѣлъ въ законномъ порядкѣ.

Община и передѣлы.

Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь въ заключеніе только на одномъ вопросѣ: на отношеніи правительства къ вопросу объ общинѣ. Споръ объ общинѣ, о приносимомъ ею вредѣ или, наоборотъ, пользѣ, идетъ уже давно, ровно полстолѣтія. Редакціонныя комиссіи тоже много думали надъ этимъ вопросомъ, и въ общемъ онѣ были скорѣе противъ общины, считали ее вредною для развитія крестьянскаго хозяйства. Но, съ одной стороны, онѣ не рѣшались ломать народную жизнь, а съ другой—вѣдь община была въ рукахъ правительства очень удобнымъ, какъ тогда казалось, средствомъ для взиманія податей и взысканія недоимокъ. И вотъ, положенія 19 февраля носятъ на себѣ явственный отпечатокъ такого нѣсколько нерѣшительнаго, колеблющагося отношенія редакціонныхъ комиссій къ общинѣ: всѣ общинные распорядки, передѣлы и проч. предоставлены власти сельскаго схода, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства; но допущенъ переходъ отъ общины къ подворному владѣнію, по постановленію, принятому двумя третями схода, тогда какъ, наоборотъ, переходъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному не допущенъ вовсе; знаменитая ст. 165 положенія о выкупѣ предоставляетъ каждому желающему внести причитающуюся на его долю выкупную сумму и выдѣлить

свой надѣлъ въ личную собственность, а по истеченіи срока выкупа каждому общественнику предоставлено право выхода изъ общины (ст. 12 Общ. полож. и ст. 106 Пол. о выкупѣ).

Общинная жизнь шла послѣ реформы 1861 г. такъ же, какъ шла и до нея, гдѣ не вмѣшивались въ дѣло помѣщики. Гдѣ передѣляли землю, гдѣ не передѣляли; передѣлы, гдѣ происходили часто, гдѣ, напротивъ, очень рѣдко; гдѣ производились коренные передѣлы, гдѣ дѣло ограничивалось свалками-навалками душъ; передѣляли и распредѣляли платежи гдѣ по ревизскимъ душамъ, гдѣ на наличное населеніе, гдѣ по работникамъ, гдѣ по ѣдокамъ: въ каждой мѣстности, въ каждой деревнѣ были свои порядки, смотря по тому хозяйству, какое велось у крестьянъ, смотря по тому, былъ ли надѣлъ «кормильцемъ» или «раззорителемъ». Но вотъ, опять-таки стали доискиваться, гдѣ корень зла, гдѣ причина крестьянской нищеты, и нашли эту причину въ передѣлахъ. И рѣшили ограничить передѣлы. Законъ 8 іюня 1893 года требуетъ для передѣла большинства двухъ третей голосовъ, участвующихъ на сходѣ; передѣлы допускаются на сроки не менѣе 12 лѣтъ; приговоры о передѣлахъ подлежатъ повѣркѣ земскаго начальника и должны быть утверждены уѣзднымъ съѣздомъ, который можетъ отказать въ утвержденіи приговора какъ въ случаѣ «явнаго ущерба для цѣлаго общества», такъ и въ случаѣ «нарушенія законныхъ правъ» отдѣльныхъ его членовъ, иначе сказать — когда ему вздумается; въ приговорѣ должны быть точно указаны какъ основанія новой разверстки земли, такъ и число долей, отводимыхъ

каждому домохозяину; въ случаѣ, если кѣмъ-либо изъ домохозяевъ были произведены улучшенія на той землѣ, которою онъ пользовался по предыдущему передѣлу, ему обязательно должны быть оставлены тѣ же полосы или должно быть выдано вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія. Частные передѣлы совершенно запрещены, за исключеніемъ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ, именно: 1) смерти, высылки или безвѣстной отлучки кого-либо изъ общественниковъ, 2) добровольнаго отказа отъ надѣла, и 3) неисправности въ несеніи платежей и повинностей.

Нельзя не признать, что въ законѣ этомъ имѣется цѣлый рядъ пунктовъ, противъ которыхъ ничего нельзя возразить, и которые, напротивъ, заслуживаютъ полнаго одобренія: таковы въ особенности постановленія, касающіяся хозяевъ, сдѣлавшихъ улучшенія на доставшейся по предыдущему передѣлу землѣ; въ этомъ отношеніи законъ 8 іюня 1893 года установилъ такіе же порядки, какіе во многихъ мѣстахъ ввели у себя и сами крестьяне. Трудно возражать и противъ требованія, чтобы основанія передѣла были точно указаны въ приговорѣ—это очень важно на случай какихъ-либо споровъ и недоразумѣній. Въ цѣломъ, однако, законъ 8 іюня вызываетъ къ себѣ отрицательное отношеніе. Прежде всего, онъ открылъ въ этомъ насущномъ для крестьянъ дѣлѣ полный просторъ произволу земскихъ начальниковъ: вѣдь на общину и на передѣлы всякій смотритъ по-своему, а враждебно относящійся къ общинѣ земскій начальникъ свободно могъ, по этому закону, никогда не допускать никакого передѣла.

Но и кромѣ того: законъ воспретилъ частные передѣлы, а между тѣмъ свалка и навалка душъ безусловно необходима, гдѣ доходность надѣла не покрываетъ повинностей. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно заставить общество оставлять надѣлъ за явно неисправнымъ или выбивающимся изъ силъ хозяиномъ? И вотъ, частные передѣлы либо производятся «самовольно», либо случается и такъ, что общество, не имѣя возможности произвести частный передѣлъ, производитъ общій передѣлъ, когда оно безъ этого, можетъ-быть, еще долго осталось бы при старомъ раздѣлѣ. Нецѣлесообразенъ и установленный закономъ обязательный 12-лѣтній срокъ: гдѣ существуетъ унаваживаніе полей, гдѣ вообще чувствуется необходимость въ улучшенной обработкѣ земли, тамъ крестьяне и сами уже давно перешли къ передѣламъ на продолжительные сроки; гдѣ этого нѣтъ, тамъ не вредятъ передѣлы и на болѣе короткіе сроки, въ особенности если ограждены права отдѣльныхъ хозяевъ, сдѣлавшихъ улучшенія на своихъ надѣлахъ; тамъ же, гдѣ ведется толочное хозяйство, при которомъ земля то пашется, то оставляется подъ выгонъ, — тамъ передѣлъ чрезъ короткіе сроки представляется совершенно необходимымъ.

Правительство, такимъ образомъ, въ 1893 году подчинило своему строжайшему контролю и сильно ограничило важнѣйшее изъ проявленій общины и міра—передѣлы. Но *самой общины* въ то время оно не только не собиралось разрушать, а напротивъ: оно приняло одну мѣру, имѣвшую прямою цѣлью противодѣйствовать разрушенію общины.

По ст. 165, какъ я упоминалъ, каждый общественникъ могъ внести досрочный выкупъ за свой надѣлъ, и въ такомъ случаѣ становился собственникомъ выкупленной земли. Не приводя цифръ, скажу только, что выкупъ по 165 статьѣ пошелъ довольно быстро, въ особенности въ промышленныхъ губерніяхъ; другой вопросъ, *что это* былъ за выкупъ, *съ какими цѣлями* онъ производился и къ какимъ послѣдствіямъ онъ могъ привести? По мысли редакціонныхъ комиссій, выкупъ по 165 статьѣ долженъ былъ вести къ созданію хуторскихъ владѣній съ улучшеннымъ хозяйствомъ и т. п. Въ дѣйствительности надѣлы выкупали для того, чтобы освободиться отъ круговой поруки, чтобы воспользоваться избыткомъ стоимости земли, гдѣ такой избытокъ былъ, сверхъ выкупной оцѣнки; бѣдняки выкупали земли, чтобы сейчасъ же перепродать ее скупщикамъ изъ своихъ же крестьянъ или постороннихъ лицъ. Вообще, досрочный выкупъ въ дѣйствительности оказался, просто, выгодною спекуляціей. И вотъ, законъ 14 декабря того же 1893 года поставилъ досрочный выкупъ въ зависимость отъ согласія общины— для такого выкупа требуется разрѣшительный приговоръ, постановленный двумя третями лицъ, имѣющихъ право участія на сходѣ; такихъ приговоровъ, естественно, сходы не желали давать, и досрочный выкупъ, съ изданіемъ закона 14 декабря 1893 года, совершенно прекратился. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ 14 декабря совершенно запретилъ залогъ надѣльныхъ земель какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи, для подворныхъ же владѣльцевъ ввелъ существенное

ограниченіе въ правахъ по отчужденію надѣльныхъ земель: продажа послѣднихъ допускается только односельчанамъ или лицамъ, приписывающимся къ обществу,—значитъ, во всякомъ случаѣ, лицамъ крестьянскаго сословія. Сейчасъ мы увидимъ, почему правительство въ то время такъ тщательно ограждало неприкосновенность общины и такъ рѣшительно противодѣйствовало выходу земли изъ крестьянскго владѣнія.

Законы 8 іюня 1893 года и 14 декабря, въ общемъ, скорѣе, благопріятные для общины и основанные на началѣ замкнутости, неотчуждаемости крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, дѣйствовали до самаго послѣдняго времени. 3 ноября 1905 года были, какъ извѣстно, отмѣнены выкупные платежи; тогда вспомнили о ст. 12 положенія 19 февраля, предусматривавшей свободный выдѣлъ изъ общины послѣ погашенія выкупного долга. Въ то же время, въ поискахъ причинъ обнищанія крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и причинъ, вызвавшихъ аграрное движеніе, напали на общину; тотъ самый С. Ю. Витте, который въ 1892 году написалъ нашумѣвшую въ то время записку въ защиту общины, теперь оказался яростнымъ врагомъ общины, и руководимое имъ особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ числѣ главнѣйшихъ мѣръ къ устраненію аграрнаго кризиса поставило уничтоженіе «зависимости крестьянъ отъ общины и міра». На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и смѣнявшія другъ друга въ послѣднее время правительства — того же С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкина, П. А. Столыпина,—и эта точка зрѣнія нашла себѣ ясное выраженіе и въ

дѣйствующемъ наказѣ землеустроительнымъ комиссіямъ, и въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ предположеній, теперь вновь внесенныхъ въ третью Государственную Думу. Съ полною рѣзкостью эта точка зрѣнія выразилась въ изданныхъ въ междудумское время, на основаніи ст. 87 основныхъ законовъ, указахъ 9 и 15 ноября 1906 года. Указъ 9 ноября предоставляетъ каждому желающему, во всякое время, выйти изъ общины и укрѣпить въ свое личное владѣніе ту землю, которою онъ пользуется по послѣднему передѣлу; гдѣ передѣла не было болѣе двадцати четырехъ лѣтъ—полностью, гдѣ передѣлъ былъ менѣе чѣмъ 24 года тому назадъ,—въ той части, какая окажется соотвѣтствующею наличному составу семьи выдѣляющагося изъ общины. Я не буду входить въ подробности—замѣчу только, что всѣ постановленія указа 9 ноября и всѣ разъясненія къ нему направлены всецѣло къ выгодѣ выходящихъ изъ общины и въ ущербъ остающихся въ ней. Затѣмъ, указъ 15 ноября не только разрѣшилъ то, что было запрещено закономъ 14 декабря 1893 г.—именно залогъ надѣльныхъ земель, но даже предоставилъ крестьянскому банку производить операціи этого рода. Въ соотвѣтствіи съ общимъ планомъ настоящаго курса, я не буду ни подробнѣе излагать содержанія указовъ 9 и 15 ноября 1906 г., ни тѣмъ болѣе вдаваться въ ихъ критику. Остановлюсь только на одномъ вопросѣ: почему правительство въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ такъ рѣшительно измѣнило свое отношеніе къ общинѣ? Почему оно прежде считало необходимымъ сохранять, теперь всѣми силами стре-

мится уничтожать общину? Почему оно прежде хотѣло закрѣпить землю въ рукахъ крестьянскаго сословія, теперь же хочетъ сдѣлать изъ крестьянъ «мелкихъ земельныхъ собственниковъ», свободныхъ распоряжаться своею собственностью, какъ имъ угодно? Объясненіе одно: прежде въ крестьянахъ видѣли консервативный классъ, въ крестьянскомъ сословіи видѣли «носителя исконныхъ русскихъ началъ», какъ ихъ понимаетъ правительство, въ общинѣ видѣли удобный аппаратъ для взиманія податей; вотъ почему въ то время охраняли общину отъ разрушенія, вотъ почему заботились о томъ, чтобы крестьянство оставалось замкнутымъ сословіемъ, чтобы земля не выходила изъ его рукъ. Послѣдніе годы среди крестьянства обнаружились неугодныя правительству стремленія, хваленый консерватизмъ крестьянъ оказался басней; община, какъ средство взиманія податей, не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, и правительство, навязавшее крестьянскому міру круговую поруку, въ концѣ-концовъ, было вынуждено отмѣнить ее; мало того—въ общинѣ почему-то стали видѣть разсадникъ соціалистическихъ началъ, общинному духу стали приписывать возникновеніе аграрныхъ волненій и безпорядковъ. И вотъ, община изъ друга сдѣлалась врагомъ, и вмѣсто того, чтобы оберегать, какъ прежде, неприкосновенность крестьянства и крестьянскихъ земель, правительство становится на совершенно противоположную точку зрѣнія, которая и находитъ себѣ выраженіе въ указахъ 9 и 15 ноября.

Пособія. Сборникъ „Аграрный вопросъ“, т. I (статьи *Герценштейна* о крестьянскомъ банкѣ и *Кауфмана* о переселеніи).—Сборникъ „Очерки по крестьянскому вопросу“ (статья *Скалона* о крестьянскомъ банкѣ, статья *Розенберга* „Изъ хроники крестьянскаго дѣла“).—*Каблуковъ* „Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства“, гл. VI и VIII.—*Кауфманъ*. „Переселеніе и колонизація“, часть первая.—*Тернеръ*. „Государство и землевладѣніе“, т. II.—*Страховскій*. „Крестьянскія права и учрежденія“, отдѣлъ второй.—*Риттихъ*. „Зависимость крестьянъ отъ общины и міра“. — Сборникъ „Нужды деревни“, т. II (статьи *Пѣшехонова* о „земельныхъ нуждахъ деревни“ и *А. А. Чупрова* объ „общинномъ землевладѣніи“).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Лекція I. Крестьянскіе надѣлы 3

Лекція II. Современное положеніе крестьянъ и ихъ земельныя отношенія 56

Лекція III. Правительственныя мѣропріятія 113